

8СФ
066

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

Академик А. С. ОРЛОВ

КАЗАХСКИЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

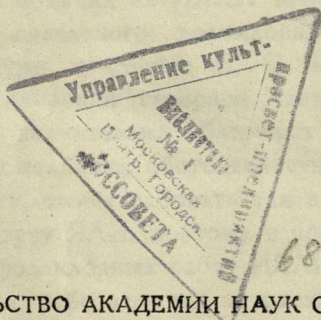
809
0-66

Академик А. С. ОРЛОВ

КАЗАХСКИЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС

✓ 129736.

Читальня
МЦГБ

1950

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1945 ЛЕНИНГРАД

ПРЕДИСЛОВИЕ

Во время пребывания на севере Казахстана я освоился с казахским языком и, привлекаемый своеобразием казахского героического эпоса, задумал показать его особенности с точки зрения руссизта-литературоведа. Весной 1942 г. я связался с Литературным сектором Института языка, литературы и истории Казахского филиала Академии Наук СССР, где получил материалы по казахскому героическому эпосу. Дирекция Института разрешила выслать мне из Института тексты казахских былин в подлинниках и в русских переводах и включила меня в число руководителей фольклорного отдела научно-исследовательских работ литсектора ИЯЛИ по плану на 1943 г. Летом 1942 г. мною были получены от ИЯЛИ печатные тексты „Bатырлар сығы“ (т. I, Алма-Ата, 1939) и машинописные копии переводов былин об Алпамысе, Едыге (подстрочные переводы Ш. М. Бекмухаммедова); Саине, Тархыне (литературные переводы Льва Пеньковского); Кобланды (литературный перевод Марка Тарловского) и Шурё (прозаический перевод А. Диваева). Эти материалы и легли преимущественно в основу пересказов и стилистических наблюдений настоящего очерка. Сверх того я получил из ИЯЛИ новейшее печатное пособие по истории казахского фольклора, библиографию фольклорной литературы и статью Е. С. Исмаилова „Об историко-культурном наследии северной части Казахстана“, что на первых порах значительно облегчило мне ознакомление с предметом. К сожалению, обстоятельства не позволяли мне посетить Алма-Ату, чтобы работать там в непосредственной близости к Институту ЯЛИ, поэтому и предложенная мне на 1943 г. редакция фольклорных работ ИЯЛИ не осуществилась. Но я продолжал работать над казахским героическим эпосом по самостоятельному плану, причем для проверки около

сотни стиховых строк моего перевода я пользовался советами Жамбула Кунаковича.

Закончив свой очерк казахского героического эпоса, приношу глубокую благодарность за поддержку в труде Институту ЯЛИ в лице его директора Н. Т. Сауранбаева и заведующего литсектором Е. С. Исмаилова, а также Жамбулу Кунаковичу, состоящему ныне директором средней казахской школы в курорте Боровое.

Тема настоящей книги возникла и осуществилась на почве Казахстана благодаря непосредственному соприкосновению с его национальной культурой. Перед русским автором книги, оказавшимся в окружении быта, языка и народной словесности казахов, открылся целый мир, верное восприятие которого необходимо для взаимного понимания народов, братски связанных между собою. Этой книгой автор выразил свое участие в широком ознакомлении с сокровищами казахского эпоса, художественные особенности которого, при всей их оригинальности, оказались свойственными и русскому былевому эпосу. Вместе с тем, этой книгой выражается благодарность за теплое гостеприимство, оказанное русскому исследователю в пределах Казахстана.

Академик А. С. Орлов

19 III 1944

ОБЗОР КАЗАХСКИХ БЫЛИН

Азиатский Восток является наиболее емким резервуаром героического эпоса. Тюркские и монгольские народности сохранили много старинных былин и на основе их стиля создают им подобия на современные уже темы. Былины эти с давних пор не оставались в границах одной народности, но переносились к другим народностям. Примерами могут служить: былина о Едыге-батыре, известная на многих языках тюркской системы, например на языках казахском, киргизском, барабинских, таранчинских и крымских татар; былина о Кобланды-батыре — на казахском, каракалпакском и татарском; былина об Алпамысе-батыре — на казахском, каракалпакском, узбекском; былина о Шора (Шурә, Чорә)-батыре, записанная у казахов, киргизов и у татар; или еще — древняя, повидимому, лирическая поэма на тему „Ромео и Джульета“, поэма о Кёзюйке (по-ойротски), или Козы-Корпеш (по-казахски) и красавице Баян, записанная и у ойротов на Алтае и у казахов в степи.¹ Установлено затем, что ойротская поэма „Козын Эркеш“ произошла от казахской „Козы-Корпеш“.

По-казахски нет особого термина для обозначения богатырских былин. Они называются просто „жыр“, т. е. „песня“, стих, или „кыса“ — слово, заимствованное с арабского, которое значит „рассказ“. К числу древних казахских богатырских былин относятся былины о Едыге, Кобланды, Тархыне, Шоре, Саине, Камбаре и Алпамысе батырах. Названные былины носят следы принадлежности к одному репертуару, так как имена некоторых персонажей у них общие, например святой Бабай-Тукты-Шашты-Азиз — в былинах о Едыге, Шуре и Алпамысе; байбише Аналык и девушка Карлыга — в былинах об Алпамысе и Кобланды; Кобланды-батыр, сверх своей былины, в былинах о Едыге и Ер-Саине; Караман и ханские дочери

¹ Н. У. Улагашев, сказитель-орденоносец. Алтай-Бучай. Ойротский народный эпос, под ред. А. Коптелова. Новосибирск, 1941, стр. 31, 384, 390—392. Впервые краткое содержание поэмы о Кёзюйке или Козы-Корпеш и Баян записано было на русском языке для А. С. Пушкина во время поездки его в Оренбургские степи (Временник Пушкинской комиссии, вып. III, 1937).

Ханыкей и Таныкей в былинах о Шоре и Кобланды, Ханикей и Тиникей в былине о Едыге. Роднят эти былины между собою также сюжетные и стилистические моменты.

Со всеми названными былинами мы ознакомились не только в переводах, но и в подлиннике, как по образцам Казахской Хрестоматии,¹ так и по изданию Казахстанского филиала Академии Наук СССР „Batyrlar şyry“ (t. I, Alma-Ata, 1939). Что касается русских переводов, то для наиболее верного представления о тексте подлинника могут служить подстрочные переводы, стихотворными же следует пользоваться для понимания художественных образов, с учетом неизбежного отклонения от подлинника в зависимости от трудностей версификации. Учитывать следует и то, что иногда переводчики европеизуют восточный стиль или произвольно стилизуют русский язык. Лучшие стихотворные переводы былин в крупных выдержках даны в „Антологии казахской литературы“ — „Песни степей“, изданной под редакцией Леонида Соболева (М., 1940).²

Авторы казахских былин неизвестны, но певцы-сказители — по-казахски „жырши“ — не являются только повторителями установленного текста, не воспроизводят лишь готовое, а варьируют, сообщают былине свое индивидуальное понимание сюжета и стиля. Конечно, это вмешательство певцов-сказителей производится в рамках традиции. Былины ритмичны и поются. Мухтар Ауэзов так характеризует гармонию казахских былин: „Былинные поэмы обычно сложены размером «жир». Жир — это семи-восьмисложный стих с различным количеством строк в строфе (от четырех до четырнадцати). Рифма внутри строфы не имеет постоянного места, зато музыкальность стиха достигается инструментовкой, построенной на звуковых повторях, на аллитерациях и ассонансах. «Бегающая» конечная рифма при одинаковом зачине ряда строк, богатых внутренними аллитерациями и частыми эпитетами и метафорами, подбираемыми по созвучию, создает порой насквозь звучащую строку, отличая казахский (так же и киргизский) эпос высокой техникой. Форма жира предусматривает наличие и другого стихотворного

¹ Калижан Беккожин. Ядебиеттик оку кытабы. А.-А., 1939.

² Печатные издания переводов казахских былин: Кобланды-батыр, стих. перевод Марка Тарловского, Алма-Ата, 1937, и „Песни степей“, стр. 17—29. Ер-Саян, стих. перевод Льва Пенёковского в журн. „Литературный Казахстан“, 1938, вв. VIII и IX, и „Песни степей“, стр. 30—46. Ер-Тархын, стих. перевод Льва Пенёковского в журн. „Литература и искусство Узбекистана“, 1938, кн. IV, и „Песни степей“, стр. 47—59. Шура-батыр, проз. перевод А. Диваева с киргизского в „Этнографических материалах“ А. Диваева („Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области“, т. IV, Ташкент, 1895. Камбар-батыр, стих. перевод Г. Владимировского, „Песни степей“, стр. 60—67. Былинами об Алпамысе и Едыге-батырах мы пользовались в подстрочных переводах Ш. М. Бекмухаммедова, известных нам по машинописи Института ЯЛИ.

ритма — «жельдирме», чаще всего употребляемого в местах наиболее динамичных, насыщенных событиями. Жельдирме — это беглый, убыстренный, напевно-декламационный стих. Самое название его, означающее «рысистый бег», определяет и его форму, являющуюся контрастом стиху жира, ведущему повествование как бы медленным, плавным шагом».¹

Но изданные записи былин не всегда состоят из стихов, частью мы видим и прозу, а иногда и все повествование представлено прозой, как, например, былина о Шоре-батыре в записи от киргиза. Иногда былинный сюжет встречается в форме краткой песни, вроде русских „исторических“ (например песенка об убийстве Чорою Ивана Грозного). Исследователи казахского эпоса пытаются отыскать следы героев своих былин в далекой исторической действительности, а в самих былинах определить не только основное содержание, но и последующие напластования. Считая былины о поименованных „старших“ богатырях поэтическими рассказами о подлинной истории среднеазиатских и крымско-волжских кочевых народов, исследователи возводят их к XV и XVI вв. Старейшей считают былину о Едыге, связанную с распадом Золотой Орды при Тохтамыше и Темир-Аксаке (Тамерлане). Из того, что герои былин еще не казахи, а „выходцы из Ногайлы“, можно заключить, что первоначальные варианты героического поэма восходят к эпохе, когда роды, составившие этническую основу казахского народа, фигурировали еще в составе Золотой Орды, Крымского и Казанского ханств под общим, более популярным именем „Ногайлы“.² Что касается позднейших наслоений в былинах, то постоянное наименование врагов „калмаками“ ведет нас, повидимому, к передвижениям калмыков в XVII и XVIII вв. Во всяком случае, самый поздний предел существенной вариации былин едва ли заходит за XVIII в.³

Эпитет „батыр“, прилагаемый к имени былинного героя, означает приблизительно то же, что богатырь русских старин, т. е. выдающегося воина, необычайного силача, ведущего борьбу в одиночку („поединщик“, *μονομάχος*), хотя и возглавляющего войско.⁴ Вместо „батыра“ часто к имени присоеди-

¹ „Песни степей“, М., 1940, стр. 12—13.

² Мухтар Ауэзов в книге „Песни степей“, стр. 11, 17, 30, 47, 60. Сабит Муканов в комментариях к „Батырлар сыры“, т. I, стр. 592—600.

³ Приведенные здесь даты относятся к историческому субстрату былин, к событиям и лицам, определенным исследовательски. Но сюжетные и фабульные мотивы, представляющие поэтический субстрат былин, выходят за пределы этих дат.

⁴ „Бахадур“ по-монгольски — храбрец, витязь; титул, дававшийся отдельным лицам за военные заслуги; в текстах XIV—XV вв. употребляется и для обозначения воинов армии Тимура (Тамерлана) вообще. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, II (собр. Тизенгаузеном), 1941.

няется эпитет „ер“, что значит „мужественный“, „храбрый“, „герой“. Непременным спутником и другом батыра является конь — „тулпар“. Обычно и батыр и его конь изображаются с легким налетом сказочности, но все же достаточно реалистично. И вообще, по сравнению с монгольскими, ойротскими и даже русскими былинами, казахские умереннее в своих поэтических гиперболах и, пожалуй, ближе к бытовой повседневности.

Кроме мужских персонажей, в былинах есть и женские, среди которых первое место занимает обычно невеста — жена героя. Невеста достается ему после преодоления разных препятствий. Ставши женою, она дополняет его личный образ то как воплощение разума (например Кортка, жена Кобланды), то как воплощение чести (жена Тархына — Ак-Жюнис). В большинстве былин выводится и трогательный образ матери героя или сестры.

Конечно, мы имеем дело уже с поздними сравнительно текстами былин, в которых сюжетная канва подверглась изменением под влиянием различных эпох и различных социальных слоев. Основной отличительной чертой древних былин считают преобладание общественного мотива над личным. Батыр — это носитель в одном образе мощи коллектива. Однако и здесь отобразились идеология и стремления родовой аристократии. В дошедших до нас вариантах многие из батыров происходят обычно от состоятельных людей, от „баев“; они охраняют и защищают достояние своего рода — племени, в особенности обильные табуны и стада, принадлежащие своим ближайшим родичам. Иногда батыры состоят на службе у ханов и тогда воюют в их интересах. Правда, ханы изображаются надменными и неблагодарными, в лучшем случае безвольными попустителями насилий. Диапазон общественных отношений батыров очень широк. С одной стороны, мы имеем такой, правда, единственный тип, как бедняк Камбар, питатель нескольких десятков бедняцких домов, или Шора, заявлявший с гордостью: „Я не князь, я простолюдин“, и Тархын, презиравший ханами за неродовитость, с другой стороны — Ер-Саин, который истребил девяносто рабов, возмущившихся некогда от притеснений его отца и бежавших в степь.¹

Вот с каким глубоким чувством национальной гордости отзывается один из казахских ученых педагогов о родных ему былинах: „Песни о батырах, наилучшие произведения казахской устной литературы, являются драгоценной ее достопримечательностью. В песнях о батырах создались весьма художественные песенные речи, интересные происшествия, глу-

¹ Впрочем, и Кобланды-батыр, промышлявший только воинскими набегами, когда делил на родине добычу, „следил за тем, чтобы вдоволь досталось всем до последнего бедняка“.

бокое содержание, создались мощные образы... Эти песни... восхищают образами и чудесной мощью. Читатели влюбляются в эти песни, увлекаются мужеством батыров, скачкой этих всадников, все это поднимает чувство. Героев песен народ очень любит; раньше много людей выучивали эти песни и путешествовали, произнося их наизусть. Кто сочинил столь удивительные поэмы, столь приятные песни? Какие поэты сочинили песни о батырах, в какое время они существовали — нам неизвестно. Песни о батырах в прежнее время не печатались и не выходили из печати. Песни о батырах народ в раннее время знал наизусть, их произносили, ходя, как бы роняя из уст, и, так сохранив, донесли их до нашего времени. Правда, у песен о батырах первоначально были отдельные авторы; позднее народ, произнося их, поправлял, с своей стороны прибавлял к ним новые слова, обновлял, обрабатывал, дополнял. Поэтому песни о батырах считают трудом многих людей, общим произведением всего народа. Народ хорошо смотрит на песни о батырах; слушали их, разгораясь, произносили их с гордостью. По этой причине песни о батырах — в основе народные произведения. В этих песнях народ показывает свои желания — мечты и устремления раннего времени...¹

Перейдем к характеристике каждой из поименованных казахских былин.

¹ Калижан Беккожин. Ядебиеттик оку кытабы, стр. 3.

БЫЛИНА ОБ АЛПАМЫСЕ-БАТЫРЕ

Начнем с наиболее красивой и достаточно обширной — с былины об Алпамысе (2500 стихов, и еще около трети этого — проза).

В давнопрошедшие времена в стране Жидели-Байсин среди племени Конирад¹ жил некто Байбори. Он был богат скотом, но бездетен. Терзаемый своей бездетностью, он усыновил ребенка, прижитого его братом с рабыней. Этот усыновленный приемыш, по имени Ултан, выросши чудовищем по размеру и по безобразию, стал попрекать Байбори бездетностью. Байбори стал странствовать по святым местам, вымаливая себе детище. И вот по благословению святого Бабая Азиза Волосатого у него родился сын Алпамыс и дочь Карлыгаш. К десяти годам Алпамыс вырос таким богатырем, что если в игре ударял кого-нибудь из сверстников, тот падал мертвым (ср. былину о Васке Буслаеве). Мстя за прежние обиды отца, Алпамыс вырезал Ултану уши и прорезал ступни. Уже ранее отец сосватал для Алпамыса дочь своего соседа Байсары — Гульбаршин, но затем оскорбил свата, и тот, нарушив сватовство, переселился с дочерью в Китай.² Там за красавицу Гульбаршин посватались китайский хан Тайша и калмыцкий батыр Каражан. Гульбаршин обещала выйти замуж за того, чей скакун придет первым на скачках в сорок дней пути. Алпамыс отправляется за своей нареченной в младенчестве невестой и побеждает обоих своих соперников, причем помилованный

¹ „Конирад“ — в Золотоордынское время: „Конгурат“, „Конкурат“; к этому племени в XIII—XV вв. летописи возводили многих родоначальниц тюрко-монгольской знати.

² Он пустился в путь, „навьючив свое имущество на 90 одногорбых верблюдов и уложив свою единственную дочь Гульбаршин в золотой сундук, а на черного нара посадил свою жену Алатыншаш...“ Девять, девяносто — поэтическая цифра счета казахских и всех ойротских былин, встречается и в русских былинах; группами в 9 человек считаются сыновья Соловья-разбойника (б. А. Г. Тупицына, стр. 36); Буслай жил девяносто лет. То же Никита Романович у Тупицына (стр. 43) „...от Киева скакать до Чернигова три девяносто мерных верст“ („Иван Гостинный сын“, у Аздовского — 99 стр., ср. 100). В русских еказках — „за тридевять земель“ Подобный счет есть в житии Довмонта по Псковской летописи.

им Каражан становится его другом и выигрывает на коне Алпамыса — Байшубаре скачки.¹ Женившись на Гульбаршин, Алпамыс возвращается с нею на родину. Оказывается, что за время отсутствия Алпамыса на его аул напал калмыцкий хан Тайшик и угнал весь конский табун Байбори. Осыпанный несправедливыми упреками отца, Алпамыс бросается в погоню за калмыками, но предрекает Байбори, что во время отсутствия сына тот испытает горькую участь от своего раба. К провожавшему его народу Алпамыс обращается с просьбой об охране его родителей и о том, чтобы ожидаемого от Гульбаршин сына назвали Жедигером и воспитали героем. А похититель табуна калмыцкий хан видит в это время пророческий сон, будто на него нагрянул грозный черный „бура“ (двугорбый верблюд-производитель), разрушил город, избил и пленил героев и мурз хана. Рот его достоин любую красавицу поцеловать, лучший бархат подстать ему, ум его многогранный, едет он на чалом (шубар) коне. Уж не Алпамыс ли это? Услышала о тревоге хана одна старуха, безобразная по виду, но известная своей изобретательностью. Эта старуха обещала хану доставить его врага связанным, если хан выдаст свою дочь Каракёз за ее паршивого сына. Старуха собрала 40 красавиц, запаслась крепчайшим вином и расположилась в юртах на пути Алпамыса, поместив в ближайшей крепости воинов, которые по дымному сигналу должны были явиться к юртам. Алпамыс едет на своем тулпаре, „едет батыр, едет, мчится в стан врага (его тулпар скачет,) ретиво грызя удила, стуча копытами по дороге, состязаясь с птицей быстролетной“ и т. д. Встретив-

¹ Эпизод о состязании за обладание Гульбаршин недавно стал известен в переводе с узбекского текста в издании „Советского писателя“: „Узбекский народный эпос. Алпамыш“. Главы из поэмы. Перевод Льва Пеньковского. Предисловие В. М. Жирмунского, 1943 (Ташкент). Этот эпизод, заключающий в себе около полутора тысяч стихов, так резюмирован В. М. Жирмунским: „Узбекская девушка Барчин, из племени Конграт, живет вместе со своим отцом Байсари в стране калмыков, куда откочевал ее отец, поссорившись со своим старшим братом Байбори. Чтобы избежать брака с ненавистными ей калмыцкими женихами, Барчин устраивает между ними ряд состязаний, обещая свою руку победителю. Состязания эти — скачки коней („байга“)... соревнование во владении луком и стрельбе в цель и борьба. Барчин надеется, что победителем в этих состязаниях окажется обрученный с нею с детства Алпамыш, сын Байбори, который приезжает за своей невестой в страну калмыков. Помощником Алпамыша в этом трудном сватовстве является калмыцкий богатырь Караджан, который из соперника и врага становится другом героя. Караджан на коне Алпамыша Байчибаре обгоняет своих противников, несмотря на коварство остальных участников скачки, которые калечат его коня, вбивая ему гвозди в копыта. Тот же Караджан первый вступает в единоборство с калмыцкими богатырями, после чего Алпамыш завершает его победу, поборов самого сильного из них — Кокальдаша“. Ср. в русских былинах: состязание в скачке коней — Дюк Степанович (Сб. Гильфердинга, № 159); состязание в стрельбе из лука — Добрыня и Василий Казимирович (Сб. Тупицына, № 4), Добрыня-сват (Сб. Гильфердинга, № 94).

шись со старухой, Алпамыс стал расспрашивать ее о дороге. Старуха разрыдалась и объяснила свое горе тем, что будто бы потеряла сорок своих сыновей, которых убил хан, когда они пытались отбить скот, похищенный у Байбори. Услышав, что едет Алпамыс, она решила дожидаться его на пути, чтобы просить об отомщении. Поверив старухе, Алпамыс согласился отдохнуть у ее сорока „невесток“, несмотря на предостережение чуткого Байшубара, который сшиб старуху, когда она хотела стать на стремя. Напившись вином у красавиц до бесчувствия, Алпамыс был связан примчавшейся из крепости засадой и доставлен к хану. Тот велит палачам умертвить батыра. Но согласно предречению св. Бабая, Алпамыс не горит, не тонет, меч его не сечет, пуля не берет и на виселице он не умер.¹

Тогда, по совету старухи, Алпамыса опустили в темницу 40 сажен глубиной, а Байшубара заперли в железном стойле (ср. Буцефала Александра). Семь лет сидел здесь Алпамыс. Однажды к нему свалились два из 17 козликов ханской дочери Каракёз, которых не досмотрел пастушонок Кейкуат. Алпамыс договорился с Кейкуатом, чтобы тот бросал ему ежедневно по козлику,² а когда они были все съедены, сделал флейту из кости козлят и научил Кейкуата приманить ею Каракёз к темнице.

¹ (Ср. неумирающих богатырей в ойротском эпосе). Ср. в русской былине об исцелении Ильи Муромца:

Походят-то калики, собираются,
Говорили Ильи, да Ильи Муромцу:
Ты еще-то будешь ездить во чистом поле,
Во чистом-то поле да смерть не писана —
Ты не бойся, ездй по чисту полю.
Еще тут-то калики-ти стали всё невидимо...
Надо всима он был да атаман большой,
Потому был атаман большой — силушкой был он сильнее всех;
По другому еще был, что не написана-то смерть да во чистом поле.

А. В. Марков, Сб. „Беломорские былины“, № 42, по сб. „Былины“, сост. Ю. М. Соколовым, под ред. Б. М. Волина, М., 1937, стр. 20 и 26.

² Ср. посажение в подземную темницу и подкармливание в ней в русских былинах. Так, в глубокий погреб сажает Владимир князь Сухмана и Илью Муромца, а литовский король — Дуная. Угрожаемый Калином-царем, Владимир рассказывает в том, что посадил „...Илью в погреба во глубокие, и заморил ... смертию голодною...“

И у князя у Владимира
Выходила дочь княженецкая,
Красна девица в семнадцать лет,
И сама говорит таково слово:
Может, жив старый казак Илья Муромец,
Бывает, съездит во Киев-град да постарается.
Говорит Владимир князь стольно-Киевский:
Ай же ты, дочь моя одинакая!
Где живому быть Илье Муромцу:

Пастушонок так заинтересовал девушку заключенным, что она для ускорения пути к темнице предложила лукавому мальчишке, притворившемуся усталым, сесть ей на шею. „Тазша решил поиздеваться: протянув обе ноги, уселся ей на шею. Ее косу обратил в поводья. Потребовав, чтобы она посадила его на свою шею, всю одежду скинул с себя. Ударяя ногами по ее грудям, так-то едет он. Едет и говорит: на горё Карахан хан мой. Ублажи меня, баловница моя! тяжесть твоей ноши не давит ли шею твою? шевелись же, животное, кобылица моя...“ За свое освобождение Алпамыс обещал Каракёз жениться. Переодевшись юродивым и захватив часть одежд Алпамыса, Каракёз взволновала Байшубара запахом одежд своего хозяина. Конь вырвался из железного стойла, и Каракёз, обманом получив у хана и коня и сорокасаженную веревку, вытащила Алпамыса из подземной тюрьмы. Затем Алпамыс

Сидит в погребах он три года!
И знали девицы про Илью Муромца,
И каждый день носили ествы сахарные.
И однако сходим-ко, батюшка.
Во погреба, во глубокие,
И берет Владимир-князь ключи от погреба,
И отложает двери погребны,
И заходит Владимир-князь во погреба, во глубокие,
И сидит старый казак Илья Муромец...

П. Н. Рыбников. Сб. „Песни“, № 57,
по сб. „Былины“, сост. Ю. М. Соколовым,
М., 1937, стр. 51.

В другом варианте былины, по доносу на Илью, Владимир князь ведет своим слугам, скурлатам немилостивым:

Возьмите-ко удалого доброго молодца,
Что по имени-то Илью Муромца,
Поведите его на горы высокие,
Бросьте его во погребы глубокие,
Задержите решетками железными,
Завалите чашей, хрящом-камнем.
Взяли тут удалова молодца
Скурлаты немилостивые,
Повели на горы на высокие,
Бросили в погреба глубокие,
Задержнули чашей, хрящом-камнем.
Княгиня была сдогадлива:
Копала подкопы под те погребы,
Поила и кормила доброва молодца,
Что по имени Илью Муромца,
Поила, кормила ровно три годы,
Через три годы накатилась сила неверная,
Что того было Калины-царя,
Обстала престольный Киев-град
Вокруг на шестьдесят верст.
Тут-то Владимир-князь
Весьма закручинился, запечалился и т. д.

Былины и исторические песни из южной
Сибири, записи С. Н. Гуляева, ред. М. К. Аза-
довского, Новосибирск, 1939, стр. 123. См. еще
былины о Ставре и Сухмане.

разбил войско хана, овладел городом и самого хана проткнул пикой. Поймав коварную старуху, он отрезал ей уши и голую повесил на суку за колена вниз головой. Власть над городом передал народу, сам женился на Каракёз, а Кейкуата сделал начальником и женил на красавице Нарзанкул. Чтобы Кейкуата не обидели калмыки по отъезде Алпамыса на родину, батыр научил его обращаться с ним при всех сурово, а сам обещал ему во всем быть покорным, тогда все будут бояться Кейкуата (ср. анекдот Пушкина о Потемкине). Возвратившись на родину, Алпамыс прежде всего встретил в качестве хозяев его табунов каких-то беков, в палатке которых увидел в роли их слуги своего дядю Тортая. Сначала Тортай не узнал Алпамыса, принимая его за юродивого. Когда Алпамыс, перебив беков, открылся дяде, тот рассказал ему о несчастиях, постигших его родичей во время его семилетнего отсутствия. Некогда наказанный Алпамысом приемыш Ултан, из мести сделал отца Алпамыса Байбори пастухом верблюдов, дедушку его Култая овцепасом, сына его Жедигера заковал в цепи и заставил пасти ягнят, мать и сестру батыра обратил в служанок, а Гультаршин принуждает стать ему женой, причем свадебный пир назначен как раз сегодня. Огорченный Алпамыс едет поглядеть, в каком рабском унижении трудятся его отец и дед, подслушивает их жалобы и, сначала неузнанный, беседует с ними. Эти диалоги изложены в виде обмена песнями. Жалобный монолог отца Алпамыса реалистичен и построен очень оригинально. Гоня непослушное стадо верблюдов на водопой, постаревший и измученный Байбори тужит об отсутствующем сыне и причитает, мешая свои жалобы с понуканием животных: „Я поплачу, обращаясь к богу, солью слезы своих глаз. Исполни же мою мольбу, создатель, творец, мой бог! (арай, животное, арай!) Мой создатель, творец, увидел ли слезы моих глаз, вернется ли мой Алпамыс? давно отсутствующего сына моего возвратит ли бог, творец? (арай, животное, арай!) На вершине Черной горы растет можжевельник. С моей снохи сняты шелка. (Погоняю тебя, но ты не идешь по направлению, верблюжонок, порученный мне ненаглядным моим. Арай, животное, арай!) На горё белое дерево, девушки вешают на шею гвоздики, бусы рядами. (Погоняю тебя, но не идешь ты туда, куда следует, оставшийся без хозяина, чтобы сгинуть тебе! арай, животное, арай! чтобы никто не уделел из вас! чтобы никто не взял вас! погоняю, но толком не идешь ты, оставшийся без хозяина, чтобы не жить тебе! и т. д.) Не явится ли мой ненаглядный, и не станет ли так, что окажутся к благополучию слезы моих глаз. Мне дорого имя твоё! Когда уехал мой Алпамыс, в нашем племени Конират стал господствовать раб Ултан, он стал беком над Байсыном. Когда был здесь мой единственный, он выставлял Ултана как приз на скачках (арай, душечка, арай!), этими словами скорбь моей

души изливаю. На старости лет от своего же скота горе претерпел я. В вечных слезах потускнели вот эти мои презренные очи. Настанет ли день, возвратишься ли ты, мой единственный, ведь у порога смерти узнал я тебя! (арай, душечка, арай!)". Между Алпамысом, его отцом и дедом происходит узнавание. Уверив деда Култая в своей личности родимым пятном на лопатке (ср. ойротскую былинку Ак-Тойчи), Алпамыс послал его на своем коне порадовать Жедигера возвращением отца. На свадебном торжестве Ултана Култай выигрывает на „кокпаре“ целого верблюда. Тогда Ултан предложил на „кокпар“ вместо животного тянуть самого Жедигера. Насилу удалось избавить его от этого терзания, а затем все-таки Ултан едва не убил его. Гульбаршин прибежала на вопли сына. Между ними происходит обмен трогательными речами, причем она сообщает ему свой сон,¹ пророчащий возвращение Алпамыса: будто белый сокол с шелковой привязью сел ей на руку.

Отосланный Ултаном к стаду, Жедигер встретил там отца, подъехавшего в одежде юродивого („дивана“), в капюшоне и длинном халате, с посохом в руке.² Жедигер просил юродивого погадать и осведомился, не видел ли он его отца; хвалил красоту юродивого и сказал, что было бы подстать повиснуть на его шее с возгласом: „отец, отец!“ От волнения Алпамыс упал в обморок. Далее — узнавание и радость обоим. У юрты Ултана Алпамыс причитает в стиле юродивого, мешая бессвязные возгласы с язвительными намеками, и остроумно насмехается над двумя картавыми женщинами — служанкой Гульбаршин и женой Ултана. Особенно интересно состязание речами Алпамыса с Бадамши, глупой и картавой женой Ултана, пытавшейся по приказу мужа воспеть его мощь. Уверившись в чистоте и невинности Гульбаршин, Алпамыс едет на стрельбище, устроенное Ултаном, и на дороге встречается с матерью. „Когда проезжал

¹ Между прочим, Гульбаршин говорит Жедигеру: „Тот, кого за старца Култая принял несчастный, как бы не был твоим отцом“. Жедигер отрицает это: „Мой отец Алпамыс, как бы бог его ни покарал, разве белобородым стал?“ Тогда мать напоминает ему: „Его дед Тукты-Бабай наделил шестьдесятю чудесами, потому-то, обратившись в белобородого и выйдя из темницы, предстал пред тобою“. В ойротском эпосе и кони и богатыри (например Алып-Манап, Козын-Эркеш) принимают разные виды. В русском эпосе оборотнем является Вольга, который научился хитростям-мудростям. Из казахских героев один Едыге обращается в борзую собаку.

² Что же касается вещей снов, то в русской былине сон, предсказывающий несчастье турец-Санталу, видит его жена. — С. К. Шамбинаго. Былины-старины. М., 1938, стр. 74.

³ Посещение Алпамысом родных и знакомых в виде юродивого имеет себе параллели и в русских былинах. Ср. переодевание Добрыни скоморохом на свадьбе своей жены с Алешей Поповичем, переодевание Алеши Поповича каликою переходим (в былине о Тугарине) и Ильи Муромца каликою же (в былине об Идолище).

он туда, голос какого-то человека доносится до ушей его. Повернув голову, посмотрел Алпамыс, могучий сын. То, что он проявил такую терпеливость, показывает мудрость, ум. Выкрикивая: «единственный мой», глядя в небо и голоса, на спине вязанка дров, плача и рыдая, бежит несчастная, горемычная мать, и набегу она говорит, вот что говорит она: подергивает углы рта: когда же единственного обнимешь? Подергивает плечо: когда наденешь шелка? Засохшие, несчастные груди, почему вновь налились вы? У байбише Аналык оглохшие уши и давно заложенные открылись вновь, и сера их потекла вновь. Увидев мать и не совладав с собою, Алпамыс залился слезами. «Выиграв приз на стрельбище, Алпамыс потребовал его у Ултана, и когда тот, узнав батыра, бежит, Алпамыс вместе с Жедигером ранят его, истязают и вешают вниз головой. Алпамыс собрал и исправил весь народ, восстановил благосостояние отца и матери и отца возвел на трон.

Былина об Алпамысе сложная. В ней связано несколько сюжетов, причем один сюжет, так сказать, „влетает“ за собой другой. Герой едет на поиски увезенной невесты, нареченной ему в детстве, расправляется с соперниками и женится на ней. Во время отсутствия героя на родине хан угнал конский табун его отца. Герой едет отбивать похищенное, попадает в руки хана, освобождается его дочерью и в благодарность женится на ней. Во время этого отсутствия героя на родине приемный сын его отца, некогда наказанный за притеснение последнего, приобретает силу и власть и унижает родных героя, деда, отца, мать и сына его, и собирается жениться на его жене. Герой возвращается на родину, карает насильника и восстанавливает благополучие своей семьи.

Итак, потеря или обида вызывает отъезд, который причиняет новую потерю, последняя же снова вызывает отъезд, опять причиняющий горе, устранение которого возвращает героя на родину. Подобная связь тем, их последовательность, чередование и повторность встречаются и в фольклорных поэмах Запада.

Самые темы этой казахской былины и входящие в них мотивы аналогичны наблюдаемым в эпосе европейских народов, как то: рождение героя по молитве удрученного бездетностью отца; богатырские игры героя-отрока, причиняющие против его намерения смерть его сверстникам; поездка героя за увезенной невестой; обстоятельства освобождения героя из темницы случайной связью его с прохожим, привлечение внимания освободительницы-девушки флейтой, разрушение богатырским конем железной конюшни, когда он учуял близость хозяина; избавление трусливого товарища героя от опасности путем фиктивного превосходства его над героем; неблагодарность приемыша, усыновленного отцом героя; унижение им членов семьи последнего во время его отсутствия на

родине и принуждение к замужеству его жены; переодетый герой на свадебном пиру. Общим для эпосов Запада и Востока является изображение пробега богатырского коня, конечно, с отличиями в зависимости от разницы национальных стилей. Приведем соответствующее место из былины об Алпамысе:

Едет богатырь, едет,
Мчится в стан врага.
[Конь его мчится,
Ретиво гремя удила,
Стуча копытами по дороге,
Состязаясь с птицей быстролетной,
Вытянув нежную шею,
Тяня, тяня за поводья,
У юноши руки немеют.
У тулпара Байшубара
Мускулы играют,
Искры, летящие из-под его четырех ног,
Отсвечиваются, как огонь кремня.
Послушаешь, гул его
Грохочет, как горный водопад,
Пот, льющийся с него,
Катится с потника.
Скажешь „вперед“ — конь шубар
Обгоняет быстролетную птицу,
Мчится вихрем,
Летит стрелою;
Скачет он и по пням,
Перепрыгивает через рвы
То, что виднеется далеко впереди,
Не проходит и миг,
Оказывается, уже осталось там позади.

Или еще: Алпамыс „шубара с золотым брюхом направил голову по дороге. День проскакав, конь-шубар месячный путь пробегает“.¹

¹ В русских былинах побегка богатырского коня изображается так:

Да скоро детина забирается,
Забирался-де скоро, на коня ли сам сел,
Хорошо-де под ним добрый конь повыскочил,
Через стену маше прямо городовую,
Через высоку башню наугольную.
Да хорошо-де пошел в поле добрый конь,
Да мети-ты мече он по версты,
Да мети-ты мече по две версты,
Да по две, по три, по пяти-де верст.
Да повыше идет дерева жаровчата,
Да пониже иде облачка ходячего,
Да он реки-озера между ног пустил,
Да гладкие мхи перескакивал,
Да синее-то море кругом-де нес.

Дюк Степанович. С. К. Шамбинаго.
Сб. „Былины-старинны“, М., 1938, стр. 27.

Тут конь под Ильей рассержается:
Он скакал выше лесу стоячего,
Ниже облака ходячего.

Былины и исторические песни из южной
Сибири, стр. 35

129736.

Есть и седлание коня. Повинуясь разгневанному отцу, Алпамыс собирается ехать в погоню, но предупреждает, что его отсутствие причинит беду, и потому демонстративно подчеркивает свои приготовления к поездке: „На коня положил потник-подпотник... чепраком накрыл я коня“.

К общим в эпосах моментам относятся предсказания, вещи сны.

Да не видно поездки да молодецкой,
Только видно, как Добрыня на коня скочил,
На коня он скочил да в стремяна ступил,
В стремяна-те ступил, да он коня стегнул.
Хоробра была поездка да молодецкая,
Хороша была побежка лошадиная,
Во чистом-то поле видно курева стоит,
У коня из ушей да дым столбом валит,
Да из глаз у коня искры сыплются,
Из ноздрей у коня пламя мечется,
Да и сива-де грива да расстилается,
Да и хвост-то трубой да завивается.

Илья Муромец и Сокольник. Ончуков.
Сб. „Печорские былины“, по сб. Ю. М. Соколова,
стр. 65, 66, ср. 67.

Он спустил добра коня да й богатырского,
Он поехал-то дорожкой прямоезжую.
Его добрый конь да богатырский
С горы на гору стал перескакивать,
С холмы на холм стал перемахивать,
Мелки реченьки, озерка промеж ног спущал.

Илья Муромец и Соловей-разбойник. Сб.
Гильфердинга, № 174, по сб. Ю. М. Соколова,
стр. 29.

Еще стал-то Илья Муромец-то коничка обездживать;
Тут скакал-то его всё как добрый конь,
Он повыше-то выскакивал лесу стоячего,
Он пониже-то облака ходячего.
Через стены, через башни перескакивал;
Он ведь речки-ти, озера небольши-ти промеж ног скакал,
Ай больши-ти таки реки перескакивал.

Исцеление Ильи Муромца. А. В. Марков.
Сб. „Беломорские былины“, № 42, по сб. Ю. М. Соколова, стр. 22.

Садилась они на добрых коней,
Они били коней по тучным бедрам.
Тут-де их кони порассердились,
С горы на гору кони перескакивают,
Темны леса промеж ног пуцают.
Реки, озера хвостом устилают.

Алеша Попович и Еким Иванович. Былины
и исторические песни из южной Сибири, стр. 131.

Они сели на добрых коней, поехали.
Как хвост-то у ней (кобылы) расстилается,
А грива-то у неё да завивается,
У оратая кобыла ступью пошла,
А Вольгин конь да ведь поскакивает.
У оратая кобыла грудью пошла,
А Вольгин конь да ведь остается.

Вольга и Микула. Сб. Гильфердинга,
№ 156, по сб. Ю. М. Соколова, стр. 4.

Следует отметить случай сходства с ойротской былинной о Кёзюйке и Баян. Кёзюйке быстро вырос, охотится, а вернувшись, играет с ребятами в бабки; он выиграл всё, ребята обиделись, и один с насмешкой сказал: „Если ты ханский сын, с нами зачем играешь? Ведь, есть у тебя жена, почему ее не разведешь?“ На вопрос Кёзюйке, почему над ним ребята смеются, мать ему рассказала о том, как отец его с Караты-ханом дружил, как в один день у них дочь и сын родились, как отцы-друзья поженили младенцев грудных. Как отец Кёзюйке на конских бегах погиб, как потом Караты-хан слову своему изменил, с дочерью своей Баян в дальние земли откочевал“. Сравните в былине об Алпамысе: отец Алпамыса, Байбори, посватал за только что родившегося сына единствен-

Только-от князя и видели,
Как удалы молодцы сядились.
Не видали, куда уехали:
Первый скок нашли за три версты,
Другой скок нашли за двенадцать верст,
Третий скок не могли найти.

Добрыня и Василий Казимирович. Сб.
Тихомирова и Миллер, № 37, по сб. Ю. М.
Соколова, стр. 103.

От богатырских коней остается след — „ископыт“:

Добрыня —
„Он наехал во чистом поли да ископыт,
Ископыт да лошадиную.
А как ступьями земля да проворочена.
Тут поехал нунь Добрыня, сын Никитинич,
Той же ископытю лошадиною,
Он увидел тут Алешеньку Левонтьева...“

Добрыня и змей. Сб. Гильфердинга, № 5,
по сб. Ю. М. Соколова, стр. 86.

Едет татарин в погону, в след,
Добрый конь в дорожку до щёточки погрязывал,
Камешки с дорожки вывёртывал
За два выстрела камешки вымётывал...
Поехал Дунаюшка Иванович,
По этой лошадиной по ископоти.

Добрыня-сват. Сб. Гильфердинга, № 94, по
сб. Ю. М. Соколова, стр. 92.

Выходил Добрыня из бела шатра
Да поглядел по дороге прямоезжие
Да проехала поляница удалая,
Да ево храбра поездка молодецкая,
Да ископыт у коня метана
По целой-то овчине по барановой.

Илья Муромец и сын. Сб. Гильфердинга,
№ 219.

Под Добрыней конь осержается,
От сырой земли отделяется,
Выходы мечет по мерной версте,
Высоки мечет по сенной копне.

Как перевелись богатыри на Руси. Сб. Ки-
реевского, вып. IV, стр. 108, по сб. Ю. М.
Соколова, стр. 172, ср. 173.

ную дочь своего соседа, Гульбаршин. Десятилетний Алпамыс обладал такой силой, что если в игре ударял сверстника кулаком, то убивал его. Так он убил сына одной старухи, и она сказала Алпамысу: „Чем понапрасну убивать детей своего народа, поехал бы отыскивать свою невесту, отец которой откочевал в Китай, оскорбленный отцом Алпамыса, и нарушил сватовство.“

Характерным художественным компонентом казахской былины являются „куплеты“, посредством которых ведется беседа между персонажами. Иногда такое чередование песен выражает состязание участников в находчивости. Песни же служат формой для лирических монологов. В большинстве случаев песни весьма риторичны, полны намеками и иносказаниями, но в то же время не чужды бытового реализма. В пример можно привести очень сценичный монолог отца Алпамыса — Байбори, обращенного в пастуха своих же некогда верблюдов. Гоня непослушное их стадо на водопой, постаивший и измученный Байбори тужит об отсутствующем сыне и причитает, мешая свои жалобы с понуканием животных:

Я поплачу, обращаясь к богу,
Солью слезы своих глаз,
Исполни же мою мольбу,
Создатель, творец, мой бог!
(Арай, животное, арай!)
Мой создатель, творец
Увидел ли слезы моих глаз,
Вернется ли мой Алпамыс?
Давно отсутствующего сына моего
Возвратит ли бог творец?
(Арай, животное, арай!)
На вершине Черной горы растет можжевельник.
С моей снохи сняты шелка.
(Погоняю тебя, но ты не идешь по направлению,
Верблюжонок, порученный мне ненаглядным моим.
Арай, животное, арай!)
На горе белое дерево.
Девушки вешают на шею
Гвоздики, бусы рядами
(Погоняю тебя, но не идешь ты туда, куда следует,
Оставшийся без хозяина, чтобы сгинуть тебе!
Арай, животное, арай!
Чтобы ни один не уцелел из вас!
Погоняю, но толком не идешь ты,
Оставшийся без хозяина, чтобы не жить тебе.
Арай, животное, арай!)
Много ошибок в поступках Байбори,
Может быть, теперь сбудется его страстное желание
(Погоняю, но толком не идешь ты,
Оставшийся без хозяина верблюжонок Алпамыса.
Арай, душечка, арай!)
В цепях руки Жедигера
Да сбудется мечта Байбори.
(Погоняю, но никто из вас не идет толком
Оставшийся без хозяина улек Алпамыса.

Арай, душечка, арай!)

На вершине горы Карагана есть гнездо.

Сказать, так много оттенков в моих словах.

Неужели я потерял всякое значение?

(Погоняю, но толком не идете вы,

Преследуемые судьбою Алпамыса верблюды.

Арай, душечка, арай!)

Не явится ли мой ненаглядный, и не станет ли так,

Что окажутся к благополучию слезы моих глаз.

Мне дорого имя твое!

Когда уехал мой Алпамыс,

В нашем племени Конирад

Стал господствовать раб Ултан.

Он стал беком над Байсыном.

Когда был здесь мой единственный,

Он выставлял Ултана, как приз на скачках.

(Арай, душечка, арай!)

Этими словами скорбь своей души изливаю.

На старости лет от своего же скота

Горе претерпел я.

В вечных слезах потускнели

Вот эти мои презренные очи.

Настанет ли день, возвратишься ли ты,

Мой единственный, ведь у порога смерти узнал я тебя!

(Арай, душечка, арай!)

Примером иносказаний, разрезающих речь без видимой связи с контекстом, могут служить неожиданные выражения в только что приведенной цитате: „На вершине горы Карагана есть гнездо“, „На вершине Черной горы растет можжевельник“, „На горе белое дерево; девушки вешают на шею гвоздики, бусы рядами“.

Упоминание горы с такой же неожиданностью встречается еще несколько раз: в песне Алпамыса, обращенной к Тортаяу:

На горе Караган дедушка наш,

Не сбудутся ли, наконец,

Ваши упования?

Вот эти, которых ты пасешь —

Табун какого бека?

Ставший несчастным, дядя наш!

Лисицы горы Караган

Храбрецу не до смеха.

Вы трудитесь, дядя наш!...

В ответной песне Тортая:

Вот этот пасущийся скот честной

Вчера ушедшему молодому волку —

Алпамысу принадлежали.

Лисицы горы Караган

Храбрецу не до смеха.

Вот этот пасущийся скот честной

Вчера ушедшего молодого волка —

Алпамыса — табуны.

На горе Караган моя крепость,

Не вернется ли мое прежнее

Время, на выручку не явится ли Алпамыс!

В песне Алпамыса, обращенной к Байбори-пастуху:

Здравствуйте, уважаемый дедушка!
На горе Караган ваш сын,
Не сбудется ли теперь
Ваше горячее желание?

В песне Жедигера, обращенной к Култаю:

Ой, старый Култай, дедушка мой!
Гора Караган укреплена,
Не узнаешь своего внука.
Бельмо ли у тебя на глазах?

В песне Карлыгаш, обращенной к Жедигеру:

На горе Караган моя крепость,
Что натворил мой ненаглядный,
Почему сюда приволок кокпар?

Упоминания горы Караган не случайны. Это родная земля Алпамыса и его близких: деда-Култая, дяди-Тортая, отца-Байбори, сына-Жедигера. Все они впали в рабство во время отсутствия Алпамыса, и в беседах их между собой или с ним, вернувшимся, но неузнанным, имя горы Караган служит символом родины.

Сюда же относится и замечание Алпамыса при отъезде его на чужбину: „На Каратау (Черная гора) долго властвовал я...“, а также слова Кейкуата дочери хана: „На горе Караган хан мой (так — хотя Алпамыс не на родине, а в темнице), ублажи меня, баловница моя!“

Ниже увидим, что в былине встречаются и другие иносказания, нарушающие течение речи, но своеобразно связанные с контекстом. Правда, символика этих иносказаний не всегда понятна, и бывает неясно, какими именно ассоциациями они связаны с происходящим в былине. Так, в рассказе о том, как по наущению старухи ее сообщницы заманили к себе Алпамыса и опоили его крепчайшим вином, говорится:

Еще раз входит безобразная старуха,
Алпамыса видит она,
И, что до бесчувствия пьян юноша,
Старуха доподлинно узнает.
Тростник он, растущий на горах...

То есть: юноша оказался столь же неустойчивым, как тростник, колеблемый ветром.

Толкуя свой вещий сон, как угрозу вторжением враждебного батыра, калмыцкий хан предчувствует, что враг уже тронулся в поход:

Растет, цветет цветок,
Но не увянет ли, не поблекнет ли он;
Из земли Шидели Байсын
Из его племени Конират
По имени Алпамыс — юный богатырь
Не сел ли на коня?

Красавец юноша Алпамыс — цветок, но не увянет ли он, не погибнет ли в набеге?

Когда Кейкуат, издеваясь над Каракёз, ложится как бы от утомления, она умоляет его продолжать путь: „В саду *цветок распустился*, отдаю я вас...“ Цветок — сама Каракёз.

Встретив дядю своего Тортая в униженном положении — в виде слуги, неузнанный им Алпамыс беседует с ним песнями, в которых дважды повторяет почти в тех же словах:

Когда плачешь, глаза твои
Наполняются кровавыми слезами
Цветок, расцветающий на горах,
Блекнет лишь в один день.
Вы трудитесь, дядя мой...

То есть: как горный цветок живет всего один день, также быстро проходит счастье.

Когда дедушка Култай, увидевшись с возвратившимся на родину Алпамысом, радостно скачет на тулпаре Алпамыса к Жедигеру с вестью об отце, то говорит:

Возвратился сын, он убьет
Раба, по имени Ултана.
Тюльпан цветет, распускаясь.
Девушки песни поют,
Закрыв лица и раскачиваясь.
Ты поскачи, помчись,
На тебя я поскачу грозою.
У Ултана, пребывающего дома,
Пусть душа уйдет в пятки.

То есть: тюльпан — это Алпамыс; поющие девушки — радость от возвращения Алпамыса.

Заметим, что цветок и цветение — любимая метафора былины. „Я была распустившимся цветком сада“, — говорит Алпамысу безобразная старуха о своей будто бы бывлой красоте. Та же старуха льстит ему: „Ты редкий горный цветок, ты мой бобер водяной“. Подобная метафора есть и в виде общего положения: „Как вишня, цветущая в горах, ребенок: его слова проникли в душу“.

Жедигер, пригнанный кнутом и подвергаемый издевательствам джигитов, хотевших тянуть его, как кокпар, говорит:

От собак, которые хуже меня,
Дерзнувших меня, как кокпар, тянуть,
На мою голову сыплются удары кнута.
По небу летает куропатка.
Я допустил свадьбу матери моей,
Наша пора покинула меня,
Покинули меня друзья.
С пеленок я стал сиротою,
От дурных терплю удары.
По небу летает дудак.
Как только Ултан захватил власть,
Как еще неизмятую кожу
Мял меня, подверг нечеловеческим мукам.

В ответе Тортая неузнанному им Алпамысу:

Милый мой юродивый,
Расстроишься, заплачешь ты!
Я несчастный, мое время ушло,
Чего же хочешь от меня ты?
По небу летает пернатый.
Главою этих Байсынов
Была некогда Байбори.

То есть Байбори был некогда силен, как орел, беркут и т. п.
Несовсем понятны замечания, высказанные Култаем при погоне его за козликами, побежавшими за Алпамысом, в котором они узнали прежнего своего хозяина:

*Нежеребая кобыла пяти лет,
Не опустится разумный человек.
Куда же убегаешь,
Мой ненаглядный козел!
Шорей, душечка, шорей!
На вершине горы родник,
Почему же шумите,
Уши презренного Култая?...
Эбелек¹ растет на песках,
Когда на высокой горе наступает ночь,
По ее склону бежит лисица,
Твой дедушка Култай бежит за тобой
И бьет по твоей голове.*

Замечание о нежеребой кобыле, вероятно, представляет собой пословицу, бывшую в общем употреблении. Среди выражений, прерывающих течение речи, уже цитированных нами, вероятно, есть также пословичные. Подобным же явлением, не индивидуальным только, а установленным общим употреблением, возможно считать и нижеследующий афоризм, поэтический и картинный и повторяющийся.

Слова переодетого Алпамыса дедушке Култаю:

*Узнал бы ты сына своего,
Если бы разок я показал его тебе?
Порошит серебристый снежок,
Мысли у гонимого печальны.
У вашего сына, милый дедушка,
Какие на теле знаки?*

Ответ Култая:

*Был паром мой ненаглядный.
Мысли у гонимого печальны.
У моего ненаглядного знаки:
На спине у лопатки
Круглое родимое пятно...*

Слова пригнанного для кокпара Жедигера, обращенные к его истязателям джигитам:

*Порошит серебристый снежок,
Мысли у несчастного печальны.
Чтобы гнать перед собою,
Дорогие дяди!
Чем провинился я?*

¹ Степная трава, появляющаяся к осени, ее особенно любят лошади. Казахско-русский словарь Бегалиева и Гаврилова.

Когда речь идет о богатыре, о богатырях вообще или о богатырстве, часто упоминается без видимой связи с происходящим верховой конь с названием своей масти; очевидно, конь здесь служит признаком и символом богатырства.

Призыв безобразной старухи, обращенный к ее сообщницам, и выход их навстречу Алпамысу:

Едет сын мой Алпамыс,
Не выйдете ли наружу,
Эй, вы терзающиеся вдовы...
Храбрецы садятся на пестрого коня,
Все красавицы на подбор
Выбежали наружу.

Слова Алпамыса дедушке Култаю:

Презренного уничтожу я,
За вас я отомщу,
Если это успокоит вас,
Богатыри садятся на чубарых.
Душа моя полна печали.
Презренного я убью.

В приведенных обеих цитатах символика богатырских коней загадочна.

Захват опьяненного Алпамыса:

Все юрты разобрав, [старуха]
Валит их на Алпамыса,
Все юрты взваливает на него.
Конь его саврасый.
Спалили теперь все юрты.

Слова Тортая Алпамысу, переодетому юродивым:

Иногда ты на коне темногнедом,
Что тебе нужно, юродивый?
Я — несчастный, проживший свой век,
Чего тебе нужно от меня?

Слова Байбори переодетому Алпамысу:

Моим единственным, отправившимся к калмыкам,
Алпамысом, как бы не оказался ты,
Иногда садишься ты на гнедого коня,
Он подъярован у тебя,
Не таись сынок, скажи правду...
.....
Я, несчастный, восхищаюсь
Твоим голосом, обращением: „дедушка дорогой“.
Садится иногда на саврасого коня,
Обильными слезами залился он.

Ответ Култая Алпамысу:

У моего ненаглядного знаки:
На спине у лопатки
Круглое родимое пятно.
Садится он на чубарого коня,
Всегда любил поиграть.

Причитание Карлыгаш, обращенное к Жедигеру, которого только что оскорбил Ултан:

Эх, родной, ходил бы ты [восклицает она]
С гордо поднятой головой, будь здесь мой брат.
Сядишься ты на темногнедого коня
Единый Боже! Сам ты охраняй!

Иное, повидимому, значение имеет упоминание о коне в словах мальчика Жедигера, обращенных к Алпамысу, переодетому юродивым, в котором он угадывает своего отца:

Сирота, оставшийся в утробе матери,
Я на твоего верблюжонка похожу,
Вы на моего отца походите.
Гнедой жеребец в теле,
Его холка жирна.
Когда твой единственный тоску души изливает.
Ты крепнись все еще...

Некоторые выражения, метафоры и даже целые эпизоды тождественно, или почти тождественно, повторяются. Назовем их „общими местами“, *loci communes*, хотя, конечно, в подобных явлениях можно различать несколько неоднородных категорий.

О дорогом отсутствующем, или отсутствовавшем, постоянно повторяется (в стихах): „мне дорого имя твое“; „как дорого мне имя его; „как дорого мне твое имя“; „как дорого мне имя Алпамыса“.

При свиданиях постоянно метафорическое выражение крика: „отец и сын — оба они встретились, голоса как верблюжонок“; „Алпамыс и Байбори повстречались, как верблюжонок голоса“; „Култеке, голоса как верблюжонок, к своей груди прижимает его“; „увиделись, голоса как верблюжонок, плакали родичи и все“. Метафоры в том же стиле:

Сирота, оставшийся в утробе матери.
Я на твоего верблюжонка похожу,
Вы на моего отца походите,

говорит переодетому Алпамысу догадывающийся о нем Жедигер, намекая на то, что Алпамыс оставил его мать на седьмом месяце беременности и он родился в отсутствие отца.

Следует отметить, что образ верблюда-производителя олицетворяет в былине силу. Так, в вещем сне калмыцкого хана враг его изображен, как двугорбый верблюд: „нагрянул грозный черный бура“; у безобразной старухи было будто бы 40 сыновей: „все сорок нарами (т. е. одnogорбыми верблюдами) были“, хвастает она.

Нежным образом родного ребенка служит *ягненок*. Алпамыс — Култаю:

Иди ко мне, дорогой отец,
От твоего голоса со словами „единственный мой“
Я, твой ягненок, в восхищении.

Култай об Алпамысе:

Когда завтра вернется мой ягненок,
Когда спросит о своем козле,
Я, осиротелый старик,
Как ответу ему?

Карлыгаш о Жедигере:

Не какой-нибудь он человек —
Единоутробный ягненок.¹

Волк. „Жедигер закован в цепи по рукам и ногам и концы цепи подвешены к его шее. Так поступили с ним из боязни, как бы сын волка не обошелся с своими притеснителями по-волчьи“.

Этих безжалостных собак (джигитов-истязателей)
Наш Жедигер — волк молодой,
Тут же усевшись, проклял.

„Я всегда думал [говорил себе Ултан], что этот развращенный мальчик [Жедигер] не оставит меня в покое, он волчье отродье, собирается поступить со мною по-волчьи“.

В тожественных чертах изображена и поездка богатыря, который

Пронзая стрелой кулана жеребенка,
Тяня борук в озерах,
Несколько ночей переночевал в пути.

И далее, через 550 стихов:

Охотясь за жеребенком кулана
Тяня в озерах корень камыша,
Ряд ночей переночевал в пути.

Признаки мужской красоты и совершенства, как *losi som-tunpes*.

В вещем сне калмыцкий хан видит своего врага, страшного насилем, но прекрасного по наружности:

Посмотрел я на его рот,
Похоже, что на выбор любую красавицу сможет поцеловать.
На его облик взглянул,
Похоже, что самый лучший бархат подстать к нему.
Посмотрел на его волосы,
Как красный шелк нежный.
Посмотрел я на его ум,
Многогранный, тонкий ум.
Густобровый тот ребенок
Едет он на чалом коне.

Догадываясь, что перед ним отец, Жедигер говорит:

¹ „В прошлом жизнь казахов была тесно связана с животноводством, и они свои радости и горе связывали с ним. Это выражалось даже в приветствии казаха при встрече — «мал жаным аман-ба» — «благополучны ли скот и семейство». Лаская своего ребенка, казах нередко говорит: «мой жеребенок, мой верблюжонок, мой ягненок»“. Из речи тов. Н. Ундасмынова на торжественном заседании, посвященном вручению КазССР переходного Красного Знамени Гос. Комитета Обороны. „Казахстанская Правда“ от 12 мая 1943 г.

Посмотрю я на твой рот,
Сможет красавицу на выбор расцеловать;
Посмотрю на твою фигуру,
На выбор в дорожное можешь одеться.

Красота женщин в данной былине не описывается. В роли *Locus communis* есть указание на недостаток в наружности женщины, несомненно красивой, но это как символ скромности или самоуничижения. Смущенная поведением Жедигера, свидетельствующем о его детскости, тетка его, сестра Алпамыса — Карлыгаш, его упрекает: „Такую, как я, черноликую, ты сделал посмешищем молодежи...“ (повторено дважды).

Картина опустошения дана в тождественных выражениях как в вещем сне калмыцкого хана, так затем и в действительности. Хану снилось, что враг его

У самого города разлил поток крови,
У ворот поднял небывалую пыль,
Моих героев сделал рабами,
Обратил во вдов красавиц моих,
Холеных мурз моих,
Затоптав ногами, превратил в клочок.

Враг калмыцкого хана, Алпамыс, действительно

У города пролил много крови,
У ворот поднял густую пыль,
Мужчин воинов обратил в рабов,
Женщины вдовами стали,
Придворных щеголей
Топтал ногами, превратил в клочья.
Сон, приснившийся хану,
Не оказался ложью, а сбылся.¹

Как *locus communis* употреблена и мораль, заключающая свидание разлученных:

Каждое дело направляет бог,
Святые помогают,

¹ См. образ опустошения в русских былинах: сын Ильи Муромца Сокольник подметывает в шатер к богатырям такую грамоту:

Да и еду я нонь да в стольнѣй Киев-град,
Я грометь-шурмовать да в стольнѣ-Киев-град,
Я соборны больши церкви я на дым спущу,
Я царевы больши кабаки на огни сожгу,
Я печатны больши книги да во грязи стопчу.
Чудны образы-иконы на поплаве воды,
Самого я князя да в котле сварю,
Да саму я княгиню да за себя возьму.

Ончуков. Сб. „Печорские былины“, № 1,
по сб. Ю. М. Соколова, стр. 64.

Ездит поленичища в чистом поле [и угрожает:]
Самого Владимира под меч склоню,
Под меч склоню, голову срублю,
Черных мужичков-то всех повырублю,
Божьи церкви я все на дым спущу.

Два брата-королевича. П. Н. Рыбников.
Сб. „Песни“, № 21, по сб. Ю. М. Соколова,
стр. 157.

И бедняге помог бог.

Но все ли равно — говорить или молчать —

Култай и Алпамыс

Встретились, голоса, как верблюжонок.

И далее, через 700 стихов:

Направляет бог каждое дело,

Святые помогают,

И беднягу поддержал бог.

К чему многословие:

Увиделись, голоса как верблюжонок,

Плакали и родичи и все...

Былина отличается несомненными достоинствами, по нашему мнению, очевидными для всех. Весьма привлекательны ее картинные эпизоды, примером чего может служить приключение Алпамыса, начинающееся в стиле пушкинского Ратмира:

Все красавицы на подбор

Выбежали наружу

.....

У дитяти-Алпамыса

За конец поводий схватились они.

Прося слезть с коня, окружив его

Со всех сторон, пристали к нему.

Подняв на руки, с коня его снимают.

Кладут его на белый ковер,

Сорок красавиц, как феи,

Его на руках несут.

На руках вносят в юрту,

И такому тюре, как Алпамыс,

По очереди вино

Почтительно подают.

Весьма изобразительны реалистичные и содержательные описания и характеристики, особенно в отделе былины, повествующем о возвращении Алпамыса на родину, где в его отсутствие члены его семьи испытали унижение, впали в нищету и обратились в батраков. Переодетый и скрывающийся Алпамыс посещает места, где они занимаются тяжелым трудом, и подсматривая, видит такие печальные картины: отец его, Байбори, „весь в слезах, сам худой, с согнувшейся спиной, растрескавшимися ногтями, вшивый, с гноящимися глазами, трясущимися ногами, пешим бродя за верблюдами и обливаясь слезами, тужил по отсутствующему сыну“.

Между похищенными у него табунами Алпамыс видит шатер похитителей. В нем спали на пуховых перинах пять беков, а „ниже их поместился дядя Алпамыса, Тортай; у него в одной руке чайник, в другой руке лучина, которой он разжигает огонь, на треножник вешает чайник и, опершись лбом о кочергу, сидит в глубокой задумчивости. Тортай не узнает Алпамыса и даже не смотрит на него...“

Отец, ставший пастухом верблюдов, направил Алпамыса к деду, ставшему овцепасом: „...приехав к тому месту, где находился его дедушка, Култай, (Алпамыс) увидел, что

тот в это время, воткнув в землю свою палку, и сверху покрыв ее рубашкой, лежал под ее тенью; овцы отдыхали, лежа на солнцепеке“.

Цитированные места, к сожалению, сохранились в прозе, а вот стихи:

Побеседовав с женою,
Поворачивает он коня,
На стрельбище направляется.
Когда проезжал он туда,
Голос какого-то человека
Доносится до ушей его.
Повернув голову, посмотрел
Алпамыс, могучий сын.
То, что он проявил такую терпеливость,
Показывает мудрость, ум.
Выкрикивая „единственный мой“,
Глядя в небо и голоса,
На спине вязанка дров,
Плача и рыдая, бежит
Несчастная, горемычная мать.
И на бегу она говорит,
Вот что говорит она:
Подергивает углы рта,
Когда же единственного обнимешь?
Подергивает плечо,
Когда наденешь шелка?
Засохшие несчастные груди,
Почему вновь налились вы?
У байбише Аналык
Оглохшие уши
И давно заложенные открылись вновь,
И сера их потекла вновь.
Увидев мать и не совладав с собою,
Алпамыс батыр залился слезами.

Многие места былины окрашены юмором. Таково, например, ядовитое изображение отвратительной старухи, обещавшей хану доставить Алпамыса связанным. „В том же городе проживала старуха; она пила только одно горячее, испражнялась только холодным, лоб ее был сморщен, с каждым встречным она ссорилась, ее штаны из холста прилипали к заду, она была всеми проклята, на ее голове торчали рога, зад ее был кошечный, ее халат достигал до колен, злой рок был ее всегдашним спутником, росту она была аршин с четвертью, но она была изумительно изобретательна“.

Припомним еще шутивную картинку поездки озорника-мальчишки на шею ханской дочери.

Комизм достигается в былине и более тонкими приемами. Так, глубоким юмором проникнуты монологи Байбори и Култая, собирающих свои непослушные стада, мешая понукания с жалобами. По существу комичны и возгласы Алпамыса, в стиле причитаний, свойственных юродивому, которому он и подражает. Более элементарны картавые речи наглых и глупых женщин, беседующих с Алпамысом-юродивым.

Кстати сказать о реализме. Сказочного в былине мало. Всё описывается в меру и в объеме реальной действительности, разве только с небольшим преувеличением (например слезливость мужских персонажей). Это можно подтвердить вышеприведенной цитатой о пробеге богатырского коня. Здесь почти нет таких гипербола, как в русских былинах. Байшубар не показывает чудес, он просто бежит, как прекрасный конь. Правда, он лягнул зловещую старуху, которой Алпамыс доверчиво подставлял стремя, и по этому поводу былина замечает: „конь-друг смышленнее человека“. Но это чудо небольшое и не требует объяснения „вещными“ свойствами. Единственным, пожалуй, образцом сказочной гиперболы является в былине изображение великанства Ултана, неблагоприятного приема Байбори, что напоминает ойротские былины:

Грудь его широка, как щит,
Нос его велик, как холм,
Коренной зуб его, как кетмень,
Его глотка, как огромная могила.
Там, где он сидит, охватывает место шестирешоточной юрты.
Уши его, как щит батыр,
Нос его, как растолоченная шелуха проса,
Глаза его, как глубокая темница,
След его ног, как место очага огня,
Рот его, как таган,
Коренной зуб, как нож,
Его ноздря, как пещера,
Подбородок его был величиной с корзину.¹

¹ Ср. в русских былинах изображение Идолища, Тугарина или татарского богатыря: калика Иванищо допрашивает татарина:

Какой у вас погано есть идолищо,
Велик ли то он ростом собой да был?
Говорит татарин таково слово:
Как есть у нас погано есть Идолищо
В долину две сажени печатных,
А в ширину сажень была печатная,
А головище, что ведь люто лохалище,
А глазища, что пивные чашища,
А нос-то на роже он с локоть был.

Илья Муромец и Идолище. Сб. Гильфердинга, № 48, по сб. Ю. М. Соколова, стр. 33 ср. 42 и 44.

Калика говорит Алеше и Екиму Ивановичу:

Гой вы еси, удалы добры молодцы!
Видел я Тугарина Змеевича:
В вышину ли он, Тугарин, трех сажень,
Промежу плечей косая сажень,
Промежу глаз калена стрела...

Алеша Попович и Тугарин. Сб. Кирши Данилова, № 19, по сб. Ю. М. Соколова, стр. 124.

Пословицы, метафоры

В заключение приведем еще несколько пословичных выражений и метафор.

Некоторые пословицы совершенно явно связаны с контекстом, например:

*Оружие храброго — пять оружий —
Во всеоружии явился ты.*

Другие же отрывочны, точно высказанные *a parte*:

*Пусть хорош или дурен,
Свою судьбу избежит ли человек! — или:
Безумно храброму джигиту
Бог счастья даст.*

Есть и такие пословичные, повидимому, выражения, связь которых с текстом загадочна:

*Умерший не воскреснет,
Богатырь надевает колчугу.*

Интересной метафорой неожиданной встречи является *огонь*. Когда Алпамыс разгонял калмыцкое войско:

*Его „бабушка“, безобразная старуха,
Поперек его пути стояла.
Когда на коне скакал,
Батыр увидал ее:
Она показалася ему, как бушующее пламя огня.*

Калин-царь говорит подручным царям:

*Кого мы пошлем в стольный Киев-град?
А есть у нас татарин трех сажень,
В толщину татарин шести аршин,
У него голова, как сена копна,
У него глаза, как пивны ковши,
Промежду глазами калена стрела,
Промежду ушами туг — зеленый лук.*

Илья Муромец и царь Калин. Былины
и исторические песни из южной Сибири, стр. 40.

*И поехал он к царицу Уланицу,
И отсек царицу он да буйну голову,
Положил он тую голову на копье вострое.
Сам он голове-то удивляется:
Ведь ушища-то у царица — быдто блюдища,
А глазища-то у царица — быдто чаши пивные,
А носище-то у царица — быдто палица боёвая.*

Михайло Данилович. Сб. Киевского,
т. III, изд. 2-е. стр. 41, по сб. Ю. М. Соко-
лова, стр. 146.

Услыхав голос юродивого, Гульбаршин была поражена его сходством с голосом мужа, которого она считала пребывающим вдалеке, на чужбине, и тогда воскликнула:

Представляется этот человек
Глазам моим, *как огонь — пламя.*

В нижеследующей цитате из причитания истязуемого Жедигера трудно установить не только приурочение, но и самое содержание метафоры:

Уверенный, что мой отец богатырь отменный,
Его славой я пьянел.
Как капкан, доставленный из города,
Как бархат, доставленный из Бухары.
У себя на родине в слезы вогнала меня вы,
Будто во мне преступника нашли.

БЫЛИНА О КОБЛАНДЫ-БАТЫРЕ

Содержанием этой былины является борьба с калмыками, в отношении которых высказывания мусульманских персонажей былины весьма неблагоприятны. Сам Кобланды, как и вообще герои былин, выступает как батыр очень юным — по счету отца и матери уже в тринадцать лет, а по собственному счету — даже на седьмом году. Успехам его содействует ум жены его Кортки и преданность полюбившей его дочери калмыцкого хана, Карлыги. В противоположность благородству и храбрости Кобланды выведен образ Карамана, боевого спутника Кобланды, жадного, коварного и заносчивого. Былина рассказывает о походе Кобланды на калмыков, о его плене и бегстве из плена при помощи Карлыги и о возвращении на родину, которую Кобланды освобождает от калмыков.

Приводим цитаты по стихотворному переводу Марка Тарловского, который стремится сообщить русскому тексту гармонию казахского подлинника, особенно внутренние созвучия и внешнюю, конечную рифму. Соблюдение размера и звучания в казахском стиле сковывают у переводчика свободное пользование языком. Переводчик прибегает ко всяким речениям, литературным и обиходным, старым и новым, русским и украинским, и, сверх того, придумывает слова и формы слов. Примеры: „чтоб не шел на убой *калмычий*“; „Тай-Бурыла освободила от ременного *завитка*“; „старый *шамкнул*: наше ягня“; „шли за ним в пыли *бездорожий*, шли, *канючили* с видом кляч“; „если буду я долго *в нетях*, и сотрутся мои следы“; „*Каратаучи* мять луга“; „все вы вместе, как *дружный лес*“; „О мой брат, *наездник-лихач*“; „но в земле *чужаков-чужан* будет плохо, брат — Кокежан“; „и пока ты к родному юю, не *привяжешь Бурылью сбрую*“; „для кровавой *лучной стрельбы*“; „ждет рабыня тебя *султання*“; „иль с тобой я *влип в передрыгу*“; „догони, потомок араба, обогнавшую нас *братву*“; „все *грубьяна* бранит *грубьян*...“ Но при всем том, перевод Тарловского чуток в понимании особенностей былины.

Былина начинается льстивыми уговорами Сиямова сына Карамана, который зовет с собою Кобланды, своего ровесника и друга, в поход на Аламан, против хана Казана.¹

¹ Совместные с тозарищем походы предпринимает и русские богатыри, например:

Кобланды посылает спросить у своей мудрой жены, кипчачки Кортки, ее мнение об исходе этого предприятия и поручает привести от нее богатырского коня Бурыла, которого она воспитала. Кортка, признавая себя покорной женой, тем не менее просит мужа не участвовать в походе, куда сманивает его Караман, так как конь Бурыл слишком молод и ей надо его холить еще 43 дня.¹

Раздраженный насмешкой Карамана, что поддается женщине, Кобланды мчится в аул к Кортке, грозный, как зимняя стужа. Видя мужа, скачущего с обнаженной саблей, Кортка уже готовилась к смерти, но тут догадалась выпустить Бурыла, еще не знавшего седла, навстречу мужу и, сидя на этом коне, показать, что он может сделать лишь два прыжка и не осилит третьего. Кобланды устыдился гнева на мудрую свою подругу, но все-таки решил отправиться в поход, и именно на Тай-Бурыле. Девяностолетний отец батыра Токтарбай, шестидесятилетняя мать его Аналык, сестра Карлыгач и жена

Из славного Ростова, красна города,
Как два ясные сокола вылетывали,
Выезжали два могучие богатыря,
Что по имени Алёшенька Попович млад,
А со молодым Екимом Ивановичем
Они ездят, богатыри, плечо о плечо
Стремяно в стремяно богатырское...

Алеша Попович и Тугарин. Сб. Кириши
Данилова, № 19, по сб. Ю. М. Соколова,
стр. 122. См. еще: Добрыня и Василий Казимирович. Сб. Тихонравова и Миллера, № 37,
по сб. Ю. М. Соколова, стр. 98 и сл. Дунай
Иванович и Добрыня Никитич в былинах:
Добрыня-сват. Сб. Гильфердинга, № 94, по сб.
Ю. М. Соколова, стр. 89.

¹ Выращивание и подготовка богатырского коня есть и в русских былинах. Так, по предписанию чудесных калик, исцеливших Илью Муромца, отец его купил для Ильи жеребеночка:

Выбирал он по велёному да как по писаному;
По рассказанному-то всё да дело делал тут,
Дело делал он да коня растил-то;
Он ведь дал за жеребенка пятьдесят рублей,
Он поил его свежей всё ключевой водой,
Как ведь он кормил пшеницей белойровой,
Он водил его да по ночам в луга,
Он катал его да всё во трех росах...
.....

Тут ведь коничек у их да стал побегивать,
На шелковой на узды да стал поскакивать,
Еще стал-то Илья Муромец-то коничка объезживать;
Тут скакал-то его всё, как добрый конь,
Он повыше-то выскакивал лесу стоячего,
Он пониже-то облака ходячего,
Через стены, через башни перескакивал;
Он ведь речки-ти, озёра небольшие-ти промеж ног скакал,
Ай больша-ти таки реки перескакивал...

Исцеление Ильи Муромца. А. В. Маркоз.
Сб. „Беломерские быliny“, № 42, по сб. Ю. М.
Соколова, стр. 22.

Кортка провожают Кобланды печальными речами,¹ в которых предсказывают себе бедствия во время его отсутствия.

Кортка прозорливо говорит мужу, что до того, как он догонит уже выступивший отряд, Караман пошлет разведчиков в Казан, которые, вернувшись, донесут, что город богат и плохо защищен; тогда Караман объявит, что кто первый ворвется в город, тот будет назначен главой отряда. Но Кортка советует Кобланды не торопиться: пусть он двинется только на третий день по отъезде всех. У них нет коня, равного Тай-Бурылу, даже черногривый саврасый конь Карамана плохо выезжен и отстаёт. Все произошло, как предсказывала Кортка. На побуждения Кобланды Тай-Бурыл отвечает по-человечьи (тоже как конь Кёзюйке у ойротов), что помчится и без плети.²

1 А у той ли у правыя у стремены
Провожала его тут родитель-матушка,
А у той было, у левыя у стремены
Провожала-то его да любима семья,
Молода Настасья да Никулична.
А тут честна вдова Офимья Александровна [мать]
Тут простилася да воротилася,
А домой пошла, сама заплакала.
А у той было у левыя у стремены
Иде молода Настасья дочь Никулична,
Стала у Добрынюшки выпрашивать,
Она стала у Никитича выведывать:
Ах ты душенька, Добрыня сын Никитинич!
Ты скажи-тка нунь, Добрыня сын Никитинич,
А когда же ждать ты нуньчу со чиста поля,
А когда ты сожидаться в свою сторону?..

С. К. Шамбинаго. Сб. „Былины-старинны“, стр. 93.

2 И в русских былинах богатырь беседует с конем, и конь говорит с ним человеческим голосом:

Перво поприще бурка скочил целу версту,
И припадывал к земле сыро-матерой,
Испроговорот человеческим голосом:
„Ай же ты, хозяин мой любимый!
Опускайся-ко с меня, добра коня,
Ты бери-тко земли да сыро-матерой,
Ты подвязывай под плечико под левое,
Чтоб не страшно было сидеть на мне да на добром коне“.

Дюк Степанович. Сб. Гильфердинга, № 159,
по сб. Ю. М. Соколова, стр. 179, 180.

Да на третьи сутки конь и стал потыкаться,
У коня стали ножки подгибаться,
Как ударил Святогор да своего доброго коня:
„Что ты конь потыкаешься?“
Говорит-то конь таково слово:
„Как мне-ка-ва да не поткнутися?
Вожу я третьи суточки
Двух сильниех могучиех богатырей,
Третьего вожу коня да богатырского“.

Сб. Гильфердинга, № 273, по сб. Ю. М. Соколова, стр. 11. Та же беседа есть у Гильфердинга, № 270, по сб. Ю. М. Соколова, стр. 8.

Кобланды догнал сначала отсталых из отряда, потом и самого Карамана. „Стал над ним Коблан потешаться: трудно друг мне с тобой тягаться, больно конь у тебя горяч, только жаль, что кляча из кляч...“ Затем Кобланды помчался вперед.

Бусурманский царь в побег пошел,
В догон погнался за ним Васинька.
Провещился тут добрый конь
Мудрым языком человеческим:
„Не бегай ты, Васинька голь-кабацкая,
Не бегай ты в землю бусурманскую,
Земля бусурманская хитра, мудра:
Не быть нам обоим живым!“

Василий пьяница. Былины и исторические песни из южной Сибири, стр. 93.

Его добрый конь провещился языком человеческим:

„Ай же, старый казак Илья Муромец!

Есть у собаки царя Калина

Выкопано три подкопа глубокие:

Я в подкоп скачу — повыскочу,

Тебя, Илью, повынесу:

И в другой скачу — повыскочу,

Тебя, Илью, вынесу;

И в третий скачу — повыскочу,

Навряд тебя, Илья, повынести“.

И бьет коня он по тучной бедры:

„Ты, волчья сыть, травяной мешок

Разве подкопов не видывал?

Неужель с этих ямочек не выскочишь?“

П. Н. Рыбников. Сб. „Песни“, № 57, по сб. Ю. М. Соколова, стр. 56. Та же беседа повторена в былине о Михаиле Даниловиче, Сб. П. В. Киреевского, т. III, изд. 2-е, стр. 41, по сб. Ю. М. Соколова, стр. 144.

Ездит тут Добрыня у Царя-града,

Конь-то тут Добрыни подтыкается,

А к сырой земле да приклоняется:

„Ах ты волчья сыть, медвежья выть!

Что же ты да нунычу подтыкаешься?

Над собой ли ты невзгодушку-ту ведаешь,

Над собой ли ведаешь, али надо мной,

Надо мной, Добрынюшкой Никитичем?“

Добрыня и Алеша. Сб. Гильфердинга, № 5, по сб. Ю. М. Соколова, стр. 114.

Засвистал Соловей по-соловьиному,

Зашипел Соловей по-змеиному.

Под Ильею конь пал накорач.

И выдергивал он шельгу подорожную,

Стягал коня по тучным бедрам,

Сам молодец приговаривал:

„Ах ты, волчья сыть, травяной мешок,

Не слышал ты свисту богатырского,

Не слышал ты шипу змеиного?

Не слышал ты реву звериного?“

Тут конь под Ильей рассержается

Он скакал выше лесу стоячего,

Ниже облака ходячего.

Былины и исторические песни из южной Сибири, былина Л. Г. Тупидина, стр. 35.

Засвистал-то Соловей да й по-соловьему,

Закричал злодей-разбойник по-звериному,

Здесь дана в поэтических гиперболах прекрасная картина бега богатырского коня. Увидав в степи „славный город Сырлы-Кала“, Кобланды овладел его табунами, взял самый город, пленил его жителей и погнал их гуртом. Наконец, доскакал он еще до города, который осаждал без успеха отряд Киятов во главе с Караманом. Обменявшись с Караманом насмешкой, Кобланды заставил Тай-Бурыла перепрыгнуть через ров в средину города, так что земля затряслась.¹

Так все травушки-муравы уплетались,
Да й лазуревы цветочки отсыпались,
Темны лесушки к земле все приклонились.
Его добрый конь да богатырский,
А он на корзни да потыкается;
Ай как старый-от казак да Илья Муромец
Берет плеточку шелковую в белу руку,
А он бил коня а по крутым ребрам,
Говорил-то он Илья да таковы слова:
„Ай ты, волчья сыть, да й травяной мешок!
Али ты итти не хошь, али нести не можь?
Что ты на корзни, собака, потыкаешься?
Не слыхал ли посвисту соловьего,
Не слыхал ли покрику звериного,
Не видал ли ты ударов богатырских?“

Сб. Гильфердинга, № 74, по сб. Ю. М. Соколова, стр. 29.

Иван Гостинный сын, побившись на пиру у князя Владимира в заклад на буйну голову — скакать из Киева до Чернигова с тремя конями князя, сообщает об этом своему коню. „Провещился конь мудрым языком, мудрым языком человеческим“, что княжеские кони — его братья, и он их обгонит, если Иван будет его кормить пшеном белояровым и поить медовой сладкой сытицей. (Былины и исторические песни из южной Сибири, стр. 100.)

¹ Прыганье богатырских коней через городовые стены и башни есть и в русских былинах:

И говорит старый казак Илья Муромец:
„Я поеду даря Калина упрашивать“.
И сядился Илья на добра коня,
И скакал через стенку городовую,
Через тую башню наугольную.

П. Н. Рыбников. Сб. „Песни“, № 57, по сб. Ю. М. Соколова, стр. 52.

Иван Гостинный сын —

Заезжает в княжецкий двор не воротами,
А скакает через стены белокаменные.

Былины и исторические песни из южной Сибири, стр. 101.

А ко Киеву Добрынюшка прискакивал,
А приехал он ко славному ко городу ко Киеву,
А ко ласковому князю ко Владимиру,
Через ту стену наехал городовую,
Через тую башню наугольную,
А ко тому подворьюцу вдовиному.

Добрыня и Алеша. Сб. Гильфердинга, № 5, по сб. Ю. М. Соколова, стр. 114.

Видли тут Добрынюшку да сядучи,
А не видли тут удалого поедучи,
Но дорожками поехал, не воротами,

И здесь его встретил „хан Казан на коне вороном“ с лысинкой на лбу (той же масти конь у Камбара и у ойротского богатыря в былине об Ак-Тойчи). После обычного перед поединком обмена оскорблениями и угрозами Кобланды убил хана.¹

Через ту стену поехал городовую,
Через тую было башню наугольную,
Он на тую гору Сорочинскую.

Добрый и змей. Сб. Гильфердинга, № 5,
по сб. Ю. М. Соколова, стр. 82.

Михайло Данилович
Да во Киев-град заехал не воротами,
Через стену заехал он городовую,
Через башню он заехал наугольную
И вязал коня к кольцу он золоченому.

Сб. Киреевского, ч. III, изд. 2-е, стр. 41,
по сб. Ю. М. Соколова, стр. 147.

Алеша Попович и Еким Иванович, севши на коней,
Побежали ко городу ко Киеву,
Скакали через стену белокаменную
Ко тому ко столбу ко дубовому,
Ко тому колечку ко злаченому.

Былины и исторические песни из южной
Сибири, стр. 131.

Колебание земли от конского скакания:

И садились четырнадцать богатырей
На своих добрых коней богатырских,
И мать сыра-земля всколебалася.

.....
Тут все тринадцать богатырей
Садись на добрых коней и поехали,
Мать сыра-земля восколыбалася.

Илья Муромец и Калин-царь, П. Н. Рыб-
ников. Сб. „Песни“, № 57, по сб. Ю. М. Со-
колова, стр. 54, 58.

Михайло Данилович
Поворачивал добра коня ко монастырю пречестному
Да ко тем ли да ко кельям низким.
А в тую пору мать сыра земля да зазыбалася,
Старо-старчище Данилище засовалося:
„А не мой ли ведь приехал да Михайлушко?“

Сб. Киреевского, т. III, изд. 2, стр. 41,
по сб. Ю. М. Соколова, стр. 142.

¹ Хан Казан вскричал, бураном летя,

Злой, как смерч, несущий пески,
Над пустынями их крутя:
„Как мне кличку твою начать?
Как мальчишку мне величать?
Как про предков твоих кричать?
Как их в брани обозначать?
Расшутился ты больно тут,
Но бываю я в гневе крут.
Я скручу тебя в мокрый жгут

.....
Дам попробовать сморкачу
Крепко ль выкован мой булат!“
Отвечал Кобланды степенный:
„Бурыл-ат мой, от бега пенный,

Увидев, что хан убит, войско его яростно бросилось на батарею. „Айт! Как страшен Кобланов гик: в гущу воинов он проник, стал их мять и топтать Коблан: Сыр-дарьинский сырой тростник так вытаптывает кабан, так под волком блеет баран, так под тигром стонет кулан, так под грифом кричит фазан“. Калмыков Кобланды бил 17 дней. Кияты Карамана, получив от подвигов Кобланды большую добычу, запьянство-

Не достанется супостату,
Берегись ты, Кзыл-бас надутый,
Это твой не избегнет плена,
И привязан к его хвосту ты
Скоро будешь ты, эй, гиена!
Краснолобым мои проклятья!

.....
Краснолобого я Кзыл-баса
Превращу, как барана, в мясо,
Ты дождался смертного часа,
Я мечтал о встрече с тобой,
Предстоит мне счастливый бой“

.....
Все грубьяна бранит грубьян,
Все никак они не начнут,
Кобланды этот барс-арсан
И надменный калмыцкий хан...

В русских былинах обычно спрашивает об имени и происхождении победитель у побежденного и сбитого на землю врага, сидя у него на грудях (Добрыня-сват, сб. Гильфердинга, № 94; Два брата королевича. П. Н. Рыбников. Сб. „Песни“, № 21; Илья Муромец и сын. Шамбинаго. Сб. „Былины-старини“, стр. 20—22; Илья Муромец и Сокольник. Ончук-ов. Печорские былины, № 1). Но расспросы есть и перед поединком. Например в былине об Илье Муромце и Бориске. Стоя с товарищами на заставе богатырской, Илья Муромец однажды утром усмотрел в поле конного доброго молодца. Тогда Илья предложил товарищам, кто поудалее и побыстрее, догнать молодца и расспросить его о дедине, отчине и чей такой добрый молодец; если русский богатырь — то побрататься, а неверный — поразведаться. Вызвался Алеша Попович. Догоняет проезжего и кричит Алеша зычным голосом:

„Ты постой, постой, добрый молодец!
Ты или русский богатырь,
Или засельщина-деревенщина;
Ты или коня украл, или мужика убил,
А сюда заехал — хвастаешь,
Чужим именем называешься?“
Тут-то Борису за беду стало,
За великую досаду показалось;
Поворачивал он коня, как люта зверя,
Навстречу к Алеше Поповичу...

Былины и исторические песни из южной
Сибири, стр. 108.

Когда проезжий тагарин, несмотря на крик Добрыни, не остановился —
Да и тут-де Добрынюшка ругаться стал:
„Уж ты, гадина, едешь, да перегадина!
Да ворона, ты летишь, да пустоперая,
Пустопера ворона да по загумению!...“

Илья Муромец и Сокольник. Ончуков.
Сб. „Печорские былины“, по сб. Ю. М. Со-
колова, стр. 66, ср. стр. 63.

вали и задумали было убить Кобланды, чтобы не делиться с ним. Кобланды, в свою очередь, сговорился с Караманом, не оповещая джигитов, отогнать табуны у хана Кобикты, что они и выполнили ночью. Но чалый Тарлан калмыцкого хана, почуяв чужих, помчался обратно и ржаньем разбудил хозяина. Тот кинулся на нем в погоню за похитителями, которых и настиг у Желтой реки — Сары-узенъ. Здесь Кобланды, не спавший несколько суток, заснул у подножья кургана, а Караман остался сторожить коней. Кобикты-хан, выбив оружие из рук Карамана, схватил его к себе на седло, а спящего Коблана запутал в семи сетях и привез пленников к себе домой.¹

По приказанию Кобикты, дочь его, красавица Карлыга, сильная как джигит, отнесла беспомощных батыров в тайник и заперла золотым ключом. Давно мечтавшая стать мусульманкой, Карлыга решила бежать с кем-нибудь из этих пленников. Караман с радостью согласился бежать, а Кобланды отказался принять освобождение из рук калмычки. Только услышав ржанье Тай-Бурыла, Кобланды решился бежать на волю. Втроем с Карлыгой, уже влюбленной в Кобланды, батыры обратились в бегство, гоня большой табун калмыцких лошадей. Опять чалый конь Кобикты, заржав, повернул из табуна домой. Чтобы поправить дело, Карлыга поскакала за ним и, объяснив отцу возвращение Тарлана из табуна привычкой к яслям, вернулась на новом коне к батырам. Но и этот конь вырвался домой, и разгневанный отец бросился в погоню за дочерью. Тем временем Карлыга предупредила Кобланды, что в середине кольчуги отца, которую она сама сделала, три колечка не соединены, и здесь возможно пробить стрелой. По этому указанию, Кобланды прострелил Кобикты:

Он любимой стрелой стрелял:
Был смертелен ее укус,
Он с молитвой ее вакалял,
А звалась она „Рыжий ус.“²
И сказал простреленный хан:
„В сердце дочери жил обман.
Проклинаю я Карлыгу!
Предала меня дочь врагу...
Если взрослой становится дочь,
И пятнадцать ей минуло лет,
Убирать ее надо прочь,
К ней доверия больше нет.“

¹ Двух батыров хитрый старик
Приторочил к бокам коня...

Ср. Илью Муромца, который

Спустил-то Соловья да на сыру землю,
Пристегнул его ко правому ко стремечку булатному...

Илья Муромец и Соловей-разбойник.
Сб. Гильфердинга, № 74, по сб. Ю. М. Соколова, стр. 30.

² И в русских былинах есть избранные стрелы; так, Дюк Степанович, расстреляв 303 стрелы, говорит, что из них он трем стрелам цены не ведаст:

Полный зависти, Караман просит уступить себе Карлыгу. Кобланды признает, что нет сердца, более ему преданного, чем у нее, но пусть она войдет в род Карамана, если он ей мил. Киятские джигиты оказали Караману пышный прием, Кобланды же стоял забытым. В печали он забылся тяжелым сном и во сне увидел старца, своего предка, который сообщил ему, что отец его, Токтарбай, пасет чужих овец, мать треплет шерсть и арканы вьет, собирает кизяк и все ночи плачет, сестра без отдыха работает на чужом дворе, „а калмыцкий хан Алчагир хочет свадебный справить пир, ладит свадьбу с твоей Корткой, гладит грязной ее рукой“. Один друг остался у Кобланды — Карлыга. „Не хотела Кыз-Карлыга с Караманом лежать постылым и ходила за Тай-Бурылом до утра она как слуга“. По совету с Карлыгой, Кобланды хочет один итти в поход на калмыков: „мне ль о родине горевать, мне, предавшей отца и мать?“ — говорит Карлыга батыру. — „Здесь три дня я повременю, из Киятов я на резню постараюсь бойцов набрать, и тебя тогда догоню“. Дни и ночи скакал Кобланды. Вдруг Тай-Бурыл задрожал и стал валяться — это он узнал родные места, где выкормила его Кортка. Но от аула остался лишь пепел. Обшарив здесь все углы, Кобланды нашел под золой припасы: „Понял он, что это Кортка посылает издалека помощь милому своему“, Кобланды поехал искать своих далее. Вдруг Тай-Бурыл опять упал на бок — на том месте, где Кортка закопала для него „золотую грудку овса“. На третий день Кобланды достиг города, где томилась его родня. Объезжая его стены, батыр услышал голос отца, матери и сестры, оплакивавших свой плен, взывавших к родному и прозорливо ожидавших его появления. Услышав ржание Тай-Бурыла и догадавшись о прибытии Кобланды, Кортка выпросилась у хана Алчагира погулять по степи, собирая кизяк, под охраной двух воинов и двух служанок. Позволив им любезничать между собой, Кортка устроила обе парочки в лощинках, поросших непролазным камышом, а сама отошла в сторону и позвала Тай-Бурыла, которого уже ранее заметила вдали,

Да потому эти стрелы были дороги,
На три гряночки были стрелы строганы
Да из той тростиночки заморския...
Да тем де были стрелы дороги,
Перены-де пером были сиза орла,
Не того орла сиза орловича,
Да который летае по святой Руси,
Бьет сорок ворон, черную галицу,
Да того де орла сиза орловича,
Да который летае по синю морю
Да и бьет-де он гуся да и лебеда...

С. К. Шамбинаго. Сб. „Былины-старинны“, М., 1938, стр. 25.

рядом с костром своего мужа. Тай-Бурыл принесся к ней быстрее ветра и упал своей воспитательнице в ноги. Она же ласкала и обнимала его. „Кобланды в это время к ней, спотыкаясь, спешил пешком. Испытать любовь его ей захотелось тогда тайком: и Кортка под грудь своей спрятала мешок с кизяком. Пусть, мол, думает, что жену обрюхатил недруг в плену“. Кобланды встретил эту придуманную „исповедь“ без гнева на жену, ласкам хана он посоветовал ей пока не сопротивляться, чтобы тот не мстил старикам — родителям, а сам обещал завтра же разгромить город. Когда Кортка вернулась со своей охраной в город, земляки радовались ее вестям и дивились ее уму. Вдруг из города увидали трех несущихся на него с запада всадников, Карлыгу в сопровождении батыров, лихого Карамана и исполина Урака. Старая мать Алчагира пророчит ему грозный набег Кобланды, Карамана и Урака и советует сыну не терять времени. Но хан на это только смеялся. Тогда бабка решила увезти с собой за город двух внушек, Ханикей и Таникей; но удалая Карлыга захватила в степи их трехместную кюймеле. Жадный Караман стал у нее выпрашивать этих двух девушек себе на ложе, и Карлыга, поиздевавшись над его неуголимой жадностью, согласилась отдать их в обмен за самое себя. „Над степью меркла заря, и скрытые за бугром, четыре богатыря сидели перед костром, беседуя вчетвером и ужин себе варя. У жадного Карамана свободу купив свою, отдав ему дочек хана, блаженная как в раю, сменит [-ла?] Карлыга молодая стервятника на орла. И спать с любимым легла, такие-то вот дела!“ На утро батыры уже были на конях; впереди их Кобланды подскакал к воротам, и, колотя в них пикой, стал вызывать хана Алчагира на бой. Разгневавшись, тот выехал на поединок с Кобланды. „Вот съезжаться стали они: засверкали в глазах огни, желваки напряглись у скул, острие влеклось к острию“ и т. д. Хан был заколот. Тогда в бой бросились другие его батыры: Тоғанас и Ағанас, но с помощью Карлыги Кобланды справился с ними, Урак убил Тайлака, Караман убил его сына Нар-Кигила, краснобого, сорокоохватного великана. Когда в бой вступил еще Бирчимбай, брат Карлыги, она представилась врагом Кобланды и его товарищей и, обманув, убила брата в спину. Город был взят, пленные кипчаки, „не веря свободе, от восторга ревя как скот, из открытых настежь ворот повалили, теснясь в проходе“... „И семнадцать суток подряд Кобланды с народом своим, как велит военный обряд, грабил город, занятый им“... „Захватив, что только могли, а чего не могли запрятав, из калмыцкой чужой земли во свояси с честью ушли род Кипчаков и род Киятов.“ На родине они поделили добычу: „Кобланды же следил за тем, чтобы вдоволь досталось всем до последнего бедняка, даже нищему старику поднесла золотую клюку боевая его рука“.

Держась мусульманской тенденции, былина о Кобланды в отношении калмыков неблагоприятна. Мало того, что былина подчеркивает мусульманское правоверие своих героев, она заставляет дочь крымского хана мечтать стать мусульманкой. Самый облик калмыка противен. Вот как, например, его рисует Кобланды, стоя на поединке с ханом Казана: „Для чего тебе, недоносок, что и мозгом и харей плосок, в чьей бородке волосья редки, знать, кто я и кто мои предки?“ Или вот изображение его, раненного батыром Кобланды: „И кровавым руслом сопля растекалась по лицу калмыка“, что повторено и в бою с калмыцким ханом Алчагиром (ср. в ойротской былине Алып-Манаш: у Дельбегена-людоеда от страха по лицу сопли и слюни потоками бежали).

Кстати сказать, оба эти поединка представляют отличный пример повторяющегося, „общего“ места (locus communis) в виде тожественной картинки:

Поединок с Казаном

Шибче молний под рев грозы
Заплясали пики-найзы;
Рукояти из кизила
Сжали оба, гневом бурля;
Сталь мечей сплелась в кренделя,
Конской пеной взбухла земля,
И кровавым руслом сопля
Растеклась по лицу калмыка.
Он голодным присел хорьком,
Но сняла его вражья пика,
Чтоб не ездить ему верхом...
Подымал Коблан найзу,
Помирал Казан внизу.

Поединок с Алчагиром

Шибче молний под рев грозы
Вдруг сверкнули пики найзы,
Рукоятки из кизила
Сжали оба, гневом бурля,
Сталь мечей сплелась в кренделя,
Конской пеной взбухла земля,
И кровавой струей сопля
Потекла по губам калмыка.
Он голодным присел хорьком,
Но сняла его вражья пика,
Чтоб не ездить ему верхом...
Подымал батыр найзу,
Помирал Чигир внизу.

• Религиозность сказывается и в молитвенном обращении к Аллаху, Магомету и в перечислении святых. Например в причитании матери на проводах Кобланды: „Нам Омар и Оспан оплот, нам Каус и Кияс оплот, ...Охраните ж нас от беды, о четыре святых азиза... Да храним он будет щитом, бранной собственностью Давида“... „Дух пустынь, богатырь Камбар, поддержи этой стали [оружия] жар! Нет красивейших в мире

пар, чем Коблан и его тулпар. Им в пути, Камбар, соприсутствуй „... О всемилостивый Хазрет, помышлений моих предмет“... Кобланды говорят: „Я надену броню Саут, что когда-то ковал Давид“... Конь говорит Кобланды: „И святой нас Камбар-чобан от смертельных избавит ран“. Ответ Кобланды родным, спрашивавшим, на кого он их покидает: мать — на Биби-Фатьму, сестру — на Карача, жену — „на Девцу-богатыря, чей тулпар безводит моря“, — все это персонажи мусульманского олимпа.

Образы

На причитание сестры: „на кого [родных] покидаешь?“, уезжающий в поход Кобланды отвечает: „Гусь гнездо свое покидает, гусь — сказал он, — вновь прилетает. Гусь находит родимый край, заповедный камыш-курай. Гуся вновь принимает стая, — говорил он, слезы глотая...“

„Жаждой крови ты вдаль влеком, могут там тебя тяжко ранить, непонятным нам языком над тобою будут горланить; смысла речи не уловив, ты услышишь чуждые звуки, от напева чужих тетив ты оглохнешь, лев сребролукий“, — говорит Кортка Кобланды.

„Не берет мой топор кремня“, — говорит Караман, не взяв город.

„Изменила, видать по всему, птица, верная раньше ему, птица, имя которой успех“ — общий для былин (например в песне Тархына) образ „птица-счастье“.

Кобланды слышит из-за городских стен голос пленной своей матери: „мне сегодня в ночной тиши южный ветер лицо согрел, южный ветер лицо ласкал, не Бурыл ли это, пострел, с нашим мальчиком прискакал, чтоб вернуть мне жаром ноздрей радость высшую матерей...“

Кортка испытывает мужа придуманной беременностью: „Я попала в плен к супостатам, натерпелась от них обид, разделить я должна была там мусульманских девушек стыд... — Благороднейшая Кортка, эта исповедь не сладка, но ведь ловят же сосунка, что чужим табуном отбит? Если зреет во чреве плод, это нашей орде приход...“

„Кобланды с народом своим, как велит военный обряд, грабил город, занятый им. Он разграбил и сжег до тла этот город — Чигир-Кала, не осталось там даже псов, этих преданных сторожей. Смолкли звуки их голосов на безлюдьи улиц кашей...“

Полный образов бег Бурыда: „Задрожала земля кругом, от копыт прокатился гром, искры молниями сверкнули. Он с бугра на бугор скакал. Он размалывал камень скал. Точно глину месил сырую; свист шайтановых опахал с ураганом в уши втекал; с золотой жеребьячей сбруи мыльной пены бежали струи... И опять Бурыл поскакал, и опять от попутных

скал оставляя лишь мятую глину, выгибал он дугою спину, и над гребнями гор крутых, объезжать не желая их, из долины скакал в долину. Перед всадником и конем не один промелькнул подъем, не одной пронеслись пустыней, через кручи в наледи синей, по озерной утиной тине, мимо булькающих болот, по лугам, где толочся скот, над золой домашних работ, над землей, где кипчак живет, вот каков был этот полет! С Каратаучьих глядя высот, хан в испуге разинул рот, и за ханом бий в свой черед, с Алатаучьих глядя высот, шире неба разинул рот. Надрывалась грудь Тай-Бурыля, напрягал Тай-Бурыль усилья, как орел, распластавший крылья. Он стремился, как ураган, скаты скал разрыхлял он рьяно, от копыт его путь был рван, и швырял, как песок бархана, прелый прах из каменных ран с предыдущего он кургана на последующий курган. Истекающий мыльной пеной, как вершина, где тает снег, — вот как несли Бурыл скаженный, вот каков был Бурылий бег! Обогнав бы он всех куланов, всех архаров, горных баранов, на речной наступая ил, от гнездовий стократ отпрянув, синих цапель он и бакланов, застигая врасплох, давил. Вырыл много птичьих могил в этой скачке буйный Бурыл. Птицы просто не успевали улетать от его копыт, так готовил он пир шакалий, где бы каждый был хищник сыт. . .“

Образ, характеризующий быстроту, — как птицы, не успевающие подняться из под ног коня, — есть в былине о Шоре. Вообще в былине о Кобланды есть не один случай сходства с другими былинами. Между прочим, дробление скал копытами богатырских коней есть и в ойротских былинах.

Образ гнева в виде стужи: „Люто гневался Кобланды: он скрипел морозом вражды, и с бровей его падал снег и сосульки свисали с век“, — есть в былине о Тархыне.

Кортка пророчит, что, когда Кобланды вернется на родину, его родители окажутся уже в унижении и рабстве. Ожидание такого несчастья близких родных во время отсутствия героя есть в нескольких былинах, а самый вид их унижения здесь сходен с былинами об Алпамысе и Саине: „девяностолетний отец твой харч пастушеский станет есть... вить аркан и ткать жаулык станет мать твоя Аналык.“ Или в прорицании святого: „встречен мной Токтарбай в степи, нищий, пас он чужих овец, девяностолетний отец. Знай, Коблан, что слезы слепят мать, которой за шестьдесят, треплет шерсть и арканы вьет“ и т. д. И как в былине об Алпамысе, хан „ладит свадьбу“ с женой Кобланды.

Конь Бурыл говорит с Кобланды по-человечьи, как белый конь Саина, побуждавший его биться с калмыками.

Явление святого батыру Кобланды, заснувшего с горя: „Долго думал он об одном и забылся тяжелым сном. И увидел он старика, что явился издалека. Тот приблизился на осле, сереньком, подобно золе, с белою чалмой на ушах, весь

в каких-то дивных лучах..." Тот же вид святого и в былине „Ер-Саин“ (только без лучей).

Конь дрожит под батыром Кобланды, как и под Саином. В причитании пленной матери Аналык, которое донеслось до Кобланды из-за городской стены, приметы близости сына очень сходны с приметами матери Алпамыса, Аналык-же:

Былина о Кобланды

Я сегодня примет полна:
Расчесалась моя спина,
Будто грубый на мне халат
Без подкладки из полотна;
Оба старых моих бедра,
Что морщинистей, чем кора,
Расчесались еще с утра,
Будто я на бугор с бугра
На коне скакала вчера;
Словно вновь полны молока
Два пустых, два вялых мешка,
Что под ложечкой я ношу;
Вновь мне ноша эта тяжка,
Словно к сердцу прижав божка,

Вновь я, кажется, орошу
Ротик жадному малышу...
Ах не брызнут ли две струи?
Губы тоже зудят мои,
Словно сына теперь опять,
Как обрадованная мать,
Буду ими я целовать.
Вот задергалась в добрый час.
Говорит мне правая бровь
Что увижу я сына вновь,
Что Аллах его чудом спас
И сберег бесценную кровь,
Чтобы вновь осчастливить нас.

Былина об Алпамысе

Плача, рыдая, бежит
Несчастливая, горемычная мать
И на бегу она говорит,
Вот, что говорит она:
„Подергивают углы рта,
Когда же единственного обнимешь?
Подергивает плечо,
Когда наденешь шелка?
Засохшие несчастные груди,
Почему вновь налились вы?
У байбише Аналык
Оглохшие уши
И давно заложенные открылись вновь,
И сера их потекла вновь..."

В былине о Кобланды, как и вообще в казахских былинах, есть „причитания“, например — при проходах в поход, в ожидании избавления. Некоторые из этих причитаний (по смыслу) даны в виде диалога, причем каждая смысловая часть кончается тожественно повторяющимся стихом. Так, в причитании Карлыгаш: „Брат мой брат, богатырь Коблан, ты Аллахом нам в помощь дан, — на кого ты нас покидаешь? Вот верблюжий твой караван — на кого ты кладь покидаешь? Гурт овец твоих не заклан — на кого ты скот покидаешь“ и т. д. Или в дальнейшем ее причитании — „строфы“ завершаются каждая стихами: „Я тебя, лишенного страха, предаю на волю Аллаха“. (Ср. в песне Ак-Жюнис Карт-Кожаку в былине о Тархыне, где после каждой строфы повторяется: „но была твоя слава безрога“.)

Метафоры, сравнения

„С белокрылой лебедкой сходна и с верблюдицей кроткой сходна, солнцем на подбородке сверкнув, плечи в легкой походке стянув, жаулык рукой подоткнув, Кортка гонцу отвечала...“

Кортка — „стройно-гибкая, как хорек“.

„Забурлил Тай-Бурыл котлом и с неевшим три дня шакалом схожий в крике и в скоке шалом, — придорожный голый валун стал кусать молодой скакун“.

Кобланды, „видя мужество Кыз-Кортки, своего устыдясь нахрапа, волчьи спрятав свои клыки: я — гусак (сказал) криволапый! Лужа я, где спят гусаки! Я — ответшие васильки, что в апреле жуют быки на толоке бия — манапа...“

„Мы ведь ближе — брат и сестра — чем у ворона два пера.“

Хан Казан угрожает Кобланды: „вот, играючи, проучу, измочаю я, как халат!“

„Велика была та булава, словно конская голова“, — общая казахским былинам гипербола (Алпамыс, Камбар). Ср. в ойротской былине Алып Манаш: на озере целебная пена величиной с конскую голову.

„Не слышал Коблан ничего: в семь сетей, как трава густых, Кобикты запутал его.“

Отец взывает к Кобланды: „Боевой, как верблюд-бура, с пышным волосом на груди, с верблюжатами позади, — где в какой же ты стороне? Где найза твоя и чохпар, о, блистательный, как тулпар в многотысячном табуне? Видишь, слезы мои текут, я горюю, простертый ниц. Где летаешь ты, мой беркут? Много ль в мире подобных птиц, что с охотничьих рукавиц рвутся в небо и зверя рвут?“

Кобланды „доскакал до вражьих ворот, в них он пикой заколотил, заревел, как верблюд ревет“ (ср. Камбар).

„Аганас найзу завертел, прытче ястреба, каршиги, на обидчика налетел.“

„Не узнал ты меня сперва, рубанул, как рубят дрова, рубанул как тот саксаул...“, говорит в бою сестра брату.

„Кобикты с кистенем в руке, снеговой подобен реке, той реке, что сверлит гранит“.

Пословицы (их мало)

„Кто обидчив, тот не умен.“

„Недаром старики говорят, что у батыра и у его коня душа одна“.

Когда Кобланды уступил Караману Карлыгу, „был обрадован Караман, про верблюда и караван поговорку даже приплёл: Одногорбость красит верблюда, караван же — товаров гряда“ (применение непонятно).

„Сила воина — в кулаке, сила женщины — в языке.“

Былина о Кобланды отличается оригинальными женскими персонажами: жены героя и его подруги. Жена героя Кортка воспитала мужу богатырского коня — Бурыла, на котором Кобланды и выехал прямо в поход, хотя он еще не знал седла. Конь далее так и называется „Тай-Бурыл“ („тай“ — годовалый жеребенок). Уводимая в плен Кортка не забыла о своем питомце и закопала на месте разоренного своего аула „золотую грудку овса.“ Возвратившийся с хозяином в родные места, Бурыл упал тут на землю, почуяв следы своей заботливой воспитательницы. Выпросившись у калмыцкого хана из города в степь, где вдаль заметила костер своего мужа и рядом коня, — „...Кортка Тай-Бурыла зовет: он узнал ее, повод рвет и несется ветра быстрее, прямо в ноги валится ей. Тай-Бурыл, — говорит Кортка, — сколько выпил ты молока жеребенком из рук моих! Мой воспитанник, мой родной. Сколько зерен ссыпано мной за решетку яслей твоих! Ты исправно во дни невзгод Кобланды служил моему. Оправдал ты весь мой уход. Дай же я тебя обниму.“ Вспыльчивому и упрямому мужу своему умная Кортка помогает заботой, охраной и предостережением. Она — покорная жена, но настойчива в своем мнении и советах: „Я, покорнейшая из жен, шлю нижайший ему [т. е. Кобланды] поклон. Пусть он будет благополучен и со счастьем неразлучен, но плохим он идет путем“ ... „С соблюдением всех приличий, плача, молит его жена, чтоб не шел на убой калмычий“ ... „Если так уж ты, мой султан, потягаться хочешь с врагами, я скажу, что мужьев упрямей не видала, чем мой Коблан.“ Кортка весьма дальновидна и предсказывает, но не в силу какого чуда, а потому что, соображая обстоятельства, предвидит развитие событий. Кобланды сначала гневается на возражения жены, но затем признает справедливость ее совета, хвалит ее за мужество в сопротивлении и на деле убеждается в правильности ее предсказаний. И он и она, оказывается, не ревнивы.

Второй женский персонаж — Карлыга, дочь крымского хана: „Ай и дочь же у Кобикты! Это статный джигит скорей! Сколько силы и красоты! Не сыскать таких дочерей! Вышла девкой она некстати, беком счесть бы ее могли.“ Давно желая стать мусульманкой, она бежала с Кобланды и Караманом, которых выпустила из отцовской тюрьмы; из любви к Кобланды предала отца и брата на смерть и, принадлежа Караману, избегала его ласк, откупила от него и добила лежа Кобланды: „у жадного Карамана свободу купив свою, отдав ему дочек хана, блаженная, как в раю, сменила Карлыга молодая стервятника на орла и спать с любимым легла; такие-то вот дела...“

БЫЛИНА О ЕР-САИНЕ

Былина „Ер-Саин“¹ связана с былиной о Кобланды, который здесь выведен как старший батыр. Былина „Ер-Саин“ интересна прежде всего по оформлению, она имеет вначале запев, а в исходе концовку. Запев относит былинку к героической истории народа Ногайлы. Сперва в былине описывается страдание Боз-Моная от бездетности, затем восстание его рабов, пророчество о сыне, пир по случаю рождения Саина, детство его, сватовство его и женитьба на Аю-Бикеш, встреча с Кобланды-батыром, совместный поход на калмыков, смерть и восхождение Саина.

Запев начинается такими стихами.

Были люди иные встарину
И обычаи иные встарину.
Степи наши родные встарину
Населял народ Ногайлы.
Он тремя крепостями владел,
Он несметным скотом владел.
Но пришла большая беда:
Летний мор его стада сгубил,
Зимний джуг их тогда сгубил,
Голода наступили года...

В трехстенном городе Ногайлы жил богач Боз-Монай, известный благочестием, было у него 90 рабов, которые пасли 90 табунов и 90 стад. Однако нехватало ему детей: было ему за 60, а байбише его за 50 лет. Девяносто пастухов Боз-Монай опились кумысом и, так как,

„Что трезвый хранит в уме,
Пьяному того не сберечь“,
Повели такую речь:
„Не для нас породистый конь,
Не для нас камковый шапан,
Не для нас шелковый бешмет,
Не для нас парчевый халат.
В пище сладость какая нам?
В жизни радость какая нам?
.....
Байского баяна не тронь,
Хозяйской кобылицы не тронь,

¹ По поэтическому переводу Льва Пеньковского.

Слову байскому не перечь.
Нам — его лошадей стеречь,
Девятью потоми истечь,
Падалью в степи тут лечь.
Подавился бы добром он своим,
Старый этот, жадный скупец!

Пусть лишь явится завтра бай

Сразу мы прикончим его“.

Утром¹ Боз-Монай едет на любимом белом коне к своим табунам. Все 90 рабов не поклонились ему. Он кричит на них, они не отвечают. Одного пастуха он хлестнул воловьей плетью.²

¹ Спит спокойно в кибитке бай,
Спит спокойно его байбише.

Вот редет ночная тень,
Вот и звезды меркнут уже,
Рдеет на востоке день.
Просыпается Боз-Монай.

Вот намаз совершает он...

После оскорбления рабами [ниже]:

Смеркли звезды, отсиял шолпан,
Золотом и пурпуром горя,
Занимается над степью заря.

Вот уже азанчи поют,
К утренней молитве зовут,
Бай не молится, спит себе тут...
(т. е. на земле, в грязи).

Ср. в русских былинах:

На зачине то было светла денчика,
На зоре-то было да ноньче на утренной,
На восходе-то было красна солнышка,
Тут ставает старой да Илья Муромец,
Илья Муромец ставает да сын Иванович,
Умывается он да ключевой водой,
Утирается он да белым полотном,
А ставает да он нонь перед господом,
А молится он да господу богу...

Илья Муромец и Сокольник. Ончуков. Сб. „Печорские былины“, № 1, по сб. Ю. М. Соколова, стр. 61; ср. былинку об Илье Муромце и Бориске. Былины и историч. песни из южной Сибири, стр. 107, ср. 108. Сокращенное см. в былинке „Как перевелись богатыри на Руси“. Сб. П. В. Киреевского, в. IV, стр. 103, по сб. Ю. М. Соколова, стр. 171, 172, 174.

² В ойротском эпосе не мало строк, посвященных тяжелому положению трудового народа, эксплуатируемого баями, феодалами. В „Кан-Толо“ есть упоминание о том, что Тельбен-Каракан сек народ колючим шиповником. Бай Саньскан истязал непокорных пастухов розгами и плетми. У бая Айбычи из поэмы „Малчи-Мерген“ было сто сорок пастухов. „Он заставлял их работать без отдыха днем и ночью. Пастухи ходили полуголые и босые. Ноги их были изранены камнем. Однажды самый смелый из пастухов Малчи-Мерген обратился к хозяину с требованием выдать сапоги. Бай рассвирепел, хлестнул пастуха плетью и приказал слугам переломить ему ноги“ (Н. У. Улашев, сказитель-орденоносец. Алтай-Бучай. Ойротский народный эпос, под ред. А. Коптелова, Новосибирск, 1941, стр. 33).

Тогда все бросились на него и избили, и он чуть живой ускакал, воя. Вернувшись домой, Боз-Монай вместе со своей байбише горюет и жалуется в причитанье на побои от рабов и на бездетность. Сутки лежал Боз-Монай, зарывшись лицом в грязь, и на заре сквозь сон увидел перед собой человека в белой чалме, вроде алима, который обещал ему сына, равного по красоте, уму и силе тысяче (ср. Шора), и велел назвать его Саином. Этот прорицатель был Баба-Омар, затем — „со связанной книгой на груди,

С белым посохом высоким в руке,
В той чалме, что к к снег бела,
С бороною, белой как снег,
С полосатым куржуном на спине,
Понукая пегого осла,
Удалился божий человек“.

По поводу рождения своего сына Боз-Монай устроил для всех ногайлинцев „той“, на котором предложил угадать имя родившегося, нареченное Баба-Омаром. Угадавшему он обещал 90 шапанов и 9 иноходцев. Угадчиком оказался нищий старик 130 лет, который и получил обещанную награду (ср. ойротскую былинку о Кёзьюке). Саина положили в роскошную колыбель; но он ничего не ест, тощую грудь старухи-матери не берет и не жует мясо, предлагаемое отцом. По совету ногайлинских аксакалов, начали кормить Саина костным мозгом кобылицы. Саин стал расти необычайно быстро (ср. Шурà); вырос он скромным, скупым на слова, защитником обиженных. Достигши шести лет, Саин лихо скакал на коне, „золотыми удилами бренча“:

Черны молнии — его глаза,
Шириною в аршин — плеча,
Алая на нем епанча,
Золотая по ней парча,
Золотой на кушаке булат,
Свищет в левой руке камча,
В правой — шестигранная пика,
Степь гудела от топота и гика.
(При этом виде) девьяностолетних... старух
В ком давно уже огонь потух,
Трепетом охватывало вдруг,
Перехватывало дух,
Превращались в молодух
Девьяностолетние те старухи и т. д. (Ср. Чурило в русской былинке.)

Услышав о богатырстве Саина, 90 рабов испугались мести его за избиение отца и ночью бежали на хозяйских иноходцах в пустыню. Не застав никого из пастухов при своих табунах, Саин бросился на своем чернопегом коне за ними в погоню; увидя с холма¹ беглецов, весело играющих „күй“ (мелодия

¹ Смотрение с холма в степь (Саин на рабов, Байбори на жену) ср. в русских былинах:

И поезжает Илья Муромец от царя Калина
И не мог силы и счету дать.

без слов), истребил их. Саин сам взялся пасти табуны и, перегнав их к границе, откуда „неприятельские шли пути“, молил бога о встрече с врагом.

И вот, однажды по пути по тому
Никогда не слезавший с коня
И обездвивший вдоль и вишьрь,
Все четыре стороны света,
Знаменитый проезжал батыр,
Тот, перед кем трепетала степь..
Табунов угонявший не счесть,
И невест умыкавший не счесть.
В десять лет разивший врагов,
Тридцать два принимавший вида (Алпамыс принимал 60 видов).
Был батыр этот вот каков,
Всем батырам отважный пример,
Был по роду он Кара-кипчак,
А по имени — Кобланды-ер,
А родился он в Ногайлы.

Кобланды собрал тысячу джигитов и задумал взять Саина в поход на калмыков. Встреча батыров сначала была, по недоразумению, враждебна, а затем Саин согласился идти в любой поход с Кобланды.¹

Он на гору на высоко поднимается,
И смотрит на все четыре стороны,
И ничего узреть не мог;
С первой горы опускается,
На вторую поднимается,
И смотрит на все четыре стороны,
И ничего узреть не мог;
Со второй горы опускается,
На третью гору поднимается,
И смотрит на все четыре стороны,
И узрел на восточной стороне шатер белополотняный.

Илья Муромец и Калин-царь. П. Н. Рыб-
ников. Сб. „Песни“, № 57, по сб. Ю. М. Со-
колова, стр. 53.

¹ В русских былинах есть стояние богатырей в степи, в виде „заставы“, например: отец отпускает только что ставшего богатырем Илью Муромца

„Поезжай-ко-се теперь да во чисто поле,
Из чиста поля приедь-ко в красен Киев-град
Ко своему ты ко красному ко солнышку
Все ко ласкову князю ко Владимиру...“

В Киеве Илья говорит князю Владимиру:

„Мне-ка съездить-то благослови во чисто поле,
Мне прибрать в чистом поли себе дружинишку хоробрую

Благослови мне съездить во чисто поле
С неприятелем мне да поборотися.“

Владимир отпустил Илью находить в поле „могучиих богатырей“:

„Уж те быть надо всима во поли над богатырьми
Надо всима-то бысть да атаманами,
Распорядителем быть, ты Илья Муромец...“

Илья нашел в поле богатырей „в белых шатрах“

Он ведь тут с има скоро знакомится;
Он побратался крестами золотыми тут,

Горюя по поводу предстоящей разлуки с сыном, Боз-Моной умолил Кобланды не брать Саина, так как ему всего 7 лет, и выпросил ему отсрочку на три года. Мать Саина уговорила мужа женить сына, а то он уйдет в набег, не оставив им наследников. После тщетных поисков подходящей невесты, Боз-Моной узнал, что у крутого нравом бая Кобека есть дочь красавица.

Называет их крестовыми все брателками

Они стали по чисту полю да все поезживать.

Всю покорность-ту держать да Илья Муромцу.

Исцеление Илья Муромца. А. В. Мар
к о в. Беломерские быliny, № 42, по сб. Ю. М.
Соколова, стр. 23—26.

Когда Калин-царь пришел под Киев и потребовал его сдачи, Илья Муромец поехал „даря Калина упрасивать“ и, получив отсрочку, осмотрел с гор окрестность и увидал шатер. В шатре он нашел тринадцать русских богатырей, своих крестовых названных братьев, и уговорил их ехать против Калина-царя. (П. Н. Рыбников. Сб. „Песни“, № 57, по сб. Ю. М. Соколова, стр. 49—58).

Кабы жили на заставы богатыри,
Недалеко от города — за двенадцать верст,

Кабы жили они да тут пятнадцать лет,

Кабы тридцать-то было да со богатырем:

Не видали ни конного, ни пешего,

Ни прохожего они тут, ни проезжего,

Да ни серый тут волк не прорыскивал,

Ни ясен сокол не пролетывал,

Да ни русский богатырь не проезживал.

На зачине-то было светла деничка,

На заре-то было да ночью на утренней,

На восходе-то было да красна солнышка,

Тут стагает старой да Илья Муромец ...

Да и брал он нонь трубочку подзорную,

Да выходит старой да вон на улицу,

Да и зрел он, смотрел на все стороны ...

В копоги то там, в тумане не знай зверь бежит,

Не знай зверь там бежит, не знай сокол летит.

А богатырь-де там едет, да потешается

Подъезжает он ныне ко белу шатру,

Да и пишет нонь сам да скору грамотку,

Да подмётывал ерлык да скору грамотку

Да к тому же шатру к белобархотному.

Да берет-то стар-казак Илья Муромец.

Да и то у него тут написано,

Да и то у него тут напечатано:

Да и еду я нонь да в стольней Киев-град,

Я грометь-шурмовать да в стольней-Киев-град ...

Илья Муромец и Сокольник. Ончуков.
Сб. „Печорские быliny“, № 1, по сб. Ю. М.
Соколова, стр. 60—64.

Ветер еще не касался лица,
В чужие юрты не входила еще,
Улыбок никому не дарила еще.
Имя ей — Аю-Бикеш.
Волос ее черен и густ,
Голос ее — звонкий курай [свирель из камыша],
Щеки ее — розовый куст,
Уста ее — нет краше уст,
Взоры ее — при жизни рай,
Стан ее — гибкая лоза.
Ходит словно гордый фазан,
Бегаёт как горная коза.
Пищу глотать если станет она,
Пища сквозь горло ее видна.
Если на солнце взглянет она
Солнечный свет отражает лицо.

Крутой и разборчивый в женихах Кобек сначала выгнал Боз-Моная, а затем, испугавшись мщения Саина, согласился выдать за него дочь.¹

¹ Возвращение обиженного, как момент сюжета, есть и в русских былинах. Бай-Кобек говорит своему слуге:

„Так беги же, щербатый раб,
Позови Боз-Моная обратно!“
Был немолод уже и слаб
Тот Кобеков щербатый раб
Не было коня под седлом
Побежал он за баем пешком ...

Нагоняет, наконец, Боз-Моная:
„Придержи коня, Боз-Моная,
Про худое не напоминай,
Я бегу за тобой не в отместку

Бай-Кобек тебя просит в сарай,
Отдает он Аю-Бикеш,
Будешь ты доволен невесткой“ ...

Ср. из первой поездки Ильи Муромца в Киев:

Тут старому на беду стало,
За великую досаду показалося,
Надевал он черну шляпу, вон пошел.
Тут ласковый Владимир князь
Наливает чару зелена вина,
Он бежит скоро на красно крыльцо:
„Ой ты гой еси, удалой добрый молодец,
Хоть выпей ты чару зелена вина!“
И проговорит старый казак Илья Муромец:
„Ах ты гой еси, батюшка Владимир-князь!
На приезде ты гостя не употчивал.
На походе ты гостя не учествуешь“.
И зашел старый на царев кабак,
Пил-гулял трои сутки.
Проговорит ласковый Владимир-князь:
„Ой ты гой еси, мой верный клоушничек,
Ты поди, позови Илью Муромца
Ко ласкову князю Владимиру,
Позови его на почестный пир,
Позови его честнешенько,

Свадебный пир продолжался 40 дней. На утро после брачной ночи Ер-Саину предстала тень Баба-Омара, который благословил его и предрек ему рождение двух сыновей-близнецов. Тот же Баба-Омар нарек родившихся близнецов, — старшего Бокенбаем и младшего Куикбаем. Когда истекло три года, Кобланды со своим тысячным отрядом снова явился за Саином. Тот оседлал себе белого коня, навьючил палаткой („кос“) вороного, отобрал 40 смелых джигитов и выступил вместе с Кобландами. Целый год продолжался поход до вражьей границы. Здесь Кобланды стал гадать по кости-лопатке. Так как кость напророчила беду, Кобланды решает вернуться назад со своим отрядом и зовет вернуться Саина. Саин отказывается:

Коль безводную пустыню пройдя,
Коль до вражьей твердыни дойдя,
Убегу я, Боз-Монаев сын,
Опозорюсь я на весь мир,
Буду я тогда не батыр,
И не сложит про меня жир
Ни один ногойлинский жирши,
Ни один не прославит акын!

Батыр заявляет, что пойдет воевать один и будет биться до конца, пока не лопнет тетива, не защербится меч, не раздробится булава и яблоком не рухнет голова. Кобланды со своей тысячей отступил, а Саин пошел вперед. Калмыки уже знали о набеге и готовились. Поднявшись со своими 40 джигитами на холм, Саин увидел большой и крепкий город и несметное войско калмыков. Джигиты испугались и бежали. Саин не стал их насильно удерживать, только просил защищать родину, а себе же сказал:

Если смерть сулит моя звезда,
То из мусульманского гнезда
С радостью, как тухлое яйцо,
Жертвою пусть выпаду за вас.

(Поверье: птицы сами выбрасывают из гнезд порченное яйцо, чтобы остальные птенцы благополучно вылупились). Со свистом и гиком помчался Саин на своем белом тулпаре:

Закричал воинственно Саин
Засвистал, загикал наскоку.
Конь тулпар к нему ли не привык?
И тулпар затрепетал в тот миг,

И кланяйся ему низзешенько“.
Тут клюшничек не ослушался,
Зовет стара козака Илью Муромца:
„Пожалуйте, старый козак Илья Муромец,
И пожалуйте, тебя князь зовет,
Князь зовет на почестный пир“.
Тут старый не ослушался...

Былины и исторические песни из южной Сибири. Записи С. И. Гуляева. Редакция, вступит. статья и комментарии М. К. Азатовского. Новосибирск, 1939.

Удивился своему седоку.

„Погоди же, враг ты несносный.

Разочтемся с тобой, калмык“.

Спадал в чернолесье лист,
Как от грома, трескались сосны,

Птица пдала на лету, —

Так был буен богатырский гик,

Так свиреп неистовый свист.¹

Саин захватил вражеский табун и погнал было к своим джигитам, но они уже скрылись в бегстве. Собравшись кое-как на бой, калмыки, однако, стали глумиться над Саином по поводу бегства его джигитов. Разгневавшись, Саин рубил калмыков, как овец. Призванные ими из города батыры, Иламан и Жоламан, бежали за высокую гору. Саин истребил бы всех врагов, но, будучи опьянен своей силой, ни разу не вспомнил в бою

¹ Ср. в русских былинах:

Илья Муромец доехал до Соловья-разбойника —

Засвистал-то Соловей да и по-соловьему.

Закричал злодей-разбойник по-звериному

Так все травушки-муравы улетались,

Да й лазуревы цветочки отсыпались,

Темны лесушки к земле все приклонились.

Его добрый конь да богатырский

А он на корзни да потыкается...

Сб. Гильфердинга, № 74, по сб. Ю. М. Соколова, стр. 29.

Дунай Иванович, догнав по следу татарина,

Так с татаринном промолвился:

„Стой ты, татарин, во чистом поле,

Рыкни, татарин, по-звериному,

Свистни, татарин, по-змеиному!“

Рыкнул татарин по-звериному,

Свистнул татарин по-змеиному:

Темные леса распадались,

В чистом поле камешки раскатывались,

Травонька в чистом поле повянула,

Цветочки на землю повысыпались,

Упал Добрынюшка с добра коня...

Добрыня-сват. Сб. Гильфердинга, № 94 по сб. Ю. М. Соколова, стр. 93, 94.

Добрыня Никитич и Василий Казимирович, отпущенные князем

Владимиром в землю Полоещкую с ярлыками —

И выходили молодцы на красно крыльцо,

Засвистали молодцы по-соловьинному,

Заревели молодцы по-звериному.

Как из далека, далека, из чиста поля

Два коня бегут, да два могучие

Со всей сбруею богатырскою.

Сб. Тихонравова и Миллера, № 37, по сб. Ю. М. Соколова, стр. 103.

Переодетого каликою Алешу Поповича

Завидел тут Тугарин Змеевич млад,

Заревел зычным голосом;

Подрогнула дубровушка зеленая,

Алеша попович едва жив идет.

Сб. Кирши Данилова, № 19, по сб. Ю. М. Соколова, стр. 126.

предка своего, Баба-Омара, и потому, израненный, принужден был бежать. Завидев своих джигитов, Саин просит снять его с коня; говорит, что гадание Кобланды оказалось верным и перечисляет свои раны:

Глубоко, по самое перо,
Желтую стрелу вонзил
Нечестивый сайдачник-калмык,
На молитву обутым идущий,
Исгуканов-балбесов чтущий

Э, убит я, джигиты, убит,
Потому что стояла справа
Бесталанная моя звезда (и т. д. причет — вроде, но лучше, Тархына).¹

В дальнейшем сообщении отцу возвратившиеся от Саина джигиты так описывают его непрерывный бой с калмыками:

Храбро бьется батыр-орел,
Бьется и едет вперед.
Растрепался парчевый чепрак,
Разодрался белый бешмет,
Распустился алый кушак.
Ай, напиться ему времени нет,
Помочиться ему времени нет..

Саин трогательно просит джигитов не огорчать его родителей сообщением о его гибели² и посылает поклон жене и Коб-

¹ См. в былине о Сухмане:

Тут Суханьши ретиво сердце возгорелось,
Могучи плечи расходились;
Бежит в силу Мамаеву,
Во дне бежал, во втором часу,
И бился, дрался трои сутокки,
Не пиваючи, не едаючи.
Куда бежит — тут улица,
Заворотится — переулочек.
Навалит трупов — коню до стремени,
Горячей крози — до подчереза.
В трупах конь не может скакивати
Тут Суханьшу приобранили,
Дали Суханьше тридцать ран;
Те раны были сносные,
А три раны — сердечные,
Сердечные раны — кровавые.

Былины и исторические песни из южной Сибири,
стр. 126.

Бил, топтал он силу поганую,
Бил, топтал трои сутокки
Не пиваючи, не едаючи
Со добра коня не слезаючи.

Илья Муромец. Былины и исторические
песни из южной Сибири, стр. 34.

² Ср. в былине о Добрыне и Алеше Поповиче:

А во другой vine, братец, тебя не прошу,
А зачем же приезжал ты из чиста поля,
Привозил же про нас весточку нерадостну,
Что лежит побит Добрыня во чистом поли,

ланды, которого просит заменить для сирот-детей их отца. Между тем, Аю-Бикеш видит сон, вещающий в символах о несчастии Саина. Аю-Бикеш видит во сне:

И у сына твоего, свекровь,
У Саина моего, чья любовь
Мне светлее солнца была,
И чей взор был мне ярче звезд,
Кто уехал в далекий набег
На коне, что белей, чем снег,
На коне, чей пушистый хвост,
Человеку рослому в рост,
Э свекровь моя, этот конь
Показался мне кудохвост...¹

Возвратившиеся джигиты пробуют сначала ее обмануть, а затем сознаются и говорят, что израненный Саин, бывший, как лев, и умирал, как лев, приказав белого своего коня привязать к изголовью своего соснового гроба. Аю-Бикеш горько причитает, подобно великой княгине Евдокии в древнерусской биографии Дмитрия Донского. Причитает и мать:

„Позабыл ли молитву ты,
Когда ринулся в битву ты,
Что не сели на плечо твое
Ангелы твои хранители!“

Аю-Бикеш говорит свекрови, что сердце ей шепчет будто муж ее жив. Она хочет его разыскать („не герой, кто в кибитке сидит“), умастить его раны медвежьим жиром, и, может быть, он оправится. Месяц целый едет Аю-Бикеш, сама не зная, куда. Наконец, она увидела черный холм, а рядом тополь (в ойротских былинах постоянно тополь), над которым кружила стая сорок, словно чуя кровь. Аю-Бикеш поскакала

А плеча его да испростреляны,
Голова его да испроломана,
Головой лежит да в част ракивов куст.
Ты слезил же нунь родитель мою матушку,
А честну вдову Офимью Олександровну.
Тяжелешенько тут она по мне плакала,
А слезила тут она да очи ясные,
А скорбила тут она да личко белое...

Сб. Гильфердинга, № 5, по сб. Ю. М. Соколова, стр. 110—120.

¹ В русских былинах хвост у коня обычно так изображается во время бега: „Как хвост-то у ней [кобылы] расстилается, а грива то у нее да завивается“ (Вольга и Микула), „да и сива-де грива да расстилается, да и хвост-то трубой да завивается (Илья Муромец и Сокольник). Есть и величина хвоста: Дюк Степанович для поездки в Киев выбрал в конюшней матери „жеребца себе неезжена“:

Да и выбрал себе бурушка косматого.
Да у бурушка шерсточка трех пядей,
Да у бурушка грива была трех локот,
Да и фост-от у бурушка трех сажень,

С. К. Шамбинаго. Сб. „Былины-старин“, стр. 26.

к тополю и там увидала лежащего мертвого Саина. Она склонилась к нему, „и две полные чаши глаз опрокинула ему в глаза“. Она несет тело мужа к ключу, обмывает, мажет медвежьим жиром и Саин оживает.¹

Прибрела сюда и старуха-мать, которой кто-то подсказал во сне, что сын ее ожил. Все они ласкали друг друга и, расседлав коней, уснули. Получивши весть, что Саин лежит израненный в степи, калмыки, под начальством Иламана и Жоламана, поехали его искать, нашли и окружили спящих. Саин проснулся, воззвал к Баба-Омару и вскочил на своего белого коня. Конь и панцырь убеждали Саина (ср. беседу Алпамыса с оружием), что он может пробиться.

¹ Оживление есть в ойротских былинах, например в былине „Алтай-Бучай“ и в поэме „Козын-Эркеш“. В этой поэме Байым-Сур пытается оживить мужа, разрубленного на части. Для этого она привезла целебной воды, наломала чистого можжевельника, собрала на Алтае шестьдесят лекарств. Но ничто не помогло. И это подтвердили оба бога — и небесный, и подземный. Но Байым-Сур продолжала искать „живую траву“ и целебную воду. В конце концов ей удается вернуть жизнь своему мужу (Н. У. Улагашев, сказитель-орденоносец. Алтай-Бучай. Ойротский народный эпос, под ред. А. Коптелова, стр. 27, 35, 67, 76, 231—236).

Ср. в русских былинах:

Скакал ему [Добрыне] татарин на белы груди,
Порол ему белы груди,
Вынимал сердце с печенью...

«Алеша Попович идет Добрыню и находит мертвого у шатра татарина»:

У того ли шатра спит Добрыня молодец:

Очи ясные закатилися,

Руки сильные опустилися,

На белых грудях запеклася кровь...

(в поединке Алеша свалил татарина на землю)

Скакал ему на белы груди,

Хотел ему пороть белы груди,

Вынимать сердце с печенью.

Отколь тут ни взялся черный ворон,

И вещает человеческим голосом:

„Ох ты гой еси, Алеша Попович млад

Ты послушай меня, черного ворона:

Не пори ты татарину белых грудей;

А слетаю я на синё море,

Принесу тебе мертвой и живой воды,

Вспрыснешь Добрыню мертвой водой,

Срастется его тело белое;

Вспрыснешь Добрыню живой водой,

Тут и очнется добрый молодец!

В та поры Алеша ворона послушался

И летал ворон на синё море,

Приносил мертвой и живой воды;

Вспрыскивал Алеша Добрыню мертвой водой, —

Срасталось тело его белое,

Затягивались раны кровавые;

Вспрыскивал его живой водой, —

Пробуждался молодец от смертного сна.

Как перевелись богатыри на Руси. Сб.
Киреевского, в IV, стр. 108, по сб. Ю. М. Со-
колова, стр. 172—174.

Конь говорит языком человеческим в былинах о Саине и о Кобланды. Приведем эти речи. Когда Кобланды ударил Тай-Бурyla плетью:

Задрожали Бурьлы губы,
Заскрипели Бурьлы зубы,
Заходили в глазах круги...
„Э, — сказал он по-человечьи, —
Этак дважды меня огрей, —
Бездыханным могу залечь я,
Стану падалью пустырей.
Без того твою поняд речь я,
Можно двигаться и быстрей,
Хочешь — тропотом, хочешь — рысью,
Хочешь — иноходью взлечу,
Лягу — ласточкой, взмою в высь я.
Спрячь подальше свою камчу...“

Саин, окруженный врагами, вскочил, проснувшись, быстро подбежал к своему белому коню, оседлал и сел в седло.

Белый конь, удила закусив,
На Саина глаза скосив,
От ушей до хвоста задрожав,
И копытом забив и заржав,
Человечьим голосом вдруг
Утешительно заговорил:
„Будь храбрей, Саин, мой друг,
Будь бодрей, забудь испуг...
Силу, данную тебе,
Ты сегодня вновь испробуй!
Если сквозь калмычий круг,
Сквозь ряды их крепостей
Не пробьешься ты, Саин,
Так и знай — твоя вина!
Если же из вражых стрел
Долетит хотя б одна, —
Так и знай — моя вина!
Свистни, гикни — понесусь.

.....
Я в бою ли не резвлюсь.
Всех врагов как саранчу
По пути я растопчу, —
Э, Саин, смотри, не трусь!“¹

¹ Сравните в русских былинах:

Когда у Самсона Святогора, положившего в карман Илью Муромца, конь стал запинаться, и тот спросил:

„Еще что ты тут ведаешь да запинаешься,
Еще разве ты невзгоду мне-ка ведаешь?“

И да провешился конь языком человеческим:
Еще где мне-ка возить да двух богатырей с конем?

Святогор и тяга земная. Сб. Гильфердинга,
№ 270, по сб. Ю. М. Соколова, стр. 8.

Конь предупреждает богатырей о вражеских подкопах:

Его добрый конь провешился языком человеческим:

„Ай же, старый казак Илья Муромец!

Есть у собаки царя Калина

Выкопано три подкопа глубокие:

Батыр пробился, но женщин калмыки схватили, связали их
косы и, перебросив через седло, выгнали их коня в степь,
чтобы Саин вернулся на их крики. Женщины кричали Саину,
чтобы он не возвращался их спасать, но он поскакал к ним.

Я в подкоп скочу, — повыскочу,
Тебя, Илья, повынесу.

И в третий скочу — повыскочу,
Навряд тебя, Илья повынести!"

П. Н. Рыбников. Сб. „Тесня“, № 57, по
сб. Ю. М. Соколова, стр. 56.

Только в тую было пору, в то время
Добрый конь у Михайла проведился:
„Бей-ко ты, Михайло, силу с крайчику,
Не заезжай-ко-ся, Михайло, в силу в матику,
А и копают тут уланове три погребя,
А три погребя копают тут глубокие,
И станоят тут у погреб копыя вострые,
Еще первый-от я погреб дак перескочу,
Еще другой-от я погреб ведь перескочу,
А третьего мне-ка погребя не перескочить“

Михайло Данилович. Сб. Киреевского,
т. III, стр. 41, по сб. Ю. М. Соколова, стр. 144.

Бусурманский царь в побег пошел,
В догон погнался за ним Васинька.
Проведился тут добрый конь
Мудрым языком человеческим:
„Не бегай ты, Васинька-голь кабацкая,
Не бегай ты в землю бусурманскую,
Земля бусурманская хитра, мудра:
Не быть нам обоим живым!“

Василий пьяница. Былины и исторические
песни из южной Сибири, стр. 93.

Иван Гостинный сын, положив заклад с князем Владимиром, что обгонит
его коней на своем бурочке, испугался проигрыша, но конь его утешил:

Проведился конь мудрым языком,
Мудрым языком, человеческим:
„Гой еси, Ванюшка Гостинный сын!
Корми-ко меня пшеном белоярым,
Пой-ко медовой сладкой сытницей,
Выводи-ко на луга на зеленые,
Напой меня росой медвяною

За исто поеду, от него [лучшего из жеребцов Владимира] уеду“.

Былины и исторические песни из южной
Сибири, стр. 100.

Перво поприще бурка скочил целу версту,
И припадывал к земле сыро-матерой,
И спроговорит человеческим голосом:
„Ай же ты, хозяин мой любимый,
Опущайся-ко с меня, добра коня,
Ты бери-тко земли да сыро-матерой,
Ты подвязывай под плечико под правое
Да подвязывай под плечико под левое,
Чтоб не страшно было сидеть мне да на добром коне“.

Дюк Степанович. Сб. Гильфердинга № 159,
по сб. Ю. М. Соколова, стр. 179, 180.

Ангелы-хранители его,
Было их шестьдесят два,
Сели тут на плечи ему,
Стали его охранять.

В страхе калмыки бросили пленниц и бежали, избиваемые Саином. Саин вернулся в Ногайлы с большой добычей. Сыновья Саина, раздраженные против Кобланды, как вовлекшего их отца в несчастный поход, заставили его искать отца и вместе с ними мстить за него калмыкам. Калмыки окружились рвом, но батыры на конях перепрыгивали его, только Боканбай упал туда вместе с конем, но был вытащен Кобланды из потока вражьей крови.¹

¹ Рву, через который прыгают батыры, можно указать такие соответствия в русских былинах, как три подкопа, вырытые Калином-царем в которые попал Илья Муромец вместе с конем, или три погребца, вырытые уланами, куда упал с коня Михайло Данилович. Оба богатыря были предупреждены об этих ловушках своими конями, что они не в силах перескочить третьего из подкопов-погребов. Конь Ильи Муромца:

В третий [подкоп] скочил — сам повыскочил,
Не мог Илью повynesи,
Упал Илья в подкопы глубокие,
Обостали татарове поганые,
Сковали ему ножки резвые,
Связали ему ручки белые...

П. Н. Рыбников, Сб. „Песни“, № 57
по сб. Ю. М. Соколова, стр. 56, 57.

Конь Михайла Даниловича:

А третьего-то он погребца не перескочил;
И упал ногами он да задними,
Уронил Михайла он в глубок погреб;
Только не пал тот на копыя острые.
Набиралися уланове поганые,
Да вязали ведь его за руки белые,
Да тема петлями ведь шелковыми,
И ковали, ковали да во железа тяжелые...

Сб. П. В. Киреевского, т. III, изд. 2,
стр. 41, по сб. Ю. М. Соколова, стр. 144.

Ср. еще состязание конями Чурилы-Пленковича с Дюком Степановичем, которые ударились о велик заклад:

Скакать на добрых коней,
За матушку Почай реку,
И назад на добрых конях отскакивать.

.....
Выводил да Чурило тридцать жеребцов,
Из тридцати выбирал да самолучшего.
Да разганивал, да он разъезживал
Из далеча, далеча, из чиста поля,
Да скакал-де за матушку Почай реку.
Молодой-от боярской Дюк Степанович
Да не разганивал, да не разъезживал,
Да с крутого берету коня своего приправливал,
Да скочил де за матушку Почай реку
И назад на добром коне отскакивал,
И Чурила к крутому берегу притягивал и т. д.

С. К. Шамбинаго. Сб. „Былины-ста-
рины“, стр. 36.

Победив калмыков, батыры сели было пировать, как увидели исполина-знаменосца, приближавшегося к ним впереди войска. Побуждаемый Кобланды, Куикбай поскакал на исполина и вонзил ему в грудь пику, не подозревая, что это его отец, Саин. Похвалив сына за меткость, Саин сказал, что по воле Аллаха не умрет от его удара¹ и послал Куикбая к Кобланды с вестью о своем воскресении. За эту счастливую весть Кобланды подарил ему как „суюнчи“ своего Тай-Бурыла. Затем Саин и Кобланды зареклись воевать на будущее время, и Кобланды, благословив его детей на мирный труд, возвратился к себе, чтобы тихо доживать свой век. „И Саин-батыр мирным стал, не искал он счастья в боях

По другому варианту:

Он скакал Чурила чрез Пучай-реку:
О полу-реки Чурила в воду вверзился.
А как молодой боярин Дюк Степанович
Скоро-наскоро скакал да чрез Пучай-реку,
Он скорее того поворот держал —
О полу-реки он на воды припадывал.
И Чурилу за желты кудри захватывал,
Повыташил Чурилаушку с конем с воды...

Сб. Гильфердинга, № 159, по сб. Ю. М. Соколова, стр. 187.

В параллель к потоку крови можно привести конец боя Добрыни со змеей:

А побил змею да он проклятую.
Попустила кровь свою змеиную,
От востока кровь она да вниз до запада,
А не прижре матушка да тут сыра земля
Этой крови да змеинные,
А стоит же тут Добрыня во крови трои сутки,
На коне сидит Добрыня — приужахнется...

Сб. Гильфердинга, № 5, по сб. Ю. М. Соколова, стр. 84.

Или еще Сухман:

Навалит трупов — коню до стремени,
Горячей крови — до подчерева.
В трупах конь не может поскакивати,
Горячей крови прорыскивати.

Былины и исторические песни из южной Сибири, стр. 126.

¹ Бой отца с сыном — распространенный мотив в мировой литературе: в древней Греции — Эдип, в персидской поэме Фирдоуси — Рустем и Зораб, в немецком эпосе — Гильдебранд и Гаудбранд, в кельтском — Клизамор. Бой завершается узнанием, но исходы роковой встречи различны, большею частью трагические. В русском эпосе этому сюжету посвящена былина „Илья Муромец и сын“ (сын — по прозвищу „Збук Королевич“, „Сокольник“, „Соловник“), например: Гильфердинг, № 219, Григорьев, т. I, ч. II, № 440, 93/129, Ончуков, № 1. В первом бою радостное узнание Ильей сына, во втором бою — убийство коварного сына. Есть еще былина о поединке с неузнанным братом (Два брата королевича), заканчивающаяся узнанием и радостью (Сб. Рыбникова, изд. 2, № 21); см. еще: Еким Иванович, не узнав, чуть не убил Алешу Поповича (Алеша и Тугарин. Сб. Кирши Данилова, № 19).

и богатство его росло и при нем и при его сыновьях. Ногай-линский край процветал". Концовка былины такова:

О седых, о далеких днях,
Когда жил тот Саин-батыр,
Кто, пройдя много гор и рек,
Кто пустыню до края пройдя,
Совершил на калмыков набег,
И гибель свою найдя,
Чудотворным отмечен перстом,
Умер там и воскрес потом,
О батыре-Саине том,
Как он жил этот человек,
О геройских делах его,
О геройских сыновьях его,
Обо всем, что поведано тут,
До сих пор акыны поют,

Былина о Ер-Саине распадается на две главные части. Первая из них посвящена „предистории“, именно — вымалыванию бездетными мужем и женой себе детища (ср. былины об Алпамысе и о Шурè), рождению и вырастанию их сына, а также женитьбе его. Вторая часть былины вся отведена борьбе героя с калмыками. Из одного краткого замечания мы узнаем, что Саин как бы посвящен в батыры, чего в других былинах не встречаем. Так, в причете Аю-Бикеш говорится: „Коль героя, батыра моего, кто и в детстве славой гремя, был уже *тридцатью двумя лучшими из лучших мужей на батырство благословен*, не найду и не разыщу — как же я себе прощу?“¹ Будучи выведен как идеал батыра, дитя-Саин наделен такими чертами взрослого: „нравом скромнен, как де-вушка был, расточать улыбок не любил, как мудрец был на слово скуп, всем обидчикам вредным гроза, не заносчив ни с кем, ни груб...“ Позднее вот как сам батыр характеризует свое славное прошлое: „Не вернуть мне счастливых дней буйной юности моей, когда я караваны водил... Много де-

¹ Возможно, что такое возведение в батырство, или признание богатырем, разумеется и в русской былине: Илья Муромец, поехав за помощью против Калина-царя на заставу богатырскую, нашел в ее шатре 13 богатырей:

Отец крестный Самсон Самойлович
И двенадцать богатырей

.....
И говорит старый казак Илья Муромец:

„Ты, батюшка крестный, Самсон Самойлович,
И все двенадцать богатырей, крестовые названные.

Поедьте вы мне на помочь...“

По сб. Ю. М. Соколова, стр. 53, 54.

Так как Илья начал богатырский свой выезд знакомством с богатырями — членами заставы, „побратался крестами золотыми тут, называет их крестовыми все брателками“, нам представляется, что эта застава, возглавляемая „батюшкой крестным“ Самсоном Самойловичем, как бы признала право Ильи на батырство.

вушек я умкнул, много я ворот разбил, много я табунов угнал, много я врагов истребил". Называемый „примером для отважных батырей“ кара-кипчак Кобланды наделен теми же „боевыми“ достоинствами: он — „тот, перед кем трепетала степь, ... табунов угонявший не счесть и невест умыкавший не счесть, в десять лет разивший врагов, тридцать два принимавший вида". Последнее преимущество Кобланды возможно сравнить с тем, что Алпамыс, по словам его жены Гульбаршин, был наделен шестюдесятью чудесами и мог принимать чужой облик. (В ойротских былинах и богатыри и их кони постоянно меняют свой вид.)

Былина Ер-Саин очень реалистична, но есть в ней и сказочный элемент — на темы, общие былинам вообще. Как и во всех былинах, где детище вымаливается, есть и здесь чудесные явления святых. В данной былине рождений два — самого героя и его детей — и каждое сопровождается такими же явлениями. В богатырском бое также упоминается участие святых (ср. Ер-Тархын). Подобно другим былинам, есть тут и вещие сны, например Аю-Бикеш, но без неумеренных гипербола. Сказочна быстрота роста батыра и совершение им богатырских подвигов уже в раннем детстве. Чудесно оживление мертвого Саина такими простыми средствами, как обмывание его трупa и умащение его жиром, вытопленным из шкуры белого медведя. Правда, в казахских былинах оживление убитого батыра, кажется, не встречается, но в ойротском эпосе есть (Козын-Эркеш, Алтай-Бучай). Чудесна человеческая речь белого коня Саина (ср. то же в ойротской былине о Кёзюйке и в былине о Кобланды) и его панцыря, по содержанию похожая на беседу Ер-Тархына с его оружием и конем. Неожиданна неуязвимость Саина, в сердце которого, по незнанию, вонзил копьё его сын. Саин ограничился по этому поводу кратким замечанием: „метил счастьем меня Алда, не умрет от тебя отец“.

Былина о Ер-Саине отличается картинностью описаний и характеристик, с ярким отражением казахского быта. Например типическое изображение богача: „А в далекую пору ту, в городе трехстенном том жил один богатый человек. Далеко был известен он, славился благочестием он, соблюдал он каждый намаз, ежедневно молился пять раз, одевался в будни как хан, а пешком — и на полдня пути — не ходил никогда, и притом — на коне он не ездил простом, ездил он на белом иноходце. Всем его богатство — закон, жил без подданных ханом он“. Кстати сказать — жить как хан без подданных — общее место данной былины. „Спит спокойно в кибитке бай, спит спокойно его байбише. Вот редает ночная тень, вот и звезды меркнут уже, — рдеет на востоке день. Просыпается Боз-Монай. Вот намаз совершает он, надевает свой черный тон и велит подать коня, снега белей, а глаза огонь, Боз-

Монаев любимый конь, золоченой сбруей звеня,¹ ржет гарцуя, в сиянии дня. Рассказать, описать ли нам, как, в седле золотом развалясь, едет бай, как знатный князь? Хан без подданных, важен и строг, подъезжает он к табунам“.

Вспомним изображение Саина, уже в раннем детстве поражавшего достоинствами зрелого возраста, шести лет скакавшего на коне красавца, вид которого обращал девяностолетних старух в молоденьких. Вспомним описание красоты Аю-Бикеш, или изображение удаляющегося после прорицания святого, в виде старика со священной книгой на груди, попукающего своего пегого ослика — картина, еще раз повторенная в тожественных почти выражениях. Обращают на себя внимание жесты чисто национального характера. В горе возвращается избитый рабами Боз-Монай: „А в далеком его дому слышит плач его байбише, и она с тревогой в душе выбегает навстречу ему, и бросается слева на землю, и землей набивает рот, горьким жалобам бая внемля“. „День идет — бай не ест, не пьет; день прошел, отпылал закат... байбише отсылает прочь... бай лежит на земле, не встает... он в кибитку спать не идет. — В грязь лицом зарывшись, он спит“. Такое свое состояние бай объясняет как следствие позора: „За какие же мои грехи дожил я до такого позора, чтоб мои рабы — пастухи избивали меня, как вора? На мамыке я лежать не могу, спать в кибитке своей не могу, я глядеть на людей не могу“. Жест поспешности: „Боз-Монай подвернул халат, побежал он, ликуя, домой“; „Подвернул Боз-Монай шапан, побежал он в свои стада. Словно молодость вернулась к нему — так он скоро бежал туда“. (Ср. ойротск.: „Спешит Кёзюйке отправиться... полы шубы своей за пояс заткнул“). Далее — его молитвенный жест: „Говорит он, ладони рас-

¹ В казахских былинах конская сбруя и оружие — из золота и звенит; так, выше в этой же былине, шестилетний Саин скакал на коне, „золотыми удилами бренча“; см. еще былинку о Тархыне. Ср. в русских былинах:

Тут ехал удалой, добрый молодец.
Под ним добрый конь, как бы лютой зверь,
На коне-то сбруя под оправою,
Под оправою однозолотною;
Сам на коне, как сокол, сидит...

Добрыня Никитич и отец его Никита Романович. Былины и исторические песни из южной Сибири, стр. 43. То же поется про Михаила Казарятина, стр. 68.

И копал Михайло да мать сыру землю.
Находил он тут всю сбрую богатырскую,
И тогда он поехал во чисто поле,
Забренчала его палица боевая,
Засвистела его сабля, сабля вострая...

Михайло Данилович. Сб. П. В. Киреевского, изд. 2-е, стр. 41, по сб. Ю. М. Соколова, стр. 143.

крыв "... Святой Баба-Омар говорит Саину: „Я тебя и весь твой род люблю, подойди, свои ладони раскрой, я тебя, мой сын, благословлю“. Обрадованный рождением близнецов, Саин помчался на коне в степь и там молится: „Э, великий и вечный бог, правую раскрываю ладонь, восхвалять не устану тебя!...“

Есть и юмор. Например в рассказе о выборе невесты для Саина: „Оседлал Боз-Монай иноходца и поехал сноху выбирать. Как узнали девушки, кто жених, и отбою не стало от них: и, соперничая меж собой, столько их на мосту собралось, — перейти нельзя через мост. Каждая думает: «Я! Помоги мне звезда моя!» Но не нравится баю ни одна: эта малый имеет рост, та тоща, а та тучна, ни одна не нравится ему, ни одна Саину не жена — самая ему лучшая нужна“. Боз-Монай едет, наконец, сватать дочь у надменного бая Кобека. „Видит он богатый сарай, и двенадцать дверей вокруг... У дверей — двое черных слуг, рваны ноздри правые у рабов, выбито по паре зубов. Тут и жил тот надменный бай. Двое слуг, хоть и были рабы, да язык поострить мастера: «Э, Боз-Монай, Ногайлы, что пожаловал ты с утра? Что приехал понурый такой, что ты бродишь хмурый такой? Потерял ты здесь что-нибудь? Тут тебе ничего не найти, проезжай, почтенный человек, счастливого, бай, пути!»“ Кобек сначала прогнал Боз-Моная, а затем, испугавшись, послал одного из рабов вернуть его: „Был немолод уже и слаб, тот Кобеков щербатый раб; не было коня под седлом, — побежал он за баем пешком, затрусил как верблюд одnogорбый, рваною ноздрею храпя, старыми костями скрипя, он бежит, сам себя торопя“ и т. д.

Сравнения, метафоры

„Праведным баем ты был, сам себе ты утесом был“, — говорит Кобланды Боз-Монаю.

„Как взволнованный ветром ковыль, зашумела людская молва“.

Аю-Бикеш причитала, оставляя отчий дом: „Если слушаешь издалека, так взломавшийся лед шумит, так ревет в половодье река, заливающая берега“.

Слова бая Кобека, отца Аю-Бикеш: „Как мне дочь моя ни дорога, мне товарищ она не на век, хоть послушна она и добра. Рвется козочка со двора. Разлучиться пришла пора“ (разумеется выход замуж; подобный символ есть в былине о Камбаре).

„Как кулан, что попал на аркан, заартачился Ер-Саин, сразу же он стал на дыбы“.

Калмыки насмеваются над Саином: „Мы одной твоей жалкой пики устрасимся, как бабьей иглы“.

Умиравший Саин говорит про себя: „Прахом стал, джигиты, кремнь, — высечь ли огонь из кремня?“

Обыльные метафоры, характеризующие красоту Аю-Бикеш как невесту, подходящую для Саина, уже приведены выше. Из причитания Аю-Бикеш, узнавшей, что Саин умирает: „Вся, как яблоко, румяна я, яблоня благоуханная“... „Я лицо свое румяное, яблоко благоуханное, все ногтями исцарапаю“

Из причитания Аю-Бикеш, привязанной вместе со свекровью к коню: „Что я телом, как тальник стройна, что как яблоко румяна лицом... О, Саин мой, не вспоминай...“

Картина поездки Аю-Бикеш на поиски Саина: „Рыжегривые два коня, прынули, как буря, вперед. Ветер гривы густые рвет, как червонная медь, горят, как два буйных костра, горят гривы рыжих ее коней. Облачком красавица летит“.

„А герой Куикбай один всех калмыков сметает, как пыль, косит их, как сухой ковыль“

Образы

Юный Саин мчится на отборном коне по степи: „Повстречавший хоть раз его, становился иноходцем кулан, неуклюжий, глупый баклан сразу превращался в гуся [гуся — символ красоты]. Диву тому дивному дивясь, пересохла как камень вся, снова тиной расцветала грязь“. (90-летние старухи превращались в молодых)... „А сажился Ер-Саин на коня, так менялась природа сама, шестимесячная зима оборачивалась весной“. „Опадал в чернолесье лист, как от грома, трескались сосны, птица падала налету, — так был буен богатырский гик, так свиреп неистовый свист...“

Саин воображает печаль своих родителей, когда они увидят, что среди возвращающихся на родину его нет: „И померкнет солнца свет, и великий небесный казан, что над степью опрокинул алда, меньше маленькой пиалы им покажется бедным тогда“.

Образ движения: „И завидел их Саин издалека, видит — конники по дороге пылят“; отовсюду сошелся народ: „Заклубилась белая пыль, высоко поднялась к небесам“... „И помчался он на белом коне, на батырском своем скакуне; как рванется конь, да захрапит, только пыль из-под ног клубит, только ветер гриву теребит“. „Только не гулять мне впредь, аргамака не объезжать, пыль по полям не клубить“ (см. в других былинах, есть и у ойротов).

Пословицы

„То, что трезвый хранит в уме, пьяному того не сберечь“. „Скот пасти — не игру вести“. „Не герой, кто в кибитке сидит“ (см. то же в былине о Кобланды).

Отметим значение числа 9 и 9 с десятками: „девьяносто он рабов имел, девьяносто табунов имел, девьяносто имел он „стад“; „нам — его лошадей стеречь, девятью потоми истечь“... „девьяносто я шапанов подарю, девять иноходцев подарю“; „девьяностолетние те старухи, девьяностолетние те старики, что в сорокадневный летний зной не вставали никогда с перин, чуть заслышат, что едет Саин, — все плешивыми [т. е. юными] становились“... „Ринулись всей ордою калмак за батыром раненым в погоню. Девятьсот за ним скакало человек“... „Коль из девьяноста стрел, что калмык в тебя метнет, хоть одна меня пробьет, если я не буду цел, — так и знай — вина моя! Так сказал ему панцырь стальной“. Цифра 9 и 9 с десятками преимущественна и в других казахских былинах (например Кобланды, Алпамыс, Едыге), а также в ойротских.

Трудно сказать, получает ли удовольствие читатель от красивого в общем перевода Льва Пеньковского, или тут сказываются действительные достоинства самого подлинника, но былина о Саине положительно кажется чуть ли не лучшей среди других былин как в самом выборе картин, так и в особенности в лирических речах. Из индивидуальных особенностей былины отметим три. Во-первых, у Ер-Саина нет определенного тулпара. Коней у него — три ездовых и один вьючный. Сначала он ездит на чернопегом коне, затем на белом и черном. Ближе всех к герою белый конь, который даже говорил с ним на человечесем языке. Один только он хоть сколько-нибудь описан, например, в вещем сне Аю-Бикеш: „у Саина моего, чья любовь мне светлее солнца была и чей взор был мне ярче звезд, кто уехал в дальний набег на коне, что белей, чем снег, на коне, чей пушистый хвост человеку рослому в рост, — э, свекровь моя, этот конь показался мне куцохвост!“ Во-вторых, в конце былины происходит боевое нападение сына на отца, т. е. как-будто использован сюжет — бой отца с сыном; но этот эпизод почти совсем не развит. В-третьих, неожиданна проповедь мира, заканчивающая былинку. Когда гости разошлись со всенародного „тоя“, „и остался один Кобланды, так сказал Ер-Саин батыр: Если я остался жив, если я вернулся домой, слушай меня, друг мой. Ты Саину, Кобланды, поверь: на чужбину не пойдем теперь; пику в руки не возьмем теперь, и калмыку мы объявим мир, и ничьей не прольем крови! Э, мой друг, Кобланды-батыр, сыновей моих благослови, — в мире да живут и в любви“. И благословил их Кобланды: „Мирные возлюбите труды, отличайте добро от зла, чтобы слава о вас росла, чтоб Кудай осчастливил ваш путь!“ И благословив их так, уезжает Кобланды-батыр: „покидает Саинов очаг, и к себе возвращается он. Миром там наслаждается он, никуда не ходит в набег, тихо доживает свой век, тот воинственный человек, знаменитый батыр-смельчак, Кобланды-ер, кара-жип-

чак... И Саин-батыр мирным стал, не искал он счастья в боях. И богатство его росло, и при нем и его сыновьях Ногайлинский край процветал..." В ойротском эпосе подобный исход былин обычен, например: былина Кокин-Эркей: „Веселая жизнь пошла с той поры у жителей ковроподобной горы. Богатыри, как братья, живут, на войну с черной думой они не идут, к себе они не пускают врага; мирная жизнь им дорога. Богатырская сила их всем ясна, их громкая слава везде слышна. Вблизи от леса, у светлых вод счастливо с ними народ живет, на пастбищах лучших пасется скот, кругом счастливая жизнь идет“. (Ср. исход былины Ак-Тойчи и Козын-Эркеш.)

Сходство с ойротским эпосом есть и в выборе моментов для рассказа. Например в параллель к обращению Боз-Монная с рабами: у бая Айбычи из поэмы „Малчи-Мерген“ было 140 пастухов. „Он заставлял их работать без отдыха, днем и ночью. Пастухи ходили полуголые и босые ноги их были изранены камнями. Однажды самый смелый из пастухов, Малчи-Мерген, обратился к хозяину с требованием выдать сапоги. Бай рассвирепел, хлестнул пастуха плетью и приказал слугам переломить ему ноги“ (Н. У. Улагашев, стр. 33).

БЫЛИНА О ЕР-ТАРХЫНЕ

Эта былина была весьма популярна среди казахов, особенно такие лирические ее отделы, как две песни жены Тархына и одна песня его самого. Полный текст былины включает в себе около 1600 стихов. События ее относятся к Западному Казахстану и происходят между реками Волгой (Эдиль) и Уралом. Былина считает Тархына ногайлинцем и изображает его беглецом без рода и племени, обладателем одного только коня. События былины начинаются с того момента, когда Тархын убил на родине ханского визиря и бежал из степей в Крым. В то время в Крыму было 40 тысяч мечетей и 40 ханов, среди которых наибольшим был Акша-хан. Враждебными же ему племенами в Крыму были Оймавыты и Торхавыты. Намереваясь покорить и ограбить эти племена, Акша-хан осадил их крепость. Но, будучи не в силах овладеть ею, Акша-хан уже намеревался отступить, как Ер-Тархын, выступивший в поход независимо, ворвался в крепость и тем помог войску хана взять ее и разрушить. По возвращении Акша-хан распорядился привести к себе того батыра, который способствовал победе, упрекнул за то, что он скрывает свой подвиг, и поставил его во главе своих воинов. Наслышавшись о богатырстве и мужестве Ер-Тархына, ханская дочь Ак-Жюнис подкупила раба, чтобы он тайно привел батыра к ее золотому окну. Ак-Жюнис впустила Тархына к себе во дворец и сошлась с ним. Через некоторое время к Акша-хану прибыл посол сватать Ак-Жюнис за сына хана. Выпросив у отца три дня для ответа, Ак-Жюнис повзвала к себе Тархына и сказала ему, что только за него выйдет замуж, так как полюбила его, и просила, чтобы он увез ее. Ер-Тархын посадил Ак-Жюнис на отцовского вороного иноходца и бежал с нею. Перед собравшимся народом Акша-хан назвал свою дочь развратницей за то, что она бежала с простолюдином, оскорбив сына хана, и обещал ее тому, кто догонит беглецов. Среди молодых батыров и мурз, пустившихся в погоню, был и старый батыр — Карт-Кожак. Кони преследователей устали, и все возвратились; не отставал лишь Карт-Кожак на своем знаменитом коне Каска-Азбан.

Конь Тархына стал фыркать, предупреждая хозяина об опасности. Ак-Жюнис возбуждает мужество Тархына. Батыры съезжаются. Тархын почтительно приветствует Карт-Кожак, как старшего, и спрашивает его, кто такой он. Батыр отвечает, что родина его Крым, дедом его был Ер-Кулак, отцом — Коннак, а сам он — славный и могучий Карт-Кожак. Узнав о его намерении отбить Ак-Жюнис, как свою мечту, Тархын вступает с ним в поединок. Карт-Кожак пожалел мужественного юношу Тархына и, будучи искуснейшим стрелком, направил стрелу так, чтобы она, пробив восемь слоев брони его, не пробила девятого. Затем Карт-Кожак убедил Тархына в бессмысленности дальнейшего сопротивления, и тот, как побежденный, отъехал в сторону от Ак-Жюнис. Рыдая, Ак-Жюнис сошла с коня и закрылась покрывалом. Карт-Кожак велел ей показать всю себя, заявив, что если она понравится, он возьмет ее в жены. Возмущенная Ак-Жюнис отвечала старому батыру отказом. В глубоко прочувствованной песне она гордо описала свою красоту, изобразив ее в пышных метафорах, молила батыра не разлучать ее с милыми или убить, и, напомнив ему его славное прошлое, упрекнула его в недостойной батыра похотливости, проявленной теперь, в старости. „В шестьдесят пять лет, Кожак, не батыр ты, не воjak, похотливый ты лошак, облинял ты, высох весь... Спелой красоты моей, белой наготы моей, цвета юности моей жаждешь безответно ты. Обо мне мечтать не смей, — обладать не будешь мной. Мне ль Тархына позабыть, мне ли старика любить?“ и т. д. Пораженный умом и смелостью Ак-Жюнис, не разгневался Карт-Кожак, а растроганный, отказался от нее и уступил ее Тархыну. Тархын и Ак-Жюнис переправились через реку Эдиль, т. е. Волгу, к народу Ногайлы и с почетом были приняты одним из ногайлинских ханов, Ханзада по имени. Ханзада послал Тархына с тремя батырами на калмыков, живших на притоке Эдили, Шахане. Оттеснивши калмыков, Тархын следил за их отходом. Поднявшись на перевал, он взобрался для дозора на высокий дуб. Сук, на котором сидел Тархын, обломился, и батыр, упав, вывихнул себе позвоночник. На носилках из пик товарищи доставили Тархына в Ногайлы. Сколько ни лечили батыра, он лежал, не вставая. Ханзада-хан решил между тем перекочевать вместе со всем народом с летовки Булдыр (Булгур, Булхыр)-тау на освобожденную от калмыков Шахан-реку. Больного Тархына с его конем, Тарланом, и с женою Ак-Жюнис покинули, снабдив на неделю едой и обещав приехать за ними, как только народ устроится на новых местах. Прошло много времени, но никто за ними не приезжал; кончили запасы пищи и Тархын с Ак-Жюнис стали голодать. Чувствуя приближение смерти, Тархын запел песню, прощаясь в ней со своим любимым конем и возлюбленной женой

Ак-Жюнис. В этой песне Тархын вспоминает свое славное прошлое и проклинает покинувших его ногайлинцев¹ и их хана. Такую же песню пропела и Ак-Жюнис. Пела она о несчастной участи Тархына, умирающего не на поле брани, как батыр, а на опустевшей ночевке, покинутого друзьями и обманутого неблагодарным ханом. Тархын так взволновался, что решил либо сразу умереть, либо вернуть себе здоровье. Рукой он сдал себе поясницу, и позвонок стал на место. Ак-Жюнис села вместе с Тархыном на его коня, и так они приехали в страну Ногайлы. Узнав о прибытии Тархына,

¹ Между прочим, Тархын упрекает товарищей:

Позабыли о дружбе всей
Те, кто звали меня: „Тархын“,
С кем я пищу делил свою,
С кем невзгоды делил в бою,
Ты, Кобен Карасай-улы,
Ты, Тебен Алшагир-улы,
Ты, Себен Омир-улы!
Вы давали клятву мне,
Помогать как брату мне,
Выручать меня из беды?
Где же вы, мои орлы?
Замели вы за собой следы,
Э, бессовестные Ногайлы!
А не с вами ль плечо в плечо
Против полчищ Аяука
Мы сражались горячо...

Совместные походы предпринимали еще Кобланды и Караман, Кобланды и Саин, подобно Добрыне и Василью Казимировичу, Добрыне и Дунаю Ивановичу, Алеше Поповичу и Екиму Ивановичу, которые „ездят богатыри, плечо в плечо, стремяно в стремяно богатырское“.

Клятву Кобена, Тебена и Себена помогать Тархыну, как брату, можно сравнить, например, с тем, как Илья Муромец, приехав в первой же своей поездке на заставу богатырскую в степи — „Он едьд тут с има скоро знакомится, он побратался крестами золотыми тут, называет их крестовыми всё брателками“. Многие богатыри в русских былинах являются между собою крестовыми братьями, именно — тринадцать богатырей на заставе богатырской (Илья Муромец и Калин-царь), а затем попарно, например: Святогор и Илья Муромец — „побратались они крестами с Ильей Муромцем, назвались они крестовыми братьями“ и т. д. Принесение клятвы Тархыну можно сопоставить с тем, как Владимир князь с богатырями надумали послать за обиженным Ильей:

Послали то Добрыню Никитича:
Они были братица крестовые,
У них крестами побраталось,
Кладена была заповедь великая,
Подписи были подписаны:
Слушать большему брату меньшего,
А меньшему брату большого
.....
А дружка за дружку обем сioять.

Ссора Ильи с князем Владимиром. П. Н. Рыбников. Сб. „Песни“ № 119, по сб. Ю. М. Соколова, стр. 74.

Ханзада-хан с честью его принял и вместе со всем народом упросил его защитить от калмыков, напавших тогда на страну. После некоторого колебания Тархын один выступил против калмыков и их батыра Домбаула. „Видит Тархын калмыцкую рать, стал подруги он проверять [общее место], поднял свой бело-желтый флаг. Зазвенела бахрома на булатной его броне, зазвенели бунчуки на взыгравшем его коне. Громы гремели в слове его, снег рассыпали брови его, лед на ресницах его naros, весь он стал, как суровый мороз. Плечи могучие, как утес [общие места], пара могучих длинных рук, туго натягивающих лук, могущих кулана остановить, когда бежит на водопой. Вот какой он был, Тархын“... „И вскочил на Тарлана он. А Тарлан побежит с утра, к вечеру, лишь возьмет разгон [общее место], если путь преградит гора, не касаясь ногами земли, скачет он разгорячен, перепрыгивает гору он. Из ноздрей его — огонь, наскоку его не тронь, а прервешь его дикий бег, станет плакать, как человек; если взмылится под седлом, не бежит — летит орлом; в шесть прыжков перемахнуть может месячный долгий путь. Вражий шорох услышав, черным потом весь блестя, чуткими ушами взыграв, высочайшие холмы перелетает птицей он, не оступится, не упадет. Коль по камню помчится он, словно в глину, в камень вбит каждый след его копыт — тропку в скалах он проторит. Вот какой он был, Тарлан“.

(Дробление скал копытами коня — общее место казахских и ойротских былин.)

Начался поединок с Домбаулом. Помолившись про себя, Тархын предоставил противнику начать бой. Но седьмой предок Тархына предохранил его от стрелы противника, и он сам застрелил Домбаула. Теперь Тархыну предстояло биться с семью тысячами калмыков. Взывая к кудаю, он обращается как бы с заклинанием к своему оружию и к коню и бросается на калмыков. Одиннадцать дней без передышки Тархын избивал калмыков. На двенадцатый день не осталось ни одного врага, и хотя сам батыр и его конь потеряли свой блестящий вид, но сохранили бодрость и мужество. Ханзада-хан вместе со всем народом чествовали героя; хан даже обещал отдать за Тархына свою дочь, но и на этот раз обманул. Свой отказ хан мотивировал тем, что, справившись о происхождении батыра, он не нашел никакой примеси ходжинской или султанской крови, и что духи предков покарают его, если он выдаст дочь за Тархына. Тархын рассердился и с первой своей женой, Ак-Жюнис, уехал в Крым. Он решил помириться с Акша-ханом, собрать войско в Крыму и отомстить хану Ханзада. Испугавшись, Ханзада послал вдогонку за Тархыном его друзей с богатыми дарами. Тархын вернулся и стал жить на урочище Жан-Аристан и Ус-Тархын, а впоследствии стал и сам ханом.

Былина о Тархине рассматривалась нами в тексте, стихотворном более чем наполовину. Но только четверть всех стихов была известна нам в подлинном виде, все же остальные стихи и конспективная проза известны нам лишь в литературном переводе. К сожалению, автор литературного перевода этих казахских стихов, Лев Пеньковский, стремился главным образом передать метрическую систему былины, сгладил синтаксическую отрывочность ее текста, приурочил многие метафоры к индивидуальному своему пониманию с некоторой произвольностью, кажется, даже иногда изменял метафоры, частью в интересах рифмы, например: „алые уста [Ак-Жюнис] коралл“; „в десять лет, о Карт-Кожак, твой бешмет пылал, как мак“; „щеки, как цветущий мак, неужели увянешь ты пищею поганных собак“... Едва ли встречается в казахском эпосе „коралл“, да и „мак“ — под сомнением (подл. қызыл сасып кіінір). Может быть, из-за рифмы сравнивается голос Ак-Жюнис с соловьиным. Отличием этого переводного текста от известного нам казахского является еще распространение. „краше ты всех крымских дев, чище ты всех жен и дев“. Обычно, в былине говорится кратко: „чистая Ак-Жюнис“. Предполагаем, что так было и в данном месте подлинника. Тархын говорит о своем коне: „Я ль не баловал тебя, я ль не подковал тебя среброзвонными новыми, луновидными подковами“. В известном нам казахском подлиннике соответствует этим четырем стихам один: „подковав на блестящую подкову“; и далее:

Наш подстрочный перевод Перевод Л Пеньковского

На синеньком льду замерзшей
осенью Эдили
Если бы я скакал, не мог
поскользнуться.

Вспомни, мчал меня не ты ль
За большую реку Эдиль?
Под тобой не раз трещал
Тот Эдильский синий лед,
Только не споткнулся ты,
Ни разу не поскользнулся ты.

В некоторых случаях переводчик усиливал ориентализм своими средствами, употребляя, например, эпитет для меча „харалужный“, „харалуг“, известный лишь из „Слова о полку Игореве“.

Но некоторые отклонения от подлинника свойственны каждому литературному художественному переводу. Затем, казахскую реторику понять и передать приемлемо — большой труд, и Лев Пеньковский оказал большую услугу, талантливо выполнив эту тяжелую и ответственную работу. Конечно, она не может служить для всех сторон исследования памятника, но, безусловно, дает представление о характере поэзии оригинала. При учете же некоторых особенностей перевода Л. Пеньковского, его можно условно употреблять как текстуальный эквивалент оригинала.

Былина о Ер-Тархыне не производит впечатления случайного свода произведений, которые произвольно соединяет только имя персонажей. Повествование здесь логично и последовательно, что как-будто свидетельствует о его изначальном единстве. Конечно, все же допустимо, что и здесь произошла некая циклизация и что какая-либо часть былины выросла лишь впоследствии. Возможно, что о Тархыне существовали и другие рассказы, на которые есть намеки в рассматриваемой былине, а именно: в песне покинутого больного Тархына вспоминается битва Тархына и его товарищей с Айувкенном; набег под город Арнав и охота Тархына с Карт-Кожакм за маралами. Краткость этих воспоминаний не лишена отрывочных деталей, которые, имея вид выдержек, как-будто предполагают существование развернутого, поясняющего их рассказа.

Как вообще казахские былины, и эта былина имеет пункты сходства с русскими, а именно: у богатыря неизменный товарищ — конь. Конь этот — вещий, он предупреждает фырканием и топотом о приближении врага. Богатырь с ним советуется, беседует. Побуждая его к боевому бегу, богатырь бьет его плетью, гневается на него, осыпает его просьбами и укорами. Описывается вооружение богатырей и их единоборство, предваряемое речами (вызов, вопрос об имени, обмен похвалой и угрозами).¹

¹ Изображение поединка Тархына с Карт-Кожакм, равно как и повод к нему, отличаются оригинальностью. В бой вступают старик и юноша, что вызывает в последнем почтительность, как того требует „приличие“, этикет, свойственный богатырским дуэлям. Когда Тархын увидал, что его соперником является „не джигит молодой в седле, аксакал седой в седле“, и подумал Ер-Тархын: старший он, он мне отец, он мне дед — подумал он. И склонив свой гордый стан, волком прозванный Тархын прискакавшему старику, как велит приличья закон, поясной отвесил поклон... И на Ер-Тархынов привет старый батыр поклонился в ответ“. Далее идет обмен речами, конечно, враждебными, вызывающими на бой, но в умеренных выражениях.

Особенности богатырского этикета есть и в русских былинах. Отпуская Илью Муромца в первую его поездку в Киев, отец велит ему поклониться там „всем своим... богатырям, всё поединщикам“:

„Обойдись-ко ты с има всё по ученому.

Ознакомляй-ко-се ты с има всё по-хорошему“.

Илья просит князя Владимира:

„Благослови мне съездить во чисто поле

С неприятелем мне да поборотися,

Ай со русскими богатырями мне да поздороваться,

Поздороваться мне, да познакомиться“.

Исцеление Ильи Муромца. А. В. Марков.
Сб. „Беломорские былины“, № 42, по сб. Ю. М.
Соколова, стр. 23, 24, 25.

Когда чужой богатырь, проезжая мимо заставы богатырской, вызвал богатырей грамоткой, грозящей опустошить Киев-град, Илья Муромец

Стрела, пущенная с расчетом, не пробивает последнего слоя, и наоборот — пробив насквозь, продолжает разрушать и т. д. Отметим некоторые детали.

В былине о Тархине, равно как и в былинах о Саине и Шора, при изображении коней особенно выделяются грива и хвост; например Тархына настигал Карт-Кожак:

А Тархинов конь, Тарлан,
Необгоняемый ветром скакун,
Гордую голову задрав,
Хвост пушистый разметав,
Чуя, что настигает враг,
Фыркать стал, ушми взывав.

У приближающегося Карт-Кожак — мерин Каска-Азбан:

Буря свистящая — грива его,
Вихрем — хвост красивый его...

Так и в русских былинах: „как хвост-то у ней расстелается, а грива-то у нее да завивается...“

После 12-дневного боя с калмыцким войском Тарлан похудел и подурнел:

От кудрявой гривы его
Оставалось на вершок,
Пышный хвост красивый его
Превратился в кудный клочок.

Ср. в былине о Саине, во сне его жены: у Саина, который уехал

На коне, чей пушистый хвост,
Человеку рослому в рост, —
Э, свекровь моя, этот конь
Показался мне куцехвост...

разбудил товарищей богатырей и стал с ними советоваться, кого послать из них за дерзким чужаком. Решено было:

Да послать-то нам Добрынюшку Никитича,
Да и тот он ведь роду он ведь вежлива,
Он вежлива роду-то очеслива,
Да умеет со молодецм соехаться,
Да умеет он со молодецм разехаться,
Да умеет он ведь молодецку и честь воздать.

Илья Муромец и Сокольник. Он чужов. Сб. „Печорские быliny“, № 1, по сб. Ю. М. Соколова, стр. 65.

Когда Петрой Петрович, королевский сын, „наехал поленичицу в чистом поле“:

Они съехались, да поздоровкались,
Становили добрых коней, да богатырских,
Они сделали сговор да промежду собой
Поразехаться с раздольца чиста поля
На своих на добрых конях богатырских,
Приударить надо в палицы булатные.

Два брата-королевича. П. Н. Рыбников. Сб. „Песни“, № 21, по сб. Ю. М. Соколова, стр. 158.

Детального описания седлания коня, столь частого в русских былинах, в былине о Тархыне, равно как и в других казахских былинах, не встречается, если не считать намеков в речи несправедливо обиженного отцом Алпамыса, который принужден гнаться за похитителями отцовского табуна („к чему мне слушать ругань твою. На коня положил и потник-подпотник..., от жестокого раба муку испытаеть ты. Чепраком накрыл я коня; когда я уеду, отец дорогой, последнее горе испытаеть ты...“). Вместо русского детального описания наложения чепрака, подпруг, в былине о Тархыне говорится только, что, выезжая на бой с Домбаулом, „стал подпруги он проверять“, а перед боем с калмыками: „подтянул подпругу он и подхвостник укоротил“. В былине Ер-Тархын — оружие роскошное, золотое, блестящее и звенит; Домбаул пускает стрелу „над Тарлановой головой, над лукой золотого седла“, у Домбаулова коня „блещет сбруя... расшитый на нем чепрак“, у Тархына „резной золотой лук“ и „золототканная кисэ“ (дорожная сума), „зазвенела бахрома на булатной его броне, зазвенели бунчуки на заигравшем его коне“; „бахромой брони звена“, налетает на врага Тархын.

В былине о Тархыне силен романтический элемент. Оригинально выражено соперничество богатырей из-за обладания красавицей Ак-Жюнис. Женщина не является лишь предметом борьбы, но, участвуя в ней, придает особую содержательность. Красавицу Ак-Жюнис пытается отнять у юноши Тархына старый, но более искусный богатырь, Карт-Кожак. Тархын уже обречен в этом единоборстве на смерть, но Карт-Кожак его неожиданно щадит, жалея его молодость, и Тархын, не закончив боя, признает себя побежденным. Тогда выступает на свою защиту Ак-Жюнис. Она усовещивает старого Карт-Кожак, и тот отпускает ее с милым ей Тархыном. Речь Ак-Жюнис, обращенная к Карт-Кожак, является лучшей песней былины. Отказавшись открыть свое лицо и стан перед стариком — победителем ее милого, Ак-Жюнис с особой выразительностью описывает ему свою красоту иносказательными метафорами, затем, охарактеризовав одно за другим протекшие десятилетия жизни Карт-Кожак, когда он обнаруживал и приобретал свои замечательные качества и достиг всеобщего уважения, она стыдит его за проявленную теперь, под конец жизни, похотливость:

В шестьдесят пять лет, Кожак,
Не батыр ты, не вожак,
Похотливый ты лошак,
Облинял ты, высох весь.
Не к лицу былая спесь,
Что же хвалишься ты здесь?
Спелой красоты моей,
Белой наготы моей,
Цвета юности моей
Жаждешь безответно ты.

Не надейся тщетно ты,
 Обо мне мечтать не смей,
 Обладать не будешь мной!
 Мне ль Тархына позабыть,
 Мне ли старика любить!
 Можешь ты меня убить,
 Мне не быть твоей женой!
 Некогда могуч ты был,
 Как горячий ключ ты был,
 Был ты мудр и велик,
 А теперь пойми, старик,
 Что давно твой ум иссяк.
 Что давно сухой кизяк
 В голове твоей, Карт-Кожак!

Другой замечательной песнью былины является монолог больного Тархына, оставленного вместе с женою и конем своими вероломными земляками и друзьями. К сожалению, отрывистый стиль этой песни и своеобразие национальной эстетики делают ее трудной для перевода, а местами и для понимания. Так как песня известна нам в подлинном казахском тексте, то примеры из нее мы положим в основу при описании стилистических приемов, характерных для этой былины.

Одной из характерных черт былины о Тархыне является повторяемость некоторых выражений, как *loci communes*, например при описании красавицы Ак-Жюнис: здесь „душистые волосы, бараньи глаза“ — наиболее стойкое и частое выражение. Приведем более полное описание красоты Ак-Жюнис, где подчеркнем и другие *loci communes*:

Наш подстрочный
 перевод

У Акша-хана одна дочь была,
 Волосы распустив, расчесывала;
 Как нежеребая кобыла, на ко-
 торой ездят бии,
 Роднею трезированная.
 На лицо ее если смотришь —
 Как мираж-весна наступила

Как пшеничная белая мука.
 Брови — брови растянулись,
 Ресницы, как стрелы, рядом
 поставленные,
 Поясница вертелась гибкая.
 Посмотрев, человек засматри-
 вался.

Душистые волосы, бараньи
 глаза.
 Ак-Жюнис по имени была де-
 вушка.

Перевод
 Льва Пеньковского

Тот хан всекрымский Акша-хан
 Дочь-красавицу имел

.
 Шелков длинный волос ее.
 Соловьиный был голос ее.
 Светел был ее нежный лик,
 Маревом летним он играл,

.
 Алые уста — коралл,
 Глаза — нежней, чем у овцы,
 Бровь — изогнута, как лук,
 Что ни ресница, то стрела,
 Как пшеничная мука,
 Что сквозь девять сит прошла.
 Вся она была бела.

Грудь ее — высока, кругла.
 Статен стан ее и упруг,
 Тоньше нет ее тонких рук,
 Как бедеу, она крепка,
 Как бедеу, резка, гибка.
 Поступью, как бедеу, легка.
 На нее лишь поглядев,
 Забывал всех прочих дев,
 Навсегда к ним охладев,
 Лучший азамат-джигит.

Учитывая весьма свободное отношение перевода Льва Пеньковского к подлиннику, предполагаем, что и нижеследующее место, вероятно, повторяет в подлиннике те же элементы описания ближе, чем дано в приведенной выше цитате:

И сказал Тархын тогда:

„Верная подруга моя!

Ты чернокошая моя,

Шелковолосая моя,

Ты, овцеокая Ак-Жюнис!“ (Перевод Л. П.)

Метафора о нежеребой кобыле („бедеу“) есть и в применении к Тарлану:

„Милый мой Тарлан,

Когда ты стоял, я не пошел

Сесть на нежеребую кобылу,

На которой ездят бии“.

„Милый мой Тарлан.

Как нежеребая кобыла, на которой ездят бии,

Ты танцуешь на задних ногах“.

В той же своей песне Тархын взывает к жене:

Наш подстрочный
перевод

Перевод
Льва Пеньковского

Душистые волосы, бараньи глаза,
Косые брови Ак-Жюнис

.....

Подобно каламу бровь за-
острена,

Подобно наперстку, рот сжат.

Ак-Жюнис, подруга моя,

Дорогая подруга моя!

Кудри кольчатые твои,

Брови стрелчатые твои,

Щеки, как цветущий мак...

Ср. из песни Ак-Жюнис, обращенной к Карт-Кожаку:

И наперсток твоих губ,

Ай, как девушкам был люб! (Перевод Л. П.)

В той же песне о своей гибкой пояснице Ак-Жюнис говорит:

Если выйдешь в поле ты,

Наглядишься вволю ты

На молоденьких зайчат:

Как они в траве шалят,

Как легки прыжки у них,

Спины как гибки у них,

Так спина моя гибка,

Так и пляска моя легка... (Перевод Л. П.)

Последний пример в подлиннике, вероятно, не столь много-словен и по лексике ближе к своему подобию, встречающемуся в былине. В тех случаях, когда у нас нет ни казах-

ского подлинника, ни подстрочного перевода, — при подборе общих, повторяющихся мест (*loci communes*) по литературному переводу, приходится удовлетворяться сходством, а не тождеством их выражения. И мы, например, условно отождествляем следующие четыре цитаты:

Карт-Кожак, преследующий Тархына и Ак-Жюнис —

- I. Черным смерчам подобен он,
Тверд, как закаленный булат,
Хмуро, как туча, чело его.
Бурей гремячей облекло его,
С бровей его свисает лед,
Снежный буран — его гневный взгляд.
- II. Не джигит молодой в седле,
Аксакал седой в седле,
В грозных его глазах *пурга*
А с бровей нависает лед.

Ак-Жюнис о Карт-Кожак:

- III. Против тысячи сам-друг,
Бьешься как тысячерук,
Сыплешь *снег с бровей, со скул,*
И грознее грозных *вьюг,*
Леденишь ты все вокруг,
В север превращая ю!

Тархын выезжает на бой с Домбаулом:

- IV. *Громы* гремели в слове его,
Снег рассыпали брови его,
Лед на ресницах его нарос,
Весь он стал, как суровый мороз.

Применительно к Тарлану Тархын употребляет повторно следующее выражение:

Наш подстрочный
перевод

Перевод
Льва Пеньковского

Не садясь [верхом], не сходя
с тебя, ты устал,
На привязи ты отошал.

Приуныл ты, мой буян,
Надоел тебе аркан,
Нет езды — и скучаешь ты,
Нет езды — тощаешь ты.

Для сравнения переводов приведем и далее:

Пусть впереди тебя
Вырос [бы] камыш на озере!

Чуть хвостом своим шевелишь,
Если бы молодой камыш
С нежной, свежей листвою
Вырос вдруг перед тобой!

Из повторных выражений еще отметим:

Тархын выступает в поход против врагов Акша-хана:

Подхвостник укоротив,
Обе подпруги крепко стянув,
Теперь садится на коня.

Тархын выступает против Домбаула:

Видит Тархын калмыцкую рать,
Стал подруги он проверять. (Перевод Л. П.)

Перед боем с семью тысячами калмыков Тархын слез с коня:

И подтянул подпругу он,
И подхвостник укоротил. (Перевод Л. П.)

Неутомимость бега богатырских коней характеризуется так:

А меж тем Карт-Кожаков конь,
Лысый мерин Каска-Азбан,
Приближается, как гроза.

Коль начнет он бежать с утра,
Разбежится к закату лишь.
И вскочил на Тарлана он [Тархын].
А Тарлан побежит с утра,
К вечеру лишь возьмет разгон...
Настает и день восьмой,
Для калмыков — черная ночь.
Отошел, отдышался Тарлан,
Теперь лишь разбежался Тарлан,
В настоящий путившийся бег.

Из повторяющихся эпизодов отметим полет стрелы: Тархын вспоминает о своей охоте с Карт-Кожак на марала:

Наш подстрочный
перевод

Перевод
Льва Пенъковского

Тархын, растянув [лук], когда
Через двое лопаток прошла
 тянул,
 стрела.

Около сорока молодцов
Не могли вынуть мою стрелу,
В щель между камней она
вошла.

Я тогда стрельнул в самца,
Замертво упал самец.
Ай, пробила ему насквозь
Две лопатки моя стрела,
И каленый ее конец
В придорожный камень впился.
Состояние началось:
Стал тащить Колянок-улы
И не вытащил моей стрелы;
И стрелу тащили врозь,
И тащили сообща,
Сорок сильных джигитов моих,—
Вытащить ее не удалось...

Тархын стреляет в Домбаула:

И летит стрела, свистя,
В Домбаула, в грудь его,
Пробивая до одного
Все слои брони его,
И вонзается стрела,
Словно жало змиево,
В самое предсердье его —
Гнездо жизни и смерти его,
И насквозь летит стрела,
Долетает до холма,
Разрушает холм до тла. (Перевод Л. П.)

Повествование ведется собственно в реалистических чертах, но есть и сказочность. Но сказочность эта не вещественная только, а и литературная, т. е. сказочность получается путем метафор или при помощи реторики, ораторства — имеем в виду, например, что-то вроде заклинания богатырем оружия. Здесь мы встречаем всю градацию — от обычного в поэзии преувеличения до волшебного гиперболизма. Примером вещественной гиперболы могут служить такие образы, как „шестиаршинный меч“, „шестиаршинный клыш“ (что есть и в ойротском эпосе, любящем сказочные гиперболы).¹

¹ Перед боем с 7000 калмыков Ер-Тархын обращается к своему оружию:

Ты, казеная стрела моя,
С наконечником, как жаурын [лопатка барана или другого животного],
Ты, резной, золотой мой лук,
Чья длина шестьдесят аршин,
Выручай меня, верный друг!

.....
Ты, второй мой ратный друг,
Разрубающий бронь кольчуг,
Крепкий мой булатный клыш

.....
Мой шестиаршинный меч,
Крови жаждущий как зверь,
Ты зачем же в ножнах спишь?

В седьмой день боя с калмыками:

Меняет он канджар на клыш,
На острый шестиаршинный клыш.

В былине о Кобланды:

Прыток был Кобикты, хоть стар,
Дернул повод одной рукой,
Сжал чохпар он другой рукой
Тяжеленный литой чохпар.
Велика была та булава,
Словно конская голова.

Или в былине о Шуре-батыре:

Наконец, медленно и сурово выехал на своем сером скакуне Караман. Он был весь одет в железо. Рукоятка копья его по толщине не уступала балке, а ручка батика, висевшего на плечах, напоминала столб.

Сравните в русских былинах:

Алеша Попович, меняясь одеждой с каликою, берет у него

В тридцать пуд шелепугу подорожную,
В пятьдесят пуд налиту свинцу чебурацкого.

.....
Обернется Еким Иванович,
Он выдёргивал палицу боевую в тридцать пуд,
Бросил назад себя...

Алеша Попович и Тугарин, Сб. Кирши Данилова, № 19, по сб. Ю. М. Соколова, стр. 126, 127.

Примерами смещения реализма, поэтического преувеличения и сказочности могут служить описания Тарлана то во всей его красе, то в крайнем изнеможении:

[Тарлан] с копытом величиною (охвата) целого костра

С позвонком, как скалка.

Если я посмотрел на лопатку —

Как доска, струганая по порядку.

Обращусь к хвосту —

Как кинжал, вынутый из ножен.

Обращусь к твоей гриве —

Распушена как шелк.

Обращусь к нижней челюсти —

Лежит как закутанный ребенок.

Обращусь к уху —

Как верхний лист камыша, растущего на озере.

К глазной впадине обращаюсь —

Как у черного нечистого духа.

Обращусь к твоему гордорезанию,

Как стержень зрелого яблока.

Обращусь к двум глазам —

У калики Иванища „кдюша“ в сорок пуд“, ее взял у него Илья Муромец.

Илья Муромец и Идолище. Сб. Гильфердинга, № 48, по сб. Ю. М. Соколова, стр. 37, 42.

Добрыня Никитич, переодеваясь скоморохом, взял в погребе своей матери „дубинку сорока пудов“.

Добрыня и Алеша. Сб. Гильфердинга, № 5, по сб. Ю. М. Соколова, стр. 116.

Василий Казимирович бьется „осью белодубовой семи сажень“.

Быльми и исторические песни из южной Сибири, стр. 57, 58.

Василий Буслаев бьет (принимая в дружину) „червленим вязом“,

В половину было налито

Тяжела свинцу чебурацкого,

Весом тот вяз был во двенадцать пуд.

Сб. Кирши Данилова, № 9, по сб. Ю. М. Соколова, стр. 213.

Приезжает Сухмантий ко сыру дубу,

Ко сыру дубу кряковисту,

Выдергивал дуб со кореньями,

За вершинку брал, а с комля сок бежал,

И поехал Сухмантьюшка с дубиночкой.

Напустил он свсего добра коня

На тую ли на силу на татарскую,

И начал он дубиночкой помахивати,

Начал татар поколачивати...

Для проверки этого подвига Сухмана Владимир послал Добрыню. Тот привез эту „дубиночку“ в Киев и доложил Владимиру:

Правдой хвастал Сухман Одихмантьевич:

За той за матушкой Непрой-рекой

Есть сила татарская побитая,

Сорок тысячей татаровой поганных;

И привез я дубиночку Сухмантьеву,

На лозиночки дубиночка облочкана,

Потянула дубина девяносто пуд.

П. Н. Рыбников, Сб. „Песни“, изд. 2, № 148, по сб. Ю. М. Соколова, стр. 151, 152, 153.

Как светильник — зажженный от страха.

Обращусь к ноздре —

Как бездонное ведро.

Обращусь к груди —

Как долина, выходящая от Эдили

.....

Обращусь к лопатке —

Бедро как черный уголь.

Обращусь к крупу —

Как крепость, сделанная из камня.

Обращусь к тазовой кости —

Как наковальня, скованная кузнецом.

Обращусь к наружности —

Как иноходец, родившийся тулпаром.

По окончании одиннадцатидневного боя с семью тысячами
калмыков

Осмотрел Тархын коня:

От больших горшков-копыт

Осталось теперь с наперсток лишь,

От шерсти всей — подшерсток лишь.

От губ, как подола длинных, едва

Оставалось пальца на два.

От длинных, острых его ушей,

Похожих на хвостики камышей,

Осталось пальца четыре лишь.

От кудрявой гривы его

Оставалось на вершок.

Пышный хвост красивый его

Превратился в кудый клочок.

Стал костляв его круглый круп,

Весь он был похож на труп. (Перевод Л. П.)

Как показывают приведенные цитаты, былина характерна
казахской (или тюркской) специфичностью.

БЫЛИНА О ШУРЁ-БАТЫРЕ

Былина о Шурё, записанная от киргиза прозой, начинается историей отца героя. Был в древние времена город Казан, обитали в нем народы, носившие название „Тама“. В среде их жили три брата, средний из которых, Нарикбай, обладал бесчисленными стадами, но не имел детей. Скот его пасли 40 юртовладельцев, таминцев, постоянно кочевали с ним и были его верными слугами. Нарикбай обладал тулпаром чубарой масти, превосходившим всех коней красотой и быстротой („он не бежал, а летел, словно пущенная стрела“). Отказав своему племяннику дать этого тулпара на „кокбури“, Нарикбай был им оскорблен, между прочим, упреком в бездетности. Расстроенный Нарикбай решил переселиться, а затем, взяв жену, скитаться по святым местам, чтобы вымолить себе детище. Нарикбай оставил Казан вместе со своими 40 юртовладельцами и табунами и обосновался около города Ак-Кала. К округе Ак-Кала принадлежали 40 тысяч юртовладельцев из рода „Айракды“ и 10 тысяч из рода „Ногайлы“. Хан происходил из ногайлинцев, а бии — от айракдинцев. Управлявший ранее страной Темир-хан был отравлен, и на престол возведен юный сын его, Кара-хан. Последний ни во что не вникал и полновластным хозяином был Али-бий, происходивший из рода Айракды, жестокий и бессовестный. Сначала, против желания хана, он начал истощать таминцев Нарикбая пода-тями, затем уговорил хана овладеть красавцем-тулпаром. Не желая применять насилия, хан предложил добиться коня Нарикбая хитростью. Он велел Али объявить всем богачам, что устраивает „той“, на который точно в срок они должны доставить кумыс; Нарикбаю же велел о сроке сказать лишь накануне, и, когда он опоздает, наказать его — отобрать тулпара. С извещением Али послал к Нарикбаю глуповатого новичка. На него напали степные собаки, он упал с лошади и добрался пешком до Нарикбая. Тот, однако, успел за ночь приготовить кумыс и чем свет приехать к урде Кара-хана с нагруженными верблюдами. Здесь Али подстроил следующее препятствие: ворота урды оказались запертыми и растворились лишь после полудня. Из них вышла чудовищная старуха,

ударил баканом чубарого тулпара по голове, осыпала Нарикбая ругательствами за опоздание и срамила его за бездетность. Нарикбай распорол старухе живот, перебил своих наров, изрезал „саба“ с кумысом и в слезах вернулся домой. Отпустив в степь чубарого тулпара, он отдал свои табуны таминцам и вместе со своей женой Гуль-Ханыс пошел в обуви с железными подошвами (ср. подобную обувь у ойротских богатырей) скитаться по святым местам,¹ чтобы вымолить

¹ В казахских былинах описывается специальное одеяние юродивых, странствующих и ходящих по святым местам. Так, задумав такое скитание „в положении юродивого“, „Нарикбай завел себе галоши с железными подошвами, палку из „аса-мусы“ (кустарник под названием „жезл Мойсея“), надел на себя „джаңду“ (халат из разноцветных лоскутков) и обулся в „чарк“ (кожаная обувь с завязками). Ср. переряживания в былинне об Алпамысе: „девушка (Каракез), скрыв свое лицо под густой вуалью, на голову надев шапку юродивого, сев на ослика, перекинув через седло куркун, взяв в руки посох, приезжает в ханскую резиденцию“.

Ср. в русских былинах „круту каличью“, в которой ходят по святым местам паломники-калики перехожие и в которую переряживаются богатыри. Эта крута в русских былинах описывается обычно как роскошная:

Как сильное могучо-то Иванищо,
Как он Иванищо справляется,
Как он-то тут Иван да снаряжается
Итти к городу еще Еросолиму,
Как госпуду там богу помолитися,
Во Ердань там реченьке купатися,
В кипарисном деревце сушиться,
Господнему да гробу приложиться.
А сильное-то могучо Иванищо,
У его лапотцы на ножках семи шелков,
Ключа-то у него ведь сорок пуд;
Как ино тут промеж-то лапотцы поплетены,
Каменья-то были самоцветные:
Как меженный день да шел он по камению самоцветному

Навстречу тут ему встречается
Старый казак Илья Муромец...
[который и переряживается в его одежду]
„Как ино скоро разувай же с ног,
Лапотцы разувай семи шелков,
А обувай мои башмачки сафьянны,
Сокручуся я каликой перехожею...

Давай сюды ключу-то мне-ка сорок пуд“.

Илья Муромец и Идолище. Сб. Гильфердинга, № 43, по сб. Ю. М. Соколова, стр. 37, 39, 42.

Пришел тут к ним калика перехожий.
Лапотки на нем семи шелков,
Подковырены чистым серебром,
Личико унизано красным золотом,
Шуба соболиная, долгополая,
Шляпа сорочинская земли греческой,
В тридцать пуд шелепуга подорожная

себе детище. Скитание это, обычное в былинах, подробно описано по маршруту и насыщено здесь явлениями святых и чудесами. Ночевав у могилы святого Бабай-Тукты-Чач, супруги получили от него обещание, что у них родится сын, который заменит тысячу сыновей и отомстит врагам родителей; этого сына надлежит назвать Шурá. Когда радостные Нарикбай и Гуль-Ханыс возвратились к своим таминцам, то увидели, что Али не удалось их разорить и отнять тулпара. Теперь, когда таминцы пригнали табун показать Нарикбаю, во главе его шел чубарый тулпар, которого Гуль-Ханыс со слезами поцеловала, как коня ее будущего сына. Будучи беременной, Гуль-Ханыс испытала непреодолимое желание поесть львиного мяса. Мясо это добыл пастушонок, который, наткнувшись в камышах на льва, осыпал его такими похвалами, что тот, подпрыгнув от восторга, сломал себе лапы. Когда родившийся ребенок закричал, сообщить Нарикбаю эту радостную весть наперегонки кинулись две женщины, одна из которых, черная рабыня, набегу сбросила с себя всю одежду. „Той“ по поводу рождения сына Нарикбая праздновали 30 дней, а провожали 40. Когда младенца положили в золотую колыбель, появился святой старец и нарек его Шурóй. Шурá развивался необычайно быстро и к двенадцати годам стал сказочным богатырем.¹ Изнывая от избытка

В пятьдесят пуд налита свинцу чебурацкого.

.....
Привязался Алеша Попович млад:

„А и ты, братец калика перехожая!

Дай мне платье каличье,

Возьми мое богатырское“.

.....
Дает свое платье калика Алеше Поповичу.

Алеша Попович и Тугарин. Сб. Кирши
Данилова, № 19, по сб. Ю. М. Соколова,
стр. 125, 126.

¹ „Шурá развивался необычайно быстро. Имея от роду всего лишь сорок дней, он уже смеялся и отличал родителей от посторонних. Одного года он поражал всех красотой, двух лет вырос до неузнаваемости, трех лет был подвижен как птица, четырех лет поступил в школу, пяти лет достиг высшего образования, десяти лет проявил гордость и отважную смелость, одиннадцати лет стал настоящим красавцем мужчиной, обладая гибким станом и высоким ростом, и, наконец, двенадцати лет он стал сказочным богатырем, с атлетической грудью, плечами и мышцами“.

Ср. в русских былинах:

Живучи, Буслай состарился,

Состарился и переставился;

После его веку долгого.

.....

Осталася матера вдова,

Матера Амелфа Тимофеевна,

И осталось чадо милое,

Молодой сын Василий Буслаевич.

Будет Васенька семи годов,

сил, Шурá выпрашивал у отца коня, чтобы скакать за львом, разбить айракдинцев и разрушать все, что придется.¹ Играя

Отдавала матушка родимая,
Матера вдова Амелфа Тимофеевна,
Учить его во грамоте:
А грамота ему в наук пошла;
Присадила пером его писать:
Письмо Василью в наук пошло;
Отдавала петью учить церковному:
Петье Василью в наук пошло.
А и нет у нас такого певца
Во славном Нове-городе
Супротив Василя Буслаева!
Поводился ведь Васька Буслаевич
Со пьяницы, с безумницы,
С веселыми, удалыми добрыми молодцы,
Допьяна уж стал напиваться,
А и ходит в городе, уродует:
Которого возьмет он за руку,
Из плеча тому руку выдернет;
Которого заденет за ногу,
То у того ногу выломит;
Которого хватит поперек хребта,
Тот кричит, ревет, окорач ползет ...

Сб. Кирши Данилова, № 9, по сб. Ю. М. Соколова, стр. 211, 212.

Порождался Вольга сударь Буславлевич
На святой Руси.
И рос Вольга до пяти годков,
Пошел Вольга сударь Буславлевич по сырой земли,
Мать сыра земля сколыбалася,
Звери в лесах разбежались,
Птицы по подоблачью разлетались
И рыбы по синю морю разметались.
И пошел Вольга сударь Буславлевич
Обучаться всяких хитростей-мудростей,
Всяких языков он разных.
Задался Вольга сударь Буславлевич на семь гэд,
А прожил двенадцать лет,
Обучался хитростям-мудростям,
Всяких языков разных.
Собирал дружину себе добрую ...

С. К. Шамбинаго. Сб. „Былины-старинны“, стр. 71, 72.

¹ Отец отказал Шуре, так как таминцев нехватит защитит Шурá, да и коня (будто) нет, годного для него. Шура упрекнул отца в скупости, его поддержала и мать. Последней отец объяснил свой отказ тем, что „стоит только сесть Шуре на лошадь, он устроит айракдинцам такую потеху, что после и не разберешься“.

Ср. в русских былинах:

Остается у Никиты чадо милое,
Молодой Добрыня Никитевич,
Молодой Добрыня семи годов.
Стал Добрынюшка на возрасте,
Стал на возрасте — пятнадцать лет;
Стал по улице похаживать,
Стал он палицей помахивать,

среди мальчиков-таминцев, Шурà был оскорблен сыном Али-бия, Занминнетом, и научил своих товарищей вступить в драку с айракдинскими мальчиками по его знаку. Заставив отцовского тулпара почувствовать свою силу, Шурà овладел им на водопое¹ и прискакал к товарищам. Завидя Шуру, те бросились в драку с тысячью айракдинцев, уступая им в числе более чем в 20 раз. Шурà разбил „круком“ Занминнету голову и бросил его тело на растерзание таминцам; затем перебил и остальных мальчиков айракдинцев. Али-бий готовился отомстить таминцам, но согласился с ханом, что предварительно надо выследить Шуру. Кара-хан послал к Шуре одного ногойлинца, будто бы как шпиона, а в действительности, чтобы предупредить его о готовящемся нападении Али-бия. В благодарность за это предупреждение хан просил себе голову Али-бия. Шурà поблагодарил и обещал все исполнить. Тогда посланный ногойлинец посоветовал Шуре заплатить Али-бию „кун“ за убитого, ибо за это бог ему поможет. Плату же эту надо рассыпать по дороге, где проедет Али. Если он с презрением проедет мимо, то Шурà может биться с ним со спокойной совестью. Отправившись с 40 своими джигитами на таминцев, Али-бий велел своему отряду

Зачал сабелькой пофыркивать,
Стал он копыцем подпираться.
У Добрыни сердце возъярилося,
Могучи плечи расходилися:
Не может уничтожить свое ретиво сердце.
Идет он во светлую во светлицу,
Сам говорит таковы слова:
„Гой еси ты, моя матушка родимая,
Молода Амелфа Тимофеевна!
Сдавай ты мне коня богатырского“.
И проговорит ему родима матушка:
„Ах, ты, мое дитятко сердечное,
Ты малешенек еще и глупешенек.
Поживи-ко ты еще малешенько,
Покопи-ко ты ишшо ума-разума,
Потерять тебе будет буйна голова“.

Добрыня Никитич и отец его Никита Романович — бой со змеем. Былины и исторические песни из южной Сибири, стр. 44, 45, ср. материнское предупреждение в отрывке об Алеше Поповиче на стр. 138.

¹ Шурà ударил его [коня] круком по спине. Почувствовав сильную руку, конь стал, как вкопанный. Накинув ловкою рукою на него петлю и взнуздав, Шурà очутился на чубаром.

Ср. в русских былинах:

Выходит Васинька-голь кабацкая,
Выходит ко князю на конюшеньку,
Выбирает коня богатырского.
На которого коня руки накинёт,
Конь накорач падет;
И выбрал он по себе добра коня...

Былины и исторические песни из южной Сибири, стр. 96.

рассыпанные драгоценности затоптать конями или взять их на обратном пути. Встретившись с Али, Шурá проколол его копьем,¹ перебил всех его джигитов, затем отрезал Али уши и нос и заставил его тут же съесть их, снял с него голову, привязал ее к торокам, позволил таминцам всячески поиздеваться над нею, и, наконец, отослал голову Кара-хану.²

¹ Шурá с такой силой ударил Али копьем, что пронзил его насквозь и приподнял на копье кверху, как какую-нибудь щепку. Копье не выдержало тяжести, переломилось пополам, и Али грузно упал на землю, обхватив руками копье, точно обнимая кого-либо.

Ср. в былине об Илье Муромце:

Не откуль взялся богатырь турок;
С Ильей съехался, не здоровался;
Приразъехались, приударились.
Он и бьет Илью острым концом,
Илья Муромец бьет тупым копьем;
Он сшибает турка с добра коня.
Уж как пал турок на сыру землю;
Он поддел турка на тупо копье,
Он понес турка во чисто поле,
Во чисто поле, ко синю морю.
Он бросил турка во сине море.

Былины и исторические песни из южной Сибири, стр. 81.

² Ср. в русских былинах:

Оглянется Тугарин назад себя,
В та поры Алеша подскочил, ему голову срубил;
И пала голова на сыру землю, как пивной котел.
Алеша скочил со добра коня,
Отвязал чембур от добра коня
И проколол уши у головы Тугарина Змеевича,
И привязал к добру коню,
И привез в Киев-град на княженецкий двор,
Бросил среди двора княженецкого.

Сб. Кирши Данилова, № 19, по сб. Ю. М. Соколова, стр. 132.

„Сделалась гроза, бумажные крылышки подмокли, Тугарин Змеевич упал на землю; Тут Алеша Попович набежал на него, сразу отрубил голову и стал звать к себе Екима Ивановича; Еким Иванович разбежался, не разглядел хорошенько и схватил самого Алешу... Возвращаются они вдвоем в Киев; Алеша говорит: „Все богатыри будут рады мне, только одна Апраксеевна упрекнет меня“. Подъехав ко двору князя, Алеша бросил на середину двора голову Тугарина Змеевича и сказал: „Вот вам, могучие богатыри, мячик потешатся!“ Апраксеевна вышла на крыльцо и сказала: „Стыдно доброму молодцу смеяться над буйной головой доброго молодца“.

Былина об Алеше Поповиче в изложении Г. Н. Потанина. Былины и исторические песни из южной Сибири, стр. 154.

И поехал он к царицу, ко Уланицу,
И отсек царицу он да буйну голову,
Положил он тую голову на копье вострое.
Сам он голове-то удивляется:
Ведь ущища-то у царища — быдто блюдища,
А глазища-то у царища — быдто чаши пивные,

Одарив Шурѹ за присылку головы, Кара-хан приказал снять с головы кожу, вынуть мозг и набить череп соломой за то, что Али отравил его отца, Темир-хана. Опасаясь в будущем мести от многочисленного населения айракдинцев, таминцы уговаривали Шурѹ уехать в Казан, где ожидает множество таминцев во главе с дядей его Исым-бием, и привести оттуда сильную дружину, чтобы сокрушить всех айракдинцев. Шурѹ на чубаром тулпаре пустился в путь. На снежных кручах Тас-булака уже сидел в засаде на Шурѹ брат Али-бия, Тас-Мерген, замечательный стрелок. Шура схватил его, когда он прицеливался, стал его подбрасывать вверх и, наконец, бросил его на землю; затем, отрезав ему нос и уши, послал его с поклоном к Кара-хану и с предупреждением айракдинцам, чтобы они не смели трогать стариков—родителей Шурѹ и их стада. Кара-хан подтвердил это желание Шурѹ. В пути по пустыне с Шурѹ происходили разные приключения, причем об опасностях его предупреждали голоса святых.¹

Вступив в пределы земель Казана, Шурѹ встретил старика, высохшего как пережаты-поле. Этот старик сказал Шурѹ, что здесь у таминцев уже нет прежних несметных табунов, всех их угнали калмыки, и что дядя Шурѹ, Исым-бий, предлагает всем таминцам сесть на коней и отбить свои табуны. Шура посетил своих родных; ему было предложено отдохнуть в ауле, но Шурѹ тотчас же принял участие в походе Исым-бия на калмыков. Скоро Шурѹ с отборным отрядом почти догнал врагов. Накануне Кузмамбет, начальник караула в калмыцком лагере, видел сон, предвещавший нападение Шурѹ, равного своей мощью сказочному Хаз-батыру. Слышавшие это калмыки посмеялись и на рассвете, не торопясь, погнали свои табуны далее, оставив на сторожевом посту некоего Садыра с десятью воинами. Опередив всех, Шурѹ примчался сюда. Пораженные его величием, сторожа приветствовали его, но Садыр повел себя дерзко и даже обещал отнять у батыра тулпара. Шурѹ предложил сторожам трижды

А носище-то у царица — быдто палица боёвая.

.....
Выходил втогда Владимир со Опраксией,
И дивились голове-то тут Улановой.

Михайло Данилович. Сб. П. В. Киреевского, т. III, изд. 2-е, стр. 41, по сб. Ю. М. Соколова, стр. 146, 147.

¹ Ср. в былинне о Добрыне и Алеше: когда конь стал под Добрыней спотыкаться, и тот спросил его, над собой ли или над седоком он ведает невзгодушку:

Из небес было Добрынюшке да глас гласит:
„Ах ты молодой Добрыня, сын Никитинич!
А твоя-то любима семья замуж пошла
А за смелого Алешку за Поповича“...

Сб. Гильфердинга, № 5, по сб. Ю. М. Соколова, стр. 114.

выстрелить в него, они стреляли и промахнулись. Тогда Шурá выстроил их в линию и пронзил одной стрелой всех, кроме стоявшего у края Садыра.¹ Садыра же со связанными руками послал вперед сказать калмыкам, что за ним едет сам Шурá-батыр. Затем Шурá избил всех калмыков, кроме Кузмамбета и других, изъявивших покорность. Им он велел гнать табуны к Казану и готовить трапезу для отряда Исым-бия. Словом, Шурá сидел среди побежденных врагов, как у себя в ауле, распоряжаясь ими, как собственной прислугой. А чубарый конь стоял на привязи и описывал круги, словно хотел шестью прыжками покрыть расстояние в день езды.

Войско таминцев двинулось дальше, чтобы отобрать табуны у самого калмыцкого хана Карамана. От пастухов этих табунов узнали, что Караман с сорокатысячным отрядом отправился брать какой-то узбекский город, что его столица пуста и что управлять остались сестры Карамана, Ханыкей и Таныкей (ср. те же имена в былине о Кобланды — дочери крымского хана). Таминцы поделили между собой табуны Карамана; только серый скакун самого хана вырвался и ускакал в город, несмотря на погоню за ним самого Шурá. Батыр был опечален этой неудачей, а не догнавший скакуна тулпар не ел корма. Когда на утро городские ворота растворились, чтобы выпустить в поле рогатый скот, таминцы ворвались в город и Шурá воссел там на ханский престол. Затем Шурá женился на Ханыкей, а Исым-бий на Таныкей. Взяв узбекский город, Караман послал к Шурá требование вернуть серого скакуна и вызвал Шурá на бой. Сговорились решить дело поединком вождей в присутствии их войск. Караман и Шурá бились три дня и три ночи, пуская в ход все виды оружия; наконец, Шурá поднял исполина Карамана и, ударив о землю, сел ему на грудь. Караман отказался принять веру победителя, и тот отрезал ему голову. Калмыки не стерпели и бросились на таминцев, но после трехдневного боя были побеждены. Передав управление калмыками Кузмамбету, Шурá с женой заехал в Казан, собрал здесь конный отряд из шести тысяч таминцев и двинулся с ними против айракдинцев в Ак-Кала. На перевале, где некогда сидел в засаде Тас-Мерген, Шурá подслушал разговор двух пастухов, из которого узнал, что во время его отсутствия айракдинцы только первые четыре года не выступали враждебно, а затем, после появления слуха об убийстве Шурá Караманом, обратили таминцев в рабство. Родители же Шурá дошли до последней степени нищеты, отец его работает кетменем, а мать прядет. Шурá послал пастуха на своем чубаром известить родителей о своем прибытии; те радостно встретили его, ведущего отряд вместе с Исым-бием. На свидание примчался и Кара-

¹ Козим-Эркеш: „всех 60 черных маралов живая стрела пронзила...“

хан, которому, однако, пришлось оправдываться перед Шурью в горькой участи его родителей. По приказанию Шуры воины его отряда целых три дня истребляли айракдинцев. Только немногим из них удалось бежать к туркменам. Вслед за этим Кара-хан был поднят на белой кошке и провозглашен ханом ногайлинцев. По некоторым сведениям, Шуря-батыр со своими таминцами вернулся обратно в Казань.

Рассматриваемое произведение, названное переводчиком „былиною“, в переводе не являет следов ритма, не насыщено метафорами, не имеет общих мест (*loci communes*); вообще — перевод представляет повествование, изложенное русской литературной прозой. Собственный национальный стиль сказывается только в немногих пословицах и в некоторых речах. Произведение это, хоть и делимо на сравнительно независимые части, однако как-будто не является результатом циклизации. Сюжет его включает черты, довольно обычные в героическом эпосе, например у казахов. Герой рождается по молитве дотоле бездетных родителей, странствовавших для этой цели по святым местам (сходно с былиной об Алпамысе). Во время отъезда героя враги то отгоняют табуны, то порабащают его родных. Герой возвращает похищенное и восстанавливает благосостояние своих родичей. Индивидуальной особенностью данного произведения является то, что столкновения происходят не с отдельными только баями, биями, ханами или с внешними врагами, а переселенцев с туземным племенем. Повествование может быть поделено на шесть приблизительно частей: I. У одного из трех братьев много скота; от него зависят и на него работают 40 юртовладельцев, но нет у него детей. Поссорившись из-за своего тулпара, обиженный упреком в бездетности, этот бай переселился с родины вместе с 40 соплеменниками. В новом месте их поселения бий одного из двух тамошних племен стал притеснять переселенцев и пытался овладеть тулпаром бая, причем оскорбил последнего. II. Тот огорчился и отправился со своей женой странствовать по святым местам, чтобы вымолить себе детище, что им и удалось. III. Так родился Шуря, быстро выросший богатырем. В игре с детьми того племени, которое притесняло его земляков переселенцев, Шуря был оскорблен, рассердился и насмерть перебил всех противников. Затем, защищая своих соплеменников от мести, он убил предводителя враждебного племени и его джигитов. IV. По совету соплеменников, Шуря отправился на отцовском тулпаре, который признал его за хозяина, на прежнюю родину его отца, чтобы привести оттуда в помощь своим отряд земляков. V. На отцовской родине, оказалось, калмыки угнали все табуны. Шуря с родными отбил табуны и истребил калмыков вместе с их ханом. VI. Возвратившись на свою родину, Шуря узнал, что прежние враги его земляков переселенцев поработили их. Шуря истре-

бил насильников и избавил своих родителей от нищеты и унижения. Интрига рассказа осложнена двуличным поведением хана той области, куда переселился отец героя и где родился сам герой. Эту область занимали два рода-племени — Ногайлы в количестве 10 тысяч и Айракды — 40 тысяч. Хан, по имени Кара-хан, был из рода Ногайлы, а бии — из рода Айракды; эти последние и хозяйствовали полновластно в стране. Они так притесняли Ногайлы, что от этого рода осталось только громкое его имя, Притеснению подверглись и переселившиеся сюда таминцы. Айракдинец Али-бий предложил хану собрать с таминцев „зякет“. Хан наоборот высказался за освобождение их от податей в текущем году, чтобы показать справедливость и великодушие своего правления, прославиться в соседних землях и тем привлечь и другие племена. Уступив далее настояниям Али-бия, Кара-хан разрешил зякет с таминцев не выше одной сотой, „иначе будет против шариата и совести“. Али-бий не только превысил размер зякета, но и стал угрожать Кара-хана отнять у предводителя таминцев Нарик-бая бесценного тулпара. К удивлению читателя и слушателя, хан, проявлявший выше справедливость, соглашается завладеть тулпаром, только рекомендует достичь цели не насилием, а хитростью: тулпара решено получить как штраф за опоздание его хозяина на устройство у хана „той“. Опоздание, искусственно подстроенное Али, удается и сопровождается еще ругательствами и ядовитым намеком на бездетность Нарик-бая. Вне себя от незаслуженного оскорбления, Нарик-бай уходит с женою странствовать по святым местам, чтобы там вымалывать себе детище, тулпара же отпускает на волю. Чтобы смягчить неблагоприятное поведение хана, автором введено совещанье с представителями Ногайлы, на котором мудрец Каратин посоветовал хану позвать к себе Нарик-бая, обласкать, одарить его и пригласить на предстоящий той. Кара-хан в точности выполнил совет Каратина. Но в то же время, как мы видели, хан не помешал Али-баю обмануть и оскорбить Нарик-бая до такой степени, что он оставил родину и ушел странствовать. Когда затем паршивец Джанбай прибежал к Кара-хану с вестью об избиении сыном Нарик-бая Шурою тысячи айракдинских мальчиков, Кара-хан с гневом накричал на Джанбая, но в душе был весьма доволен, что дети айракдинцев погибли, в том числе и Занминнет (сын Али-бия). „На это были у Кара-хана причины, о чем мы скажем ниже“ (прибавил рассказчик). Жалуясь Кара-хану на Шурю, Али говорит, что давно уже просил хана „расправиться с горстью таминцев“ и что теперь, потеряв сына, он требует немедленной мести Шурю. Кара-хан предлагает предварительно следить за Шурю, чтобы он не успел скрыться, и для этого шпионом послать Каратина (т. е. ногайльца, расположенного к Нарикбаю, Шурю и таминцам вообще). Недогадливый Али

согласился на предложение, Кара-хан же поручил Каратинну не только сообщить Шурё о готовящемся на него и на таминцев нападении Али, но и просил прислать себе в подарок снятую с Али голову. Получив это предупреждение, Шурá справился с Али-бием и его джигитами и послал хану в подарок голову Али. „Кара-хан приказал тотчас снять с нее шкуру, вынуть мозги и набить череп соломой“... „Отца моего, Темир-хана, ты отравил самым жестоким образом. Так вот, наконец, и я заставил набить твою голову соломой“, — воскликнул Кара-хан и, беспредельно довольный Шурой, послал ему драгоценные подарки и сердечный привет. Когда Шурá, попав в засаду брата Али, Тас-Мергена, лишил его за это ушей и носа и в таком виде послал его к Кара-хану, тот был удивлен, хотя „имел еще ранее сведение, что Тас-Мерген отправлен в засаду“. Рассказчик не объясняет, почему Кара-хан не помешал этой засаде, а замечает только, что „Кара-хан был в душе весьма доволен, что Тас-Мерген поплатился так жестоко“. Пока Шурá, уехав на отцовскую родину, громил там калмыков, ограбивших его земляков, айракдинцы обратили таминцев в рабов. Шурá, вернувшийся победителем, сурово спросил хана, как объяснить это тяжелое положение таминцев, в том числе и его родителей. Хан оправдался тем, что после слуха о смерти Шуры он потерял власть и принужден был беспомощно смотреть на насилия, грабеж и обиды врагов. Шурá истребил айракдинцев, и Кара-хан был провозглашен ханом десяти тысяч ногайлинцев.

Автор данного произведения — биограф баев. Зависимая от них масса представлена покорною и сочувствующею своим господам. Скот Нарикбая пасли 40 юртовладельцев, таминцев, которые постоянно кочевали с ним „и вообще были его верными слугами“. Когда Нарикбай, удаляясь с женой странствовать, передал свои табуны во владение своих 40 юртовладельцев, они ответили на это следующей речью: „О милосердные наши покровители, доброта ваша была к нам беспредельна, мы дышали и существовали лишь вами... Богатство, данное вам богом и так милостиво переданное нам, мы сохраним до счастливого с вами свидания, ибо оно все таки ваше“... „Таково было расставание таминцев с добрыми своими хозяевами“, — говорит автор. Как будет показано ниже, данное произведение насыщено религиозными элементами, причем некоторые из них тесно связаны с основным сюжетом. По крайней мере, первоначальному автору мы склонны приписать наименования, явления и действия загробных покровителей — пророка Хизра, святого Бабай-Тукты-Чач и святого Гаиб-ирана (ср. упоминание в паломническом маршруте Нарикбая — св. Зангиата и св. Мухаммеда-дервиш-ата). Характерна иносказательная речь святого Бабай-Тукты-Чач, явившегося Нарикбаю и его жене в виде пастуха шести баранов:

„У меня слишком много обязанностей, возложенных на меня царем. Я не имею времени находиться на одном месте, ибо должен поспевать везде и встречаться с теми, с кем нужно... в моем распоряжении неисчерпаемые богатства самого всевышнего, и я положительно теряюсь, как их распределить между праведниками“. Автор был осведомленным в литературе человеком, судя по упоминанию Рустема и Тимура и по следам знакомства с богатырской поэзией. Выпрашивая у Нарикбая тулпара, племянник его Тасан-мирза сказал: „я опережу всех гордых сыновей богачей, принявших участие на скачках, я в один миг пролечу всю вселенную, чтобы насладиться природою всего мира, и буду напоминать собою некогда жившего Рустам-батыра“. Принимая Шурӯ в начальники своего войска, таминцы воскликнули: „Теперь наша дружина будет напоминать славные полки незабвенного Тимура, этого счастливейшего героя века“. Еще во время паломничества, предпринятого, чтобы вымолить себе сына, Нарикбай с женой увидели, как бидаяк перебил стаю лебедей, и сочли это за предзнаменование того, „что и сын их будет Сахиб-Кыраном [титул Тимура: рожденный под счастливейшим сочетанием планет]...“ Описывая выезд могучего калмыцкого хана на поединок с Шурӯю, автор говорит: „каждый воин в этот момент думал, что он видит пред собою Кахармана“. А. Диваев поясняет данное имя, как „имя одного героя: победитель, непобедимый, могущественный [говорится о царях]“. Калмык Кузмамбет, судя по виденному им сну, пророчит нашествие неприятеля с таким богатырем во главе, который „по могуществу своему может соперничать со сказочным Хас-батыром“. А. Диваев при этом имени кратко замечает: „имя калмыцкого богатыря“.

Едва ли данное произведение — не то былина, не то повесть, — содержит мотивы, которые явились здесь раньше, чем в других повествованиях, и даже повлияли на последние; скорее наоборот. Мы, например, допускаем, что данное произведение заимствовало из героической былины — вроде Алпамыса — бездетность Нарикбая и Гуль-Ханыс, их странствование, ночевку на могиле святого Бабай-Тукты-Чач, дарование этим святым детища, жалобы бездетного Нарикбая („Какой прок от того, что я слыл здесь богачом, когда богатство мое останется без хозяина... О, мой чубарый-тулпар! Отныне ты свободен, у меня нет наследника, который бы мог владеть тобою и наслаждаться“); фигуру злодейской отвратительной старухи; порабощение земляков и родителей во время отсутствия сына-батыра („старик работает кетменем, а мать занимается пряжею“); узнание событий путем случайного подслушивания; убеждение неверящих в прибытие богатыря посылкой вестника на богатырском тулпаре, угадывание в незнакомце родных черт. Подобно былине о Тархыне, где вос-

хваляются батыром одна за другой статьи любимого тулпара путем лестных сравнений, ту же манеру встречаем и здесь в похвалах льву, расточаемых испуганным пастухом. Рассуждение Шурь по поводу предлагаемого ему отдыха в ауле напоминает нечто подобное в былинах о Тархине. Шурá говорит дяде, что не покинет собираемое им войско в настоящее трудное время: „Что ж мне делать в ауле? Первый день я буду гостить, во второй день я потеряю значение гостя, а в третий — я соскучусь. Чем терять свое достоинство среди женщин и детей в ауле, не лучше ли мне принять участие в вашем походе, дорогой дядя?“ Ср. приказание Ханзада-хана бию о приехавших Тархине и жене его Ак-Жюнис: „Помести их в одном золотом дворце. После того, как Тархын отдохнет в качестве гостя 15 дней, он заскучает по родине, будет ее желать, душа его печальна будет. Тогда собери к батыру Тархину подданных мне биев“ и т. д., чтобы пробудить в нем воинственный дух и обратить вновь к военным подвигам.

Литературная осведомленность автора сказывается в ряде побочных эпизодов. Так, когда для удовлетворения прихоти беременной жены Нарикбая надо было добыть львиного мяса, и никто из охотников не отважился убить льва, это удалось сделать пастушонку. Забавляясь игрой в камешки, он упустил баранов в камыши, где они испугались льва. Бросившийся на крик животных пастух также наткнулся на льва и, слышав, что лев щадит почтительных к нему людей, приветствовал его хвалебной речью. Пришедший в восторг от этой лести, лев так подпрыгнул, что падая, раздробил себе ноги. Пастух добил льва и отнес его мясо беременной жене Нарикбая, которая им насытилась. Анекдот этот стоит в связи с заявлением самого Шурь, что всевышним ему даровано „львиное сердце“; и друзья и враги называют его „величественным львом“, а друзья сверх того развили это сравнение: „Кому неизвестно, что царем зверей слывет лев, который, скрываясь в непроходимых камышах, не подвергая опасности собственной жизни, не упускает случая завладеть всяким живым существом, осмеливающимся заходить в его логовище. И тебя можно уподобить этому царственному льву...“ (Речь таминцев, просящих Шурь уехать на родину его отца, чтобы привести оттуда в помощь отряд земляков.)

Особенно украшено сказочными эпизодами путешествие Шурь на далекую родину его отца; тут и питание Шурь одной козой, убитой при роднике, согласно разрешению святого голоса, а также спасение его от стада куланов, несшихся на водопой — опять по предупреждению святого голоса; борьба Шурь и его тулпара с удавом при том же роднике; тут и борьба Шурь в лесу с тремя лесными дикарями, причем и здесь герой предупрежден об опасности святым голосом. В эпизоде с удавом особенно типична для сказки деталь —

пробуждение богатыря брызгами воды из родника, поднятыми тулпаром. Вот этот эпизод. Шурá крепко заснул у родника. Стоявший около него конь заметил огромного удава. Он полз, сверкая, как извилистый арык; оба глаза его горели огнем; страшно шипя, он подполз к коню и стал его втягивать в себя. Бедный чубарый, приблизившись к Шурè, стал отчаянно бить передними копытами, но хозяин, не приподнимая головы, ударил его нагайкою, конь присмирел. Удав приполз совсем близко, стал на хвост и с особенным усилием начал втягивать в себя беззащитного коня, вызывая своим движением сильный ветер и пыль. Чувствуя свое опасное положение, чубарый подошел к воде, пронзительно заржал и усиленно стал брызгать в Шурè задними ногами. Шурá вздрогнул, почувствовав на лбу брызги холодной воды, и моментально вскочил. Удав стал притягивать его к себе; Шурá закачался, но не растерялся. Он схватил свой лук и т. д.

В ойротской былине есть тоже битва со змеей, но еще волшебнее. Когда Ак-Тойчи вышиб в подземном царстве одну из дверей чернокаменного дворца: „черная змея в 60 сажений на него кинулась. Нижняя губа черной змеи по земле волочилась. Верхняя губа до самого дымохода доставала“: Ак-Тойчи схватил змею за губу и разорвал ее вдоль.¹

¹ Ср. в русских былинах:

Тут купался да Добрыня во Пучай-реке

Выходит тут змея было проклятая,

О двенадцати змея была о хоботах:

„Ах, ты, молодой Добрыня, сын Никитинич!

Захочу — я нынь Добрынюшку цело сожру,

Захочу — Добрыню в хобота возьму,

Захочу — Добрынюшку в полон снесу.“

Лежит тут колпак да земли греческой,

А весу-то колпак будет трех пудов.

Ударил он змею было по хоботам,

Отшиб змее двенадцать тых же хоботов,

Сбился на змею да он коленками,

Выхватил ножищо да кинжалищо,

Хоче он змею было пораспластать.

Змея ему да тут смолилася...

[Змея нарушила условия, на которых была подажена]

Заводила она бой, драку великую

Да большоз тут с Добрыней кроволитие.

Бился тут Добрыня со змеей трои сутки,

А не може он побить змеи проклятые.

Наконец, хотел Добрынюшка отъехать,

Из небес же тут Добрынюшке да глас гласит:

„Ах, ты молодой Добрыня, сын Никитинич!

Бился со змеей ты да трои сутки

А побейся-ко с змеей да еще три часу“.

Чтобы расцветить однообразие и разрядить постоянную серьезность настроения, местами допущен юмор. Специально юмору отведены даже целые эпизоды, например: когда было решено, чтобы Нарикбай опоздал на „той“ хана, намеренно поздно послали к нему неумелого гонца. „Посланный был из новичков, он еще не привык к молодецкой езде джигита, не удостоивался наград за службу, был чрезвычайно глуп и промотал всё скудное отцовское состояние. Получив такое важное поручение и надеясь заработать от Нарикбая приличные подарки, наукер пришел в такой восторг, что не помнил, как усакал исполнять приказание. Степные собаки, увидев быстро несущегося наукера, бросились на него; лошадь начала бить копытами, сбросила седока, и злополучный наукер, сопровождаемый сворою собак, явился пешком к Нарикбаю. — „О, Нарикбай! перед тобою стоит ханский наукер, посланный пригласить тебя к своему повелителю. Угости же меня полною чашею кумыса, да отправляйся завтра к Кара-хану на «той» с наполненными девятью «саба» кумысом“. — „Да разве ханские наукары бродят пешком? Нет, голубчик, ты еще слишком молод, чтобы надувать меня... Ты или вор или проходимец, — сказал Нарикбай и стал бить палкою глупого посланца...“ Когда затем перед Нарикбаем намеренно не отпирали ворота урды Кара-хана, хотя прошла и обеденная пора, „Грусть и тоска забрали его и он был готов уже плакать, как вдруг ворота растворились и перед ним предстала чудовищная старуха, подосланная Али-бием. Она вооружена была баканом (шест, которым закрывают верх юрты): завидя Нарикбая, старуха ударила его чубарого по голове: — «О, собака! тебя с твоими сорока таминцами я оболью уриной, стащу тебя с лошади, сдеру с тебя халат; что ты поделаешь со мной?... Отчего ты не прибыл утром, разве так чествуют Кара-хана?» — произнесла грозно старуха. При виде ее, Нарикбай пришел в ужас: лицо старухи было черно, словно железо, тело как уголь, веки впалые, ноги толстые как бревна, а носом своим она напоминала ворону“. Ср. подобную старуху-злодейку в былине

Тут побился он Добрыня еще три часу,
А побил змею да он проклятую.

Добрыня и змей, Сб. Гильфердинга, № 5,
по сб. Ю. М. Соколова, стр. 77—84.

Мать предостерегает Дюка, что из прямой дороге в Киев его ожидают три заставы:

„Есть третья та застава — лежит змеищо-горынчищо,
О двенадцати змее о хоботах,
И тая тебя и с конем сожрёт,
Тут тебе, Дюку, не проехати,
Тут тебе, молодому, живу не быть.“

Сб. Гильфердинга, № 159, по сб. Ю. М. Соколова, стр. 178.

об Алпамысе. Комизмом насыщена следующая сценка при рождении Шуры. „На родах присутствовала в числе других черная рабыня. Как только послышались первые звуки плача новорожденного, она пустилась бежать, дабы первой получить от Нарикбая «суюнчу» за сообщение радостной вести. Вслед за нею побежала другая женщина, по имени Джагалтай, и перегнала ее. Увидя себя обогнанной, рабыня пришла в бешенство: сбросила с себя платье, затем штаны, распустила волосы, и, размахивая нагайкой, помчалась, как молния. — «О, негодное творение! ты хочешь вымазать мне лицо сажею, ты добиваешься лишить меня хорошей суюнчи», — ревела рабыня, обогнав Джагалтай. Пристыженная Джагалтай невольно остановилась и стала посылать вслед рабыни такую ругань, какую здесь нельзя выразить. Представ в чем мать родила пред Нарикбаем, рабыня поздравила его с сыном и попросила суюнчу. — «Проси что хочешь, будет исполнено», — сказал Нарикбай. — «Я была бы совершенно удовлетворена, если бы ты освободил меня от рабства, дал бы мне несколько голов рогатого скота и выдал в замужество за дюжего парня, который бы мог удовлетворить мою ненасытную страсть», — ответила рабыня. Нарикбай исполнил просьбу рабыни в точности, он даже щедро наделил суюнчей и Джагалтай, которая пришла к нему уже после“. Комической фигурой, также совсем необязательной, а внесенной для интереса, является „таза“ Джанбай. Когда Шурá со своими товарищами истребил мальчишек — айракдинцев, „одному только длинноногому «тазу» Джанбаю удалось бежать. Он бежал скоро и плавно словно фазан в камышах, потряхивая рыжими длинными волосами, сохранившимися только у оконечностей затылка. Потом бег его обратился в тропоту верблюда аравийской пустыни, и он без оглядки, не чувствуя под собою ног, примчался к Кара-хану, с мешком бабок за спиною“ и т. д. Конец Джанбая изображен в следующей сцене. „Истребив до единого всех джигитов, Шура заметил стремительно удиравшего паршивого Джанбая. Оказывается, он был в этом деле знаменосцем. Заметив критическое положение Али-бия и его джигитов, он предпочел бросить знамя и обратиться в бегство, твердо памятуя, что «от позора человек не умирает, а жизнь сладка». Джанбай, конечно, не мог убежать далеко; Шурá на своем чубаром быстро настиг его и, схватив налету, метнул кверху как какой-нибудь «тумак». Злосчастный, «паршивец» упал в воду, и Шурá, намереваясь убить его, хотел слезть с лошади, но запутался о свою шашку, а тем временем Джанбай перебежал на другой берег и продолжал бежать. Вздвигнувшийся Шурá вновь сел на лошадь и помчался за Джанбаем. Достигая его, он сделал львиный прыжок, схватил тщедушного «паршивца», ударил его о землю, и беглец тут же испустил дух“. В таком же смешном и жалком виде изображен и Тас-Мерген,

сидевший в засаде на Шурѹ и сам подвергшийся его нападенію.

Комические персонажи изображены с некоторой живостью и реальностью. Остальные действующие лица, кроме, пожалуй, молодого хана Карамана, матери главного героя и отчасти крымского хана, даны в общих типах, по образцу соответственной литературы вообще. Не исключая главного героя, эти персонажи мало индивидуальны и редко обнаруживают действия, характеризующие их черты. Только автор и окружающие стремятся словесно оживить эти фигуры. Мы уже описывали и разбирали двойственное поведение молодого хана Карамана, связанного зависимостью от отравителя своего отца, но постоянно думающего о мести. Мать героя, Гуль-Ханыс, также не безлична, благодаря развитому в ней чувству материнства. Страдая вместе с мужем от бездетности, она себя винит в этом; во время паломничества она уговаривает своего мужа и добивается покровительства святого Бабай-Тукты-Чач; когда явившийся святой объявил ей, что ей обещан богом сын: „Восторг Гуль-Ханыс был настолько велик, что она плакала от избытка чувства и дрожала всем телом... Трудно было описать состояние ее души, и вот, наконец, она, не предупредив спящего мужа, побежала. Куда и зачем помчалась Гуль-Ханыс, не объяснила бы и сама, если бы ее спросили“. Когда Нарикбай отказал отроку-сыну в богатырском коне, Гуль-Ханыс набросилась с упреками на мужа и, напомнив ему тяжелое скитание по пустыням, чтобы вымолить дитище, сказала: „Теперь, благодарение богу, мы имеем сына, стоящего нам почти жизни, а ты отказываешь ему в верховом коне! О, безжалостный!... Для чего же создан всевышним наш чубарый тулпар с серебряным хвостом? Неужели ты присерегаешь его для того, чтобы зарезать на свои поминки, когда умрешь?“ После того, как Шурѹ избил Али-бия и его джигитов, малочисленные его земляки, боясь за него и чувствуя себя не в силах защитить его, советовали ему уехать за помощью на прежнюю родину его отца. К этому совету присоединились и родители Шурѹ, причем горячая, страстная Гуль-Ханыс сказала: „Ты должен это сделать во имя всего святого, иначе я выдою свое белое молоко, обратив струи к небу“ (самое страшное проклятие непослушных сыновей). Что касается характерности изображения калмыцкого хана Карамана, то мы имеем в виду его предсмертную речь на поединке с Шурѹю. Когда они боролись уже три дня и три ночи „Шурѹ вышел из терпения, поднял Карамана [исполина] словно маленький сверток кошмы и, ударив его о землю, сел ему на грудь. — «О, неверный калмык, Караман! Ты должен теперь принять мою веру, иначе тебе смерть!» — закричал Шурѹ. «Лалай, лалай, лух!» — воскликнул хриплым голосом Караман: «Веру твою я отвергаю. Я был чист, как белый

лебедь, но ты первый запачкал мою спину о землю, которая до сих пор не касалась ее. Прошу тебя, прежде чем слезть с меня, отрежь мне голову, владей сестрой моей и серым скакуном. Для тебя дорог базар сего мира, а для меня базар загробного мира!» — продолжал Караман и затих на этих словах. Шуря моментально выхватил кинжал и также быстро отрезал голову Карамана.

Обращаясь к характеристике самого Шуря, его образ можно определить, как шаблон богатыря вообще. Автор характеризует его метафорами (царственный или величественный лев, удав, беркут, бедаюк, красный или ясный сокол); заставляет при виде его испытывать ужас, для чего появление Шуря перед врагами часто изображает внезапным; постоянно говорит о его величественности. Все деяния Шуря состоят в избиении неприятелей, исполняемом с крайней жестокостью.

Надо заметить, что мстительностью и жестокостью здесь наделены даже дети, причем у всех персонажей это уживается с сентиментальной слезливостью. Подобно русским былинам, в поединке Шуря изображается постепенное использование каждого из видов оружия и борьбы.

Приведем эпизод поединка Карамана с Шурю, закончившийся вышеприведенной речью хана. После обмена речами Караман озлобился на шутки Шуря, встал боком, достал из колычана лук и стрелу и натянул последнюю с такой силою, что правая рука его очутилась у правого уха; стрела со свистом полетела, но не попала в Шурю. Затем Караман выпустил еще две стрелы, но таковые были отбиты щитом. Настала очередь Шуря. Он встал левым боком вперед, вынул длинную стрелу, натянул ее до того, что металлическая часть ее коснулась дуги лука, и пущенная стрела с треском попала в Карамана, пробила кольчугу, но задержалась в „катдау“ (халат, часто простеганный). Следующие две стрелы были пущены также метко, но, благодаря кольчуге, не причинили особенного вреда Караману. Тогда противники сошлись на копьях. Удары были ужасающие, от которых дрожала земля. Богатыри бились до тех пор, пока не разбили свои копья вдребезги. Оба они отличались необыкновенной силой, храбростью и ловкостью, так что перевеса не было ни на одной стороне. Противники разгорячились и взялись за батики. Сначала они разъехались, а затем налетели друг на друга, словно разъяренные львы. Началось жаркое побоище. Удары, наносимые друг другу, были настолько сильны, что кони богатырей едва удерживались на ногах, а треск и стук напоминал грохот тяжелых кузнечных молотов. Наконец, Шуря и Караман схватились за шашки. Здесь ожесточение дошло до крайних пределов. Бились они до заката солнца. Были перерезаны от ударов острых шашек все ремни, на которых

держались железные доспехи противников. Караман выбился из сил и прекратил побоище, прося Шурѣ отложить состязание до будущего утра. Так разъехались два чудо-богатыря... „Мы употребили в дело все оружие, которым владеют доблестные воины, но все это не привело ни к чему. Попробуем мы теперь, светик мой Шурѣ, силы свои в единоборстве“, — сказал Караман на другой день, выходя на поле поединка. Шурѣ принял предложение, и оба богатыря, привязав своих боевых скакунов к дереву, засучив рукава и шаровары, вступили в борьбу... Когда они сходились на борьбу, голова Шурѣ не достигла плеч противника. Первые моменты Караман пытался встряхнуть Шурѣ, но усилия его были напрасны; Шурѣ оставался на месте, как железный столб, врытый в землю. Караман тем не менее следил за удобным моментом словно коршун, но Шурѣ был крайне осторожен и следил за каждым движением и попыткой. Так возились три дня и три ночи неутомимые богатыри. Наконец, Шурѣ вышел из терпения, поднял Карамана, словно маленький сверток кошмы и, ударив его о землю, сел ему на грудь...¹

¹ Ср. в русских былинах:

Подмочило у змея крылья бумажные,
Падал змеишко на сыру землю.
Они зачали палицами битися,
По насадкам у них палицы разгорались;
Они тот бой бросали о сыру землю.
Зачали саблями рубитися,
Сабельки их расщербилися;
И тот бой бросали о сыру землю.
Стали они копьями колотися,
Копья у них изломалися;
И тот бой бросали о сыру землю.
Они друг дружку чумбурами сподергали,
Сохватились молодцы ручным боем.
Распахивал Добрыня полу правую,
Вытягивал шельгу подорожную,
И стегал он змея по могучим плечам...

Добрыня Никитич и отец его Никита Романович, бой со змеем. Былины и исторические песни из южной Сибири, стр. 49, 50.

Ударились они палицами боевыми,
Палицы их розгорались,
В руках изломалися.
Скакали они со добрых коней,
Схватывались они за белы руки.
Тут то Бориско — на носок востер —
Сшибал Илью на сыру землю
И садился ему на белы груди...

Об Илье Муромце и Бориске. Былины и исторические песни из южной Сибири, стр. 109.

Вот не две горы вместе да столкнулися,
Два богатыря вместе да тут съехались,

Конечно, у богатыря Шуры есть конь — чубарый тулпар, бег которого представлен, например, в такой картине: „Мчался Шурá с такой быстротою, что куропатки, сидевшие на пути, не успевали взмахивать крыльями и оставались раздавленными под копытами. Полет чубарого был настолько силен, что ветром рассеченного воздуха волновалась поверхность озера, и земля, отлетающая глыбами от копыт, словно из ружья, поражала птиц, сидевших на озере“.

В произведении довольно много диалогов. Есть и монологи. Как весь вообще текст перевода, и речи эти изложены „нейтральным“ гладким литературным языком, вследствие чего стерлись казахские особенности, которые можно было бы сохранить. Например — отрывочность, внешняя кажущаяся бессвязность, „непереводимые“ выражения, характер речевого стиля и т. п. Как общее свойство речей, следует отметить присутствие в них религиозного элемента. Особенно сентиментально он звучит в патетических местах, когда дело идет о рождении и смерти, о разлуке и встрече и т. п. Религиозность выражается здесь обычно в общей форме, но встречаются выражения и в восточном вкусе, например: „Мир наш состоит из семи частей света и из 18 тысяч творений, и все это подвластно суду Всевышнего“ (слова Исым-бия Нарикбау).

Любопытно, что даже злодеи согласовывают свои насильственные деяния с намерениями святых. Насильник переселенцев Али-бий не только истощил их пошлинами, но и пытался

Да хватали они сабельки нынь востры,
Да и секлись, рубились да целы сутки,
Да не ранились они, да не кровавились.
Вострые сабельки их да изломались.
Изломались сабельки, исцербились;
Да бросили тот бой да на сыру землю,
Да хватали-то палицы боевые,
Колотились, дрались да целы сутки.
Да не ранились они, да не кровавились.
Да боевые палицы загорелись,
Загорелись палицы, распаялись;
Да бросили тот бой на сыру землю,
Да хватали копейца да бурзолецкии.
Да и тыкались, кололись да целы сутки;
Да не ранились они, да не кровавились,
По насадке копейца да изломались,
Изломались они, да извихнулись;
Да бросили тот бой да на сыру землю,
Да скакали они нонь да со добрых коней
Да хватались они на рукопашечку.

Илья Муромец и Сокольник. Ончуков.
Сб. „Печорские быльи“, № 1, по сб. Ю. М.
Соколова, стр. 68, 69.

Ср. подобный поединок королевского сына Петроя Петровича с братом неузнанным (в былине из „Песен“ П. Н. Рыбникова, изд. 2-е, № 21, по сб. Ю. М. Соколова, стр. 158, 160, 162).

отнять у них бесценного тулпара. Когда Али сам стал набрасывать петлю на коня, тот сшиб его вместе с лошастью... „Да, стало быть, поступок мой был не одобрен святыми душами, — подумал Али, очнувшись“. Частое вмешательство святых по любому даже незначительному поводу, обилие упоминаний божества, морализация и сентиментальность в религиозном духе — свидетельствуют о том, что данное произведение, по роду своему героическое, подверглось религиозной обработке. Конечно, нельзя утверждать, что в самой сюжетной основе совсем не было места для „святых“ персонажей и некоей религиозной окраски; но чрезмерная насыщенность религиозным элементом, выявление его кстати и некстати, указывают, по нашему мнению, на позднейшее наслоение. На то же указывает и наличие комических эпизодов, частью нескромного характера.

Казахская стихия подлинника сохранена переводом в поговорах, встречающихся всего больше в речах. Приведем примеры пословиц.

Отказывая своему племяннику дать чубарого тулпара для состязания, Нарикбай сказал ему:

— „Имеющий детей забавляется детьми, не имеющий их забавляется скотом“. Знаешь ли ты, что богатство выше родства? Не зря же встарину говаривали: родство «горько», а богатство «сладко», так же сладко, как и жизнь, когда наступает смерть“.

Решившись на переселение, Нарикбай говорит зависящим от него юртовладельцам-родовичам:

— „Приглашай родственников обедать, а не работать, — говорит пословица“ (для нас применение пословицы неясно).

Отговаривая Нарикбая от переселения, младший брат Исым-бий говорит ему:

— „Хотя и в семь слоев выпадает снег, не гибнет сорока, хотя и не будет иметь самолюбия, не устоит единоутробный“ (смысл и применение пословицы для нас неясны).

Уговаривая справедливого Кара-хана отнять у Нарикбая тулпара, насильник Али-бий говорит ему:

— „Уж поверьте: не возьму огня из юрты, чтобы развести его в другой“ (по толкованию А. Диваева: „пословица вроде нашей «сор из избы не выносятся»“).

Оскорбленный старухой у ворот урды Кара-хана, рыдающий Нарикбай сказал своей жене:

— „Лучше быть пастухом на родине, чем беком на чужой земле“.

Не взирая на хищнические поборы Али-бия, благосостояние таминцев росло, ибо табуны их далеко превзошли прежние. Недаром говорит пословица: „Ворона, имеющая пристанище, не погибнет; аул, подвергшийся нападению неприятелей, не разорится...“

— „Пока вырастет трава, откочует аул, пока муж наживет состояние, он лишится ума!“ — говаривали таминцы. Также и Нарикбай, неограниченно любивший своего Шурұ, постоянно убаюкивавший его люльку... думал: „о, мой дорогой Шурұ, когда то ты вырастешь и будешь мужчиной...“

На неосновательные упреки Гуль-Ханыс Нарикбай возразил:

— „Женщина без ума, как лягушка без хвоста, — говорит пословица... также и у тебя: волос длинный, а ум короткий“.¹

Обиженный мальчиками айрақдинцами, Шурұ побуждал своих ребят не спускать им:

— „Пешком на войну не ходят, а неприятель не ждет, пока ты сядешь на лошадь“, — говорит пословица.

Когда Шурұ стал избивать джигитов Али-бия, знаменосец их (Джанбай) предпочел бросить знамя и обратиться в бегство, твердо памятуя, что „от позора человек не умирает, а жизнь сладка“.

Пронзенный копьем Шуры, Али-бий говорит:

— „Недаром встарину придумали пословицу: «от шуток льва умерла лисица.» Я и теперь еще мог бы оправиться от раны, если бы ты, Шурұ, оставил меня в покое. «Больной надеется выздороветь, бедный надеется разбогатеть,» — гласит пословица“.

Таминцы, пиная ногами голову насильника Али-бия, говорили:

— „Насилие приводит к позору“, — говорит пословица“.

Тас-Мергена, пытавшегося из засады убить Шурұ, он послал предупредить айрақдинцев, чтобы они не обижали его родителей:

— Пусть не забудут мудрые слова мыслящих людей: „Наступить удаву на хвост — попасть на удочку смерти, ходить в потемках неосторожно — вывихнуть себе ногу“.

Когда оставленный калмыками разведчик стал говорить Шурұ дерзости, тот сказал ему:

— Уж подлинно: „ворона, которой час пробил, бросается на беркута“.

На сообщение пастуха, посланного Шурұ к отцу с вестью о том, что сын его вернулся, Нарикбай сказал:

„Много, светик мой, я получал таких вестей, но все они оказывались потом ложными. Спасибо тебе за доброе слово. Могу только сказать тебе одно: «твои бы слова да ангелу в уши»“.

¹ Ср. в былине Добрыня и Алеша:

Говорит же тут Добрыня, сын Никитинич:

„Не дивую я тут разуму да женскому:

У ней волос долог, ум короток...“

Сб. Гильфердинга, № 5, по сб. Ю. М. Соколова, стр. 12.

Казахская стихия подлинника сохранена в переводе метафорами и символами. В одной из речей мы встретили чрезвычайную насыщенность метафорами и иносказаниями. Эта речь принадлежит комическому персонажу, мальчишке Джанбаю, который в испуге прибежал к хану с вестью об истреблении Шурою мальчиков-айрақдинцев.

„О повелитель наш! Лебедь мой [Занминнет, сын Али-бия] похищен хищным соколом [т. е. убит Шурою]... Всевышний, разгневанный на нас, обратил весну в зиму. Невпопад мы пошутили с удавом [Шурою] и захлебнулись в струях крошечного родника [намек на малочисленность земляков Шурь, таминцев]. Теперь один мальчик из таминцев не уступит тысяче айрақдинцев, благодаря могуществу и силе величественного льва, Шурь, сына Нарыкбая. Он сокрушил с одного размаха тысячу мальчиков айрақдинцев; в том числе погиб и славный Занминнет. Мы походили тогда на огромное стадо баранов, настигнутых волком, и остались, как воробьи, в когтях голодного копчика. Мы словно были поражены молниеносной стрелой и очутились в беде, подобно несчастному хлебопашу, у которого весь хлеб истреблен саранчой и который, сокрушенный, сидел, обняв свой деревянный омач. Нас точно побил небесный смерч или ударил сильным плесом водяной сом. Мы пришли в отчаяние и ужасающим своим криком напоминали ворон и галок, завидевших лютого своего врага «бидаяка» [кречета]. Затем случилось что-то невероятное: в тесноте тысячи мальчиков как-бы разорвалось пушечное ядро. Это был последний жестокий удар Шурь; он подмел мальчиков, словно метлою, и уже не оставалось ни одной живой души; все пали мертвыми...“

Отметим далее по всему тексту метафоры, сравнения, символы и иносказания.

При расставании с Нарыкбаем, на глазах присутствующих „показались слезы и застывали вдоль ресниц наподобие мелкого горошка“.

„Жил он [Али-бий] только взятками, думы его — черные, а суд его, как колодезь, с изворотами, сколько бы не лилось в него — не наполнится“.

Пастух, наткнувшийся в камышах на льва, для своего спасения произнес ему селам и приветствовал его хвалебной речью: „Голова твоя, мой царь, по красоте напоминает огромный медный котел, грудь твоя, словно узорчатый ковер, зубы твои имеют блеск месяца ясного, талия твоя напоминает стан гордой красавицы-девицы, а усы — словно молодая куга. Храбростью ты превосходишь все творения всевышнего, а силою сокрушаешь своих противников. Быстротою напоминаешь ты белого сокола, в один день ты проскакиваешь месячный путь, а в месяц — путь тысячи дней!“

„Я расправляюсь с ними так же, как птица бедаук с лебедями и с гусями,“ — сказал взбешенный Шурà (ср.: „Не ясен сокол на гусей, лебедей напускается, Илья Муромец на рать-силу великую“. — Рыбников, „Песни“ № 57, по сб. Соколова, стр. 56).

Нарикбай говорит Шуре: „у меня также нет исполинского коня, напоминающего огромную черную скалу и годного для тебя“.

Гиперболическая метафора в описании оружия Карамана: „рукоятка копья его по толщине не уступала балке, а ручка батика, висевшего на плечах, напоминала столб“.

„Он [удав] полз, как извилистый арык“. Шура встретил „старика, высохшего как перекати-поле“.

„Драка закипела отчаянная, несчастных таминцев рвали, как козлов на кокбуре“.

Монолог Шурь: „О бог мой! ободрь и успокой моих несчастных родителей, сердца которых стали как кусочки жареного мяса от жестокой печали по мне“.

„Сердце его [Тас-Мергена] билось, как рыба, вытащенная из воды“.

Слова Кара-хана Джанбаю: „О, ты негодная тварь! Когда все твои товарищи погибли в бою, отчего ты один остался живым и, как ворона-вещунья, явился ко мне?“

Товарищи Кузмамбета не придавали значения вещему сну, сказав: „Ведь сон, это не что иное, как лисий помет...“

Слова Шурь: — „Не хвастайся так гордо, Али! Могучее дерево, о которое ты так уверенно опираешься, уже срублено. Помни, что сегодня, наконец, настал праздник для ворон, грачей и других хищных птиц. Все они будут лакомиться твоим мясом!“ Подъехав затем к Али, который сидел, обняв пику, проткнувшую его, Шурà сказал: „Здравствуй, богатырь мой, Али! Что это ты, кажется, борешься с пикой, или же, как паршивая лошадь, не знаешь, к чему прислониться, чтобы почесаться?“

Тубылгы-шал, встретившись с Шурой, спросил его: — „О, юноша мой! Скажи, какого ты сада цветов, где ты родился, куда путь держишь и чей ты сын?“

Картина боя таминцев с калмыками: „Оба отряда двинулись друг на друга и слились, словно две огромные реки. Рубились шашками, словно нагайками, кровь бежала, как вода, над полем битвы носились облака пыли. Богатыри Шурà, Исымбий и Тасан-мирза, с помощью милосердного и вездесущего, подметали калмыков, словно метлою. Поле брани было покрыто сплошной массой трупов, как обширное поле хлебопашцев нескончаемыми снопами“.

Произведение завершено такой концовкой: „А теперь сотворим молитву за упокой душ этих, некогда прогремевших по всей вселенной чудо-богатырей, да облегчит господь тяжелую

надмогильную их насыпь. На этом мы закрываем свои уста. Да простит нас читатель, если в повествование наше вкралась невольная ошибка. Ведь мы люди, а люди иногда ошибаются“.

Дополним несколько мелочей. Подобно другим казахским былинам (например об Алпамысе) и в данном произведении первый удар герой предоставляет в борьбе своему противнику. Так, достигнув сторожевого пункта калмыков, Шурà предложил его воинам стрелять вперед: „О, ничтожные творения! я вам даю возможность всем десяти человекам сделать в меня по три выстрела из ваших жалких луков, как в отместку за то, что я сейчас натворю вам“. Выйдя на поединок с калмыцким ханом, Шурà предоставил ему начать бой: „Право начать поединок принадлежит тебе, как старшему, а я уже буду кончать, — сказал с усмешкой Шурà. И хан первый выпустил три стрелы“. Подобно же другим былинам, стрела героя пробивает толщу или ряд предметов, задерживаясь на последнем. Вышеупомянутых десять калмыцких сторожей Шурà ставит вплотную в одну линию и пробивает стрелой всех, кроме их начальника, ставшего с краю. Когда удав напал при роднике на Шурà, он дважды выстрелил, и каждый раз стрела, попав удаву в голову, выходила из хвоста. В большинстве картин движение обозначается пылью:

„Он вскоре заметил вдалеке облако красной пыли, которая быстро неслась к нему, подгоняемая легким ветром, а вслед за этим выделился из пыли и красавец чубарый тулпар“. „Через некоторое время на горизонте показалось густое облако пыли. Не было сомнения, что это ехал Али-бий“ (повторено дважды). „Следуя назад в свой аул с большим гуртом лошадей, Шурà поднял густую пыль, а несчастные таминцы... приняли его за Али-бия“. „Чубарый летел, как кулан, поднимая ветер быстрым бегом, а пыль от копыт взвивалась к небу столбом, как от вихря“... „Вначале они видели пыль, поднятую чубарым, потом черное пятнышко [то же в былине о Тархыне] лихого скакуна со сказочным богатырем, а затем от взора их исчезло все“. „Когда городские ворота растворились, чтобы выпустить рогатый скот, таминцы бросились в них с адским криком, подняв густое облако пыли, от которой не видно было ничего“ (взятие города, ср. Алпамыс). „Над полем битвы носились облака пыли“. Тот же образ пыли в былине о Саине и в ойротских былинах.¹

¹ Ср. в русских былинах образ пыли:

Хороша была побежка лошадиная,
Во чистом-то поле видно курева стоит,
У коня из ушей да дым столбом валит,
Да из глаз у коня искры сыплются,
Да из ноздрей у коня пламя мечется.

Илья Муромец и Сокольник. Ойчукор.
Сб. „Печорские былины“, № 1, по сб. Ю. М.
Соколова, стр. 65, 66, 67.

Есть и другие былины о Шора-батыре, где Шора выведен как освободитель города Казани от русского царя. По предположению некоторых (например А. Диваева), город „Казан“, некогда существовавший в Алмалике (т. е. в Семиречье) смешан здесь с „Казанью“ на Волге. Надо иметь в виду, что еще Карамзин указал, что некий Шорá из Крыма в Казанском ханстве был убит на войне в 1546 г. Затем два младшие брата Шоры были убиты во время взятия Казани Иваном Грозным в 1552 г. Одна былина на данную тему издана частью казахскими стихами, частью в пересказе казахской прозой. Другая, коротенькая песня на ту же тему издана В. Ф. Миллером в русском переводе с татарского (Этнографическое обозрение, кн. LXII, № 3). Эта песенка в 12 стихов рассказывает, что некто Чура, с божьей помощью перебивший много русских, зашел в Казань; его попросили там изрубить с божьей помощью Ивана Русского. Чура вошел в палату, где сидел за ужином Иван, и отрезал ему голову. Ивановы слуги, пришедшие убирать посуду, нашли голову Ивана в чашке.

В особой развернутой былине об освобождении Шорою Казани две части. Сначала излагается „предистория“, рассказывающая о приключениях родителей батыра. В давние времена жил некий батыр, по имени Нарик. Род его был — Тама, а город — Казан. По какой-то причине Нарик-батыр, обидевшись на свой народ, оставил город Казан, пришел в округ Юргениш, в страну Акша-хана и поступил к нему на службу. Хану он полюбился, и тот приблизил его к себе. Однажды, отправившись в далекое путешествие, Акша-хан поручил свою страну Нарик, причем просил его беречь как зеницу ока свою любимую борзую собаку. Нукеры хана захотели с ней поохотиться и, несмотря на запрещение Нарика, пустили ее за зайцем. В погоне за зайцем собака пропала. Поехав ее отыскивать, Нарик наткнулся на пещеру, в которой увидел груды золота. Золото он закопал и вернулся домой. Возвратившийся Акша-хан, узнав от Нарика о потере собаки, не сказал ему ни одного дурного слова. Вскоре хан заметил, что Нарик стал худеть, и послал к нему хорошего врача. Тот определил, что

Не пыль в поле пылится,
Не туман с моря подымается,
Не грозная туча накатается,
Не из той тучи молонья сверкает,
Подымалась силушка зло-неверная
Калина царь Тугарина.

Былины и исторические песни из южной Сибири, стр. 144. Записано Потаниным в Бухтарме.

Образ далекого: Илья Муромец смотрит вдаль:

Во копоты-то там, в тумане не знай зверь бежит,
Не знай зверь там бежит, не знай сокол летит,

.....
А богатырь-ле там едет, да потешается.

недомогание Нарика происходит от постоянной мысли о золоте. Тогда Нарик во всем признался хану, который и воспользовался золотом, найденным Нариком. На радостях хан сделал Нарика в одном округе бием. Завидуя Нарик у, нукеры задумали причинить ему зло. Это дошло до Нарика, и он стал проситься у хана к себе на родину. Хан собрал совет и предложил высказаться по просьбе Нарика, выраженной им в ряде метафор. Все присутствовавшие недоумевали и не решались высказаться. Только одна девушка, Менсулу, нашлась ответить подобными же образами. Подивившись ее уму и красноречию, хан выдал ее замуж за Нарика. Молодожены были очень счастливы. Завистники нукеры решили тогда погубить Нарика и уговорили хана взять Менсулу себе. Акша-хан поручил Нарик у отвезти хану Шегингерей письмо, в котором заключалось повеление умертвить Нарика. Узнав о содержании письма, Нарик не поехал к Шегингерей, а укрылся в своем доме. Считая его в отъезде, хан, сопровождаемый нукерами, отправился к Менсулу в гости. После угощения нукеры удалились, а хан заявил, что останется у нее ночевать. Тогда Менсулу рассказала ему притчу. Будто из стада ее богатого отца ежедневно стала пропадать кобылица. Отправившись на поиски, отец ее встретил льва, который объяснил, что это он похищал кобылиц, так как ему необходимо есть по кобылице в день. Сжалившись, отец велел ежедневно отпускать льву по кобылице. Одну из них лев не стал есть, так как волк утащил у нее жеребенка, и лев считал для себя унижением пользоваться обедками. Неужели же хан станет пользоваться обедками Нарика? — спросила Менсулу. Устыдившись, хан отправился домой. Уцелевший Нарик и Менсулу попрежнему жили счастливо, и у них родился сын, Шора, и дочь, Шырын. Такова первая часть былины. Вторая начинается так: Шора, достигнув семилетнего возраста, стал необычайно силен. Однажды во время игры с мальчиками Шора, подравшись из-за бабок, одного мальчика сшиб кулаком, и тот испустил дух. Для него эта драка не прошла даром, но причинила большую боль. Слыша, как мальчики кричали ему: „что презренная голова, сын бродяги Нарика“, — он понял свое одиночество, отсутствие в этой стране кровных родных и, огорчившись, возвратился домой.¹ Когда он прибыл домой, отец с матерью и весь народ спрашивали, по какой причине он опять пришел в эту страну. Приход сына Менсулу раздосадовал; сначала он уклонялся от объяснений, но в конце концов принужден был сказать правду. Время шло. И вот стало известно, что русские взяли город Казань. Услыша это известие, Шора не имея сил терпеть, собрался идти на освобождение своего народа от русских (вариант: своего народа от русского царя).

¹ Ср. подобный эпизод в былине об Алпамысе

Когда он сел на своего тулпара, мать его Менсулу и сестра Шырын провожали его, причитая. По дороге в Казань, Шора познакомился в ногайлинском народе с храбрецом, по имени Кулыншак, который и стал ему товарищем. „Севши на коня, Шора отправляется в поход, пригнувшись, ударив, едет крупной рысью, под ним беломухортый конь, около — Кулыншак-батыр, в этот день Шоре-батыру как раз 12 лет [минуло]. Позумент на шапке, белый сокола на руке“ [общее место]. В ногайлинском народе был еще батыр — красавица Мактым. Услышав, что едет Шора-батыр, она дождалась его на дороге и в образной, поэтической речи спрашивала о цели его поездки, предупреждала о силах врагов и выражала уверенность в его удаче. Отвечая, Шора между прочим сказал: „Я не князь, я простолюдин: небесный сын я Тама, Тама среди Шоба, Нарика сын я Шора. Богатую Казань тиран, говорят, взял уже. Отправившись из Юргенича в поход, еду, исполнившись мужества.“ Прибыв в Казань, Шора и Кулыншак сошли было с коней на сенной площади, чтобы остановиться в доме Кабылмирзы, как увидели солдат, ходивших по дворам за налогом. Оба батыра разгневались и стали их резать. Тогда послан был пристав (шериф) арестовать батыров. Напомнив о значении Казани, которая наравне со Стамбулом была опорой мощи мусульманского народа, Шора высказал, что его дело было бы закончено, если бы он освободил Казань из рук тиранов. Затем, вооружившись, он выступил на врага в сопровождении 61 воина из Казани. Он скакал на беломухортом коне, гоня вместе с Колыншаком врагов, глотая их как дракон, и обрушился на царя, как гора. Освободив Казань, Шора возвращается на родину, в Юргенич. Повидавшись с родителями и подыскав себе невесту, он достиг предела своих желаний. Находящаяся в „Казанском летописце“ XVI в. повесть о Чюре Нарыковиче — „большом князе“, „власеле Казанском“, стороннике царя Шигалея, преданного Ивану Грозному, — хотя и не совпадает с восточными рассказами о батыре с таким именем, но, возможно, связана с их циклом.

БЫЛИНА О КАМБАРЕ-БАТЫРЕ

В отличие от других героев казахского эпоса Камбар — бедняк, представитель и кормилец нищего рода. Охота для Камбара является не богатырской забавой, а необходимым трудом для пропитания родичей. Главной темой былины служит борьба, происходящая в душе героя, между долгом по отношению к опекаемым беднякам и любовью к богатой красавице Назым. У былины есть зачин певца-сказителя, приглашающий „добрых людей“ внимательно слушать и хранить в памяти славные подвиги батыров, передавая их из рода в род. В заключении зачина содержится совет о направлении богатства на помощь народу „в трудный черный год.“ Былина начинается рассказом о семье, где выросла красавица Назым, и о том, как она стала невестой. Камбар здесь лишь упоминается как джигит, который один только не прибыл на ее смотрины, но которого она заочно полюбила. Рассказ о дальнейших отношениях Камбара и Назым прерывается картиной его охотничьих подвигов.

Надев серебряный ошейник на борзую собаку, Камбар отправился на охоту за куланами и горными козлами.¹ Преследуя зверей, он стегает своего тулпара плетью и до крови колет рогатиной. Когда прошел полдень, Камбар, отдохнув, нагру-

¹ Охота в русских былинах:

Из славного города из Галича,
Из Волян — земли богатая,
Да из той Карелы из упрямая,
Да из той Сорочины из широки,
Из той Индей богатая,
Не ясен сокол там пролётывал,
Да не белой кречетко вон выпорхивал,
Да проехал удалый дородный добрый молодец,
Молодой боярский, Дюк Степанович,
Да из утра проехал день до вечера,
Да не наехал на гуся и на лебедя,
Да не серой пернастой малой утицы.

С. К. Шамбинаго. Сб. „Былины-старинны“, М., 1938, стр. 24.

Ах-ты, матушка моя родимая,
Не могу я уничтожить ретиво сердце,
Мне охота съездить далече,
Съездить далече во чисто поле,

зил на коня добычу, чтобы ею накормить 60 домов Арына и 90 домов Тобыра. Напив коня в озере, Камбар заехал в густой лес, где встретил его тигр. Камбар приготовился к бою. В это время тигр, ущемляя хвост между ногами, заставил лечь все волоски своей шкуры, прижал уши, открыв громадную пасть, заревел как однокорбый верблюд, величиною подобный скирде, и „как беркут, выпустивший когти на журавля, бросился на тулпара“.¹ Собрав все свои силы, Камбар схватил

Пострелять мне гусей-лебедей
И пушистых перелетных, серых уток.

Добрыня Никитич. Былины и исторические песни из южной Сибири, стр. 45.

Из того из города из Крякова,
Из того села ли из Березова,
Из того подворья богатырского
Охоч ездить молодец был за охотою
Во славное раздольище чисто поле,
Охоч-то был стрелять гусей, лебедей,
Малых перелетных серых утушек.
Молодой Петрой Петрович, королевский сын,
Он проезжал день с утра до вечера
По славному по раздольищу чисту полю,
Не наехал ни гуся, ни лебедя,
Ни малого перелётного утёныша.

Два брата-королевича. П. Н. Рыбников, Сб. „Песни“, изд. 2-е, № 21, по сб. Ю. М. Соколова, стр. 155.

Сухман похвастал на пиру кн. Владимира, что привезет лебедь белую живьем, не раненую:

Садился Сухмантий на добра коня,
Уезжал Сухмантий ко синю морю,
Ко тся ко тихие ко заводи.
Как приехал ко первые тихие заводи,
Не плавают ни гуси, ни лебеди,
Ни серые малые утёныши...

То же во второй и третьей заводи. П. Н. Рыбников, Сб. „Песни“, изд. 2-е, № 148, по сб. Ю. М. Соколова, стр. 149, 150.

Вольга набрал дружину и, как атаман, велел ей:

Вейте веревочки шелковые,
Становите веревочки по темну лесу,
Становите веревочки по сырой земли,
А ловите вы куньи, лисиц,
Диких зверей, черных соболей
И подкупучих белых зайчков,
Белых зайчков, малых горностаюшков,
И ловите по три дня, по три ночи.

.....

Ловили по три дня, по три ночи.

Не могли добыть ни одного зверка.

Повернулся Вольга и „завернул“ этих зверей, то же с птицами и с рыбами. С. К. Шамбинаго. Сб. „Былины-старины“, стр. 72, 73.

¹ Образ тигра в русских былинах напоминает „Скимен.“

Как из далеча, далеча, из чиста поля,

.....

Выбегало бы там стадечко змеиное,

тигра за хвост, и, покружив, отшвырнул далее чем на 40 шагов. Свалившись как оползень, зверь рухнул бездыханным. Батыр ударил его по морде топором и „подняв тушу как кӧкбар“, положил ее перед собой поперек седла. Глядя на голову мощного зверя, подобную котлу, народ дивился. Отдохнув около озера и дав выстояться тулпару, Камбар отправился на аул девицы Назым.

Вернемся к началу былины. Назым и ее шесть братьев были детьми Язымба. Она прославилась своей красотой и у казахов, и у ногайлы и у калмыков. Однако никто не решался подойти к ней поближе из-за свирепости ее братьев. Но вот Язымбай объявил, что готов устроить для женихов смотрины дочери. На высоком холме он построил минарет (башню), на который возвел Назым, и перед ней проходили толпы женихов. Никому не подарив своего внимания, девушка спросила, не найдется ли в степи джигит, который не явился на этот „той“. Тогда из толпы ей один говорит:

„Отсутствует здесь знаменитый джигит,
Он сын Алма (Ялим)-бая, могучий батыр,
Камбар достославный наш — гордость степей,
Скакун вороной его — ветра быстрей.
Батыра никто превзойти не сумел,
Но бедность досталась батыру в удел“.
Тогда отвечает народу Назым
И в очи не смотрит ни тем, ни другим:
„Достойный руки не явился на сбор,
Какое мне дело до остальных!“
Услышав ответ, был печалью объят
На празднике этом и стар и млад:
Заочно красавицы мысль приковал
Батыр, о котором песни гремят.

Не змеиное бы стадечко — звериное.
Наперед-то выбегает лютой Скимен-зверь,
Как на Скимене-то шерсточка буланая,
Не буланая-то шерсточка-булатная
(. серебряна золотая.)
Что на каждой на шерстинке по жемчужинке.
Наперед-то его шерсточка опрокинулась,
У того у Скимена рыло, как остро копье,
У того у Скимена уши — калены стрелы,
А глаза у зверя Скимена как ясны звезды.
Прибегает лютой Скимен ко Днепру-реке.
Становился он, собака, на задние лапы,
Зашипел он, вор-собака, по-змеиному,
Засвистал он, вор-собака, по-соловьему
Заревел он, вор-собака, по-звериному.
От того было от шипу от змеинова
Зелена трава в чистом поле повянула;
От того было от свисту от соловьева
Темны леса ко сырой земле клонилися;
От того было от рева от зверинова
Быстрой Днепр-река сколыбалася и т. д.

Былины и исторические песни из южной
Сибири, стр. 95, стр. 137, 147 и 148.

Когда Камбар, отдохнув после охоты у озера, пустился на своем тулпаре в дальнейший путь, дорога его лежала через аул Назым. Увидев вдали этот богатый аул, Камбар подумал о своей бедности.

„Хотя и есть кумыс в белой юрте,
Но стоит ли заходить туда?“
И он проехал мимо, держа у лица сокола.¹
Вороной лысак тулпар
Выбивал на земле метку,
Идя в перевалку, не торопясь,
Вышел на край аула.
Подобная луне, вышедшей из туч,
Явилась Назым, блистая,
В атласном платье,
Прислонившись к синей арбе.
Вертя гибкой как прутик поясницей,
Волоча длинную золотую повязку для волос,
Она заходит в юрту, качаясь как светлосерый иноходец.
У растроенной красавицы
Шел пар из уст,
Сердце горело как огонь.
По какой это причине черно-конный Камбар, не глядя, проехал?
Гнев овладел ею;
Потемнев беленьким лицом,
Осталась неподвижной.
Взяв в руки круглое зеркало,
Вперив в него глаза как у сокола,
Без слез, чувством расстроившись,
Стояла она, в зеркало глаза устремив.

Вне себя от огорчения, Назым созвала в юрту жен своих братьев и села с ними за шелковую пряжу. Работа у нее не ладилась. Тут она придумала приготовить большую чашу

¹ Ср. в былине об Илье Муромце и Бориске:

Выходил Илья из бела шатра,
Пошел Илья на Днепр-реку,
На Днепр-реку умыватися;
А сам смотрел во чисто поле:
Завидел он добра молодца;
Под молодцем конь — как бы лютой зверь,
На коне молодец, как ясен сокол;
Хороша управа молодецкая,
Хороши доспехи богатырские.
По праву руку летит ясен сокол;
В руках держит молодец третра-перо,
Сквозь пера не видно лица белого.

Былины и исторические песни из южной Сибири, стр. 107, 108.

И богатырь-ле там едет, да потешается:
Поперед-то его да бежит серой волк,
Позади-то его бежит черной выжлок,
На правом-то плече знать воробей сидит,
На левом-то плече да знать белой кречет,
Во левой-то руке да держит тугой лук,
Во правой-то руке стрелу калёную...

Илья Муромец и Сокольник. О пчучков. Сб. „Печорские былины“, № 1, по сб. Ю. М. Соколова, стр. 62

кумыса, чтобы предложить питье Камбару, возвращающемуся с охоты. Камбар ехал не повертывая головы. Увидев Назым за придильной основой, Камбар сказал себе:

„Если бы я предался чувству к ней,
Забыл бы народ, —
Бог накажет.“

Видя невнимание Камбара, Назым в исступлении иссекла саблей пряжу и стала звать к себе батыра. Она обещала напоить водой коня, кумысом утолить жажду всадника, предоставить ему отдых и исполнить все его желания. Но Камбар не поддается. Ссылаясь на свою суровую долю, на бедность, на воинский промысел, на необходимость кормить и своих родителей и еще 60 семей, Камбар говорит, что любовная связь с Назым отвлекла бы его от насущных забот. Назым умоляла его отдать ей хоть полдня. Но и на это не согласился Камбар: „Бедняк я, не пара тебе я, Назым! Избранник твой должен быть в шелк разодет. Тебя только прихоть ко мне привлекала“.

Пока тянулся этот спор, братья Назым, выйдя из дома, увидели около нее Камбара на вороном коне. Один из них, человек дурной и глупый, особенно возмущился такой близостью, угрожавшей брачным союзом сестры с этим бедняком однолошадником. Он даже стал подговаривать остальных братьев убить Камбара. Наиболее разумный из них, Алшыюраз, отговорил их от покушения на убийство батыра и, в виду его равенства по происхождению с Назым, допускал возможность брака между ними. Тем временем калмыцкий хан Караман прислал сватать себе Назым Келмембета с 20 джигитами на быстрых жеребцах-иноходцах („с подвязанными хвостами и гривой; из лошадей ловили только жеребцов“).¹ На вопрос Язымба, неласково их встретившего, о цели их приезда, Келмембет сказал:

Сделаю вам заявление,
Если не обидитесь на мою поэзию:
Золотой коготь у сокола,
Я хотел бы схватить
В озере утку и гуся;
На шестимесячную красную лисицу
Я задумал пустить
Быструю борзую собаку...
Если не поторопишься, государь-батюшка,
Светлосерый олень с длинными рогами,
Если его погонишь,
Обернувшись, забодает;
Запах распространился по стране,
Заблагоухала созревшая завязь;
Взяв в руки острый ножик,

¹ Ср. в былине о Вольге и Микуле: „Собирал себе дружинишку хороющую... Собирал себе жеребчиков темнокарих, темнокарих жеребчиков, нелегченных“ (по сб. Ю. М. Соколова, стр. 2).

Разрезать надо посредине...
Владыка отпустил меня как свата, вместо семи дедов.
Как пестрая гора, заходящая луна,
Видом он, как Рустем Достан.
Если с ним поспоришь,
Уничтожит совершенно...
Теперь я пришел к тебе с почетом.
Выбери и заколи жирного барана,
Приехал сват есть курдюк.
Сделаем роскошное гулянье,
Ногайлинца [т. е. Камбара] не зови!

В сватовстве Келмембет повел себя нахально, за что и поплатился: самый умный из братьев Назым, Алшыюраз, схватив Келмембета за ворот, стащил его с лошади и швырнул наземь. Джигиты стали было защищать его, но Алшыюраз выстрелил и замахнулся саблей, — и эти „храбрецы Карамана гиганта“ ускакали „вперегонку“, затем

Алшыюраз уши Келмембета
Сильно окоротил
Острым черным мечом,
Срезав, укоротил нос,
Вытянул, как тонкий волосок, шею,
Голову, как колотушку, оставил,
Глаза, как у зайца, выпятил,
Лицо набухло, как почка,
Обе ноздри разорвал,
Сделав отверстие, как нора со склона бежавшего барсука.

Сказав, что не вести сватовство калмыку с казахом, Алшыюраз отпустил Келмембета с приветом Караману-хану. Увидя Келмембета изуродованным, царь, как тигр застонал... как дракон зашипел“ и, разгневанный, собрал пять тысяч отборных джигитов в поход на ногайлинцев, и осыпал упреками Алшыюраза за ссору с посланными Карамана и за пристрастие к Камбару.

Когда Караман выступал из города
Музыкальные инструменты громко звучали,
Многочисленные знамена развевались,
Золотые щиты громко стучали,
Чебызги и дудки резко звучали.
Сидя щеголевато на холостых кобылах,
Ехали блестящие беки.
Стараясь стащить друг друга с лошади, играли
Брыкая как молодой верблюд-производитель.
Если они кололи, играя,
Белые пики грохотали.
Издали виднелись
Острия копий,
Вспыхивающие, как звезда
Один день прошел,
И он приблизился
К аулу Язымбаю,
Кобылу привязав на пастьбе,
Владыка впустил лошадей в косяк.
Увидев снаружи воинов,
Язымбай сильно испугался.

Для продолжения переговоров Караман опять послал к Язымбаю Келмембета с сорока джигитами. Язымбай оказался более уступчивым, уговорил Келмембета не помнить зла и пригласил побыть у себя, пока не посоветуется о дочери. На совете с сыновьями Язымбай объявил, что принужден отдать Назым за хана, и с почетом проводил Келмембета. Узнав об успехе сватовства, обрадованный царь осыпал Келмембета милостями. Но Язымбай чувствовал раскаяние, так как уступил насилию калмыка. На свадебный „той“ он послал приглашение и Камбару.

Язымбай обратился к герою Камбару

С добрым приветом:

От нашего корня вместе мы произошли...

Зачем же между нами охлаждение?

Келмембет из Керен следовал путем вражды [преследовал дитя?],

Опираясь на массу, калмыки

Препоясали чресла.

Как беркут, распустив когти,

Готовятся они ударить.

У нас нехватает сил,

Чтобы вступить в бой.

Не обижаясь на султанскую кость,

Пусть подумает батыр об этом деле

У тебя плохой враг,

Оставь другую работу.

Так как 90 семей Табыр'а

И 60 семей Арын'а

Голодны, то, чтобы они покушали,

Он [Язымбай] отпустил,

Положив в мешок

Золота с лошадиную голову

И серебра с баранью голову.

Далее рассказывается, как Камбар сидит у своей ставки еще не зная, что царь Караман пытается взять в жены Назым. Вдруг он видит бегущую к нему толпу... Сообщив о притеснении со стороны Карамана и о готовящейся выдаче за него Назым, эти люди просили Камбара о защите. Батыр обещал выступить и уничтожить врага. Царь в это время сам захотел видеть у себя Камбара и послал за ним Келмембета. Камбар выгнал струсившего посла, простился с народом и, вооружившись, поехал на своем тулпаре к царю. Смело войдя в шатер к Караману, Камбар объявил ему, что не уступит Назым. После взаимных оскорблений и угроз бой между соперниками стал неизбежен.

Камбар сказал Караману:

„Если ты силен, выходи один...

Ближе ко мне подойди,

Чтобы я тебе вырвал шею,

Зацепив, как сокол воробья.

Заставив кровь литься из глаз,

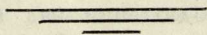
Поторгуюсь о твоей голове...
Взяв в добычу коня,
Седло в огне сожгу.
Как для гостя заколов ягненка,
Чувство твое найду".
Не будучи в состоянии терпеть
Караман... метался как пораженный бешенством...
Оспаривая друг у друга девицу Назым,
Два батыра бьются...
Камбар и Караман
Рубились между собой саблями.
Направив друг в друга белое копье,
Схватились как одnogорбый верблюд-самец.
Не стерпев укола...
Опустившись на колени, осел
Калмыцкий хан Караман и упал налево.
Находившиеся позади войны
Потеряли честь.
Родившийся львом Камбар,
Озираясь, как голодный волк,
Обозрел все.
Потеряв разум, калмыки крепко испугались
Из средины войска
Красная кровь, потекши, заструилась...

Уничтожив множество калмыков, Камбар возвратился в аул Язымба, пошел к нему в дом и объяснился в любви Назым. Язымба устроил для народа 40-дневный „той“. Мулла Мукым обвенчал Камбара и Назым, и, богато одаренные, они уехали в семью Камбара.

Оригинальной особенностью былины о Камбаре является сам герой. Он — „не казах и не сарт (узбек), а рода Ногайлы“; он бедняк, у которого „снаружи все цело, а внутри дым“; он кормит охотой и военным промыслом много семей и из-за этих забот отказывается от личного счастья с любимой женщиной. Пластично изображаются взаимоотношения Камбара и красавицы Назым, их влечение друг к другу и страдания от несовместимости счастья с долгом и совестью. Особо изысканных стилистических деталей в былине не встречается, сравнения довольно обычны. Конь Камбара „не касаясь поверхности земли, как белая птица бокен шел быстрым ходом“; Камбар ездит за добычей или окидывает взглядом поле битвы, „озираясь, как голодный волк“ (общее место былины), тигр ревет как одnogорбый верблюд, голова его подобна котлу; один из братьев Назым „крикун, подобный ослу.“ Крымский хан, равно как и тигр, сравниваются с беркутом, выпустившим когти; глаза Назым, как у сокола; острия копий блестят, как звезды и т. д. Наиболее оригинальны метафоры в восточном вкусе, например — разгневанная Назым мечется, как необузданный годовалый жеребенок, или идет качающейся поступью как светлосерый иноходец. В том же стиле — сравнения свадебного ритуала (сватанья), которые в самой былине характе-

ризуются, как „поэзия“ (приведены выше), а также сравнения, сопровождающие изничтожение противника по частям (приведены выше). В сделанном нами пересказе былины мы принуждены были опустить метафорическую речь Камбара, характеризующую тяжелое положение народа, так как символы ее оказались нам недоступными.

Отметим замечательную пословицу, сказанную Камбаром: „Тень на землю не падает от безлистленного дерева“.

ВЫВОДЫ ИЗ СОПОСТАВЛЕНИЯ КАЗАХСКОГО И РУССКОГО БЫЛЕВОГО ЭПОСА

Суммируем свои наблюдения над казахским героическим эпосом. Судя по приведенным былинам, героический эпос казахов не является наивным произведением степной простоты, а свидетельствует о высоком уровне литературного искусства. Казахские былины представляют собою художественное повествование, в конструкции которого применены разнообразные приемы воздействия на восприятие. Былины эти не ограничиваются механическим движением рассказа, они живописны и эмоциональны, взаимоотношения персонажей психологически сложны. Оставляя в стороне черты сказочности, обязательной для данного вида литературы, мы находим в этих былинах много реализма.

Былинное героическое повествование — литературный вид, весьма распространенный в мировом средневековье. Он сохранялся то в устной форме, то в переделках книжного характера. Но в любой форме этот литературный вид мог познаваться по некоторым свойственным ему чертам, общим многим литературам средневекового мира. Эти черты, выделяемые из сохранившихся героических, а отчасти и иных повествований, являются, таким образом, „интернациональными“, равно как и сам определяемый ими литературный вид. Происходя в основе из устного обихода, будучи в источнике фольклорными, и проявившись во многих литературах, характерные черты данного литературного вида отличались своеобразной примитивностью.

Эти общие многим литературам черты характерны и для героического былинного повествования казахов, именно тема — богатырство, богатырские подвиги, сюжетные элементы — бои, поединки, бег коней; даже целые сюжеты, как, например, муж на свадьбе своей жены, бой отца с сыном. Общим признаком является и гиперболизация, например: быстрота формирования богатыря, необычная его мощь, необычайная быстрота коней, величина и тяжесть оружия и т. д. Действие в казахских былинах изображается в том же замедленном темпе, с последовательным перечислением приемов,

как и в других былинных повествованиях мира (например стрельба из лука, поединки с постепенным применением всех видов оружия и боевых приемов). Самая конструкция повествования казахских былин подобна произведениям мирового средневековья; имеем в виду такую цепь событий, как похищение, за которым идет отбитие похищенного, что далее вызывает опять похищение, влекущее за собой отбитие похищенного и т. д. Сходство это наблюдается в целой связанной группе моментов рассказа и в последовательности их (например быстрое вырастание, опасные игры богатыря, овладение конем, женитьба с преодолением препятствий и т. д.). Сходство казахских былин с мировыми повестями подобного вида выражается в метафоричности и образности, отчасти даже в тождественности самих символов (нападает, как сокол на лебедей; гонит, как овец; трупы, как снопы; быстрый, как ветер; красива, как цветок; румяна, как яблоко; общая свадебная символика).

Этот интернациональный шаблон, разделяемый и казахским эпосом, не сложился нигде путем заимствования одной национальной литературой у другой, если не считать случаев с отдельными произведениями. Даже существующие варианты этого шаблона, объединяющие отдельные группы национальностей, необъяснимы только заимствованием, и основа данного шаблона и его варианты получили общность, сходство и совпадение своих признаков от общего уровня культурного развития, от однородного общественного состояния разных народов.

Народы, ведшие кочевой образ жизни, имели, конечно, много родственных черт между собою, много общего в быте, в культуре и в литературе, как отражение жизни. Вот почему, например, казахский эпос имеет такие общие черты с ойротским, которые не встречаются в эпосе европейских народов. Таким образом, эпос некоторых азиатских народов представляет собою особый вариант общемирового шаблона.

Общность в основном шаблоне и обособленность его вариантов сказывается и при сопоставлении казахского героического эпоса с русским. При таком сопоставлении индивидуальные черты казахского эпоса выступают особенно ярко. Из параллелей, приведенных выше при каждой казахской былине, сходство казахских былин с русскими показано как в масштабе основного шаблона, так и в отдельных деталях. Это сходство не таково, чтобы можно было говорить о взаимодействии обоих эпосов, несомненно они независимы. Не перечисляя мелких особенностей казахского эпоса, отражающих своеобразие быта и оригинальных стилистически, что отмечалось выше при каждой былине, остановимся на самых литературных приемах, делающих казахский эпос особо привлекательным. Одно из его достоинств — реализм, верность

быту — вплоть до жестов. Превосходны такие живописные картины повседневности, как, например: старик со старухой у огонька своей юрты, старик-чобан, отдыхающий в зной под тенью своей рубашки, брошенной на посох; задумавшийся над своей участью слуга; красавица, опирающаяся на арбу; явление святого предка с книгой и на ослике; бессонная ночь батыра в юрте своих родителей и пр. В русских былинах больше стилизации; при внутренней правде, каждое изображение оформлено внешне сказочно. Сказочность есть и в казахских былинах, но умереннее, реальная повседневность в них преобладает. Получается впечатление, будто русские былины относятся к седой древности, к некоей древней родине, а казахские — моложе, стоят на пороге нового времени и тесно связаны с кочевьем, следы которого только теперь изглаживаются окончательно.

Казахские былины отличаются лиричностью и психологизмом. Наиболее полны чувством и поэзией обильные диалоги, которыми обмениваются близкие, при разлуке, при несчастье, и монологи разлученных и униженных или, наоборот, неожиданно осчастливленных. Иные монологи обладают некоторой сценичностью, в них размышления персонажа прерываются восклицаниями, символизирующими действие (например жалобы на судьбу — понуканием разбредającego стада). Чувствительные монологи-причитания в русских былинах встречаются редко, а из диалогов общими с казахскими былинами являются здесь переговоры поединщиков перед боем и богатыря с конем. Некоторые психологические положения отличаются в казахских былинах сложностью, не знакомой русским былинам. Имеем в виду взаимоотношения Камбара, Назым и Карлыги, а равно и Кортки с Кобланды. Достоинством повествования казахской героики является и пользование юмором. Юмор есть и в русских былинах, но он выражен в них в виде острот, насмешливых речей, смешных поз („окорач“) и позорящих действий, например — палочной расправы, в виде отталкивающей внешности (голова Идолища — Тугарина — Уланища), единично — в виде обмана князя Владимира женою Ставра, переодевшейся молодым и сватавшейся за любимую княжескую дочь, т. е. только в последнем примере юмор нашел себе развитое выражение. В казахских же былинах юмору предоставлен большой простор. Сверх острот, насмешек, комической наружности персонажей, в казахских былинах даны целые картины, целые эпизоды, полные юмора. Вспомним поездку лукавого пастушонка на шее царевны (Алпамыс); причитания псевдо-юродивого и диалоги его с картавыми и глупыми женщинами (Алпамыс); погоню щербатого раба за обиженным гостем-сватом (Саин); избиение нахала, выраженное в комических метафорах (Камбар); лстивое восхваление льва, сделавшее его смешным (Шура); состязание в беге женщин, забывшихся

до неприличия; похождения конного нукера, оказавшегося пешим (Шурà) и др. Вспомним, наконец, теплый и тонкий юмор, пронизывающий причитания близких герою (Алпамыс и др.). Надо отметить, что комические персонажи казахских былин являются наиболее жизненными.

Отличием казахских былин является также наличие в них „предистории“, повествующей о родителях батыра, которые вымалывают его рождение.

В русских былинах такой предистории нет, если не считать эпизода с зачатием змея, восходящего, повидимому, к повести об Александре Македонском. Обычно мать богатыря — уже „матера вдова“. Большинство русских былин не дают полной последовательной биографии, а посвящены отдельным эпизодам деятельности героя. Биографическая полнота более свойственна русским сказкам, в которых вообще можно встретить некоторые параллели к эпизодам казахских былин, не имеющимся в былинах русских, поскольку они нам известны.

БЫЛИНА О ЕДЫГЕ

Былина о Едыге отличается от других казахских былин. Она историчнее и сосредоточивается не на богатырстве и подвигах, а на взаимоотношениях двух персонажей — мудрого потомка святых — Едыге и хана Тохтамыша, принявшего его на службу. Названия, имена и другие подробности былины свидетельствуют о том, что она повествует о золотоординских правителях Тохтамыш-хане и эмире Идиге, Едигее русских летописей, действовавших в последней четверти XIV и в начале XV в. По персидским летописям¹ биографии и взаимоотношения этих лиц таковы.

В начале 70-х годов XIV в. золотоординский Урус-хан замыслил расширить свою область со стороны средней Азии и собирал уже для похода своих эмиров. Отец Тохтамыша, управлявший Мангышлаком, не явился в поход, и за это был казнен. Тохтамыш несколько раз убегал из Орды, но возвращался, и ему, как несовершеннолетнему, бегство прощалось. В 1376—1377 гг. Тохтамыш окончательно оставил область „убоявшись группы людей, которые замыслили к нему вероломство“. Надо думать, что Идигу был эмиром Уруса в это время, но нельзя установить, был ли он уже тогда недоброжелателем Тохтамыша. Итак, Тохтамыш бежал к Тимуру (Тамерлану) в Самарканд. Тимур дал ему приют, отвел область в южном Казахстане и по Сыр-Дарье и помогал ему в войне с сыновьями Урус-хана. Когда потерпевший поражение Тохтамыш был привезен в Бухару к Тимуру, туда прибыл бежавший из области Урус-хана Идигу и сообщил, что Урус-хан сам гонится за Тохтамышем. На требование Урус-хана выдать Тохтамыша Тимур отвечал отказом, выступил с Тохтамышем против Урус-хана и опустошил его область. Посаженный Тимуром в 1378—1379 гг. на престол Дешт-и-Кипчака, после борьбы с последним сыном и преемником Урус-хана, Тимур-Меликом, Тохтамыш овладел Золотой Ордой. Когда к Тохтамышу привели плененного в бою с Меликом его главного эмира, Балтычака, Тохтамыш обещал ему сохранить за ним этот сан, если тот признает

¹ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, II, собр. В. Г. Тизенгаузеном, изд. Акад. Наук СССР, 1941.

его своим государем. Балтычак с ненавистью отказался и потребовал себе смерти. И Тохтамыш убил его. Этот Балтычак был отцом Идигу... Благодаря поддержке Тимура (Тамерлана), царство Тохтамыша стало развиваться. Пока были живы старшие эмиры улуса, они постоянно наставляли Тохтамыша в искреннем отношении и благодарности к Тимуру, но группа смутьянов восстановила Тохтамыша против Тимура. Тохтамыш стал нападать на области Тимура и вызвал против себя его походы на Кавказ и Дешт-и-Кипчак 1384—1387, 1388, 1390—1391 гг. Побеждая войска Тохтамыша, Тимур сначала не лишал его своего расположения. Но затем, когда Тохтамыш, прислав Тимуру извинения, не прекратил военных действий, Тимур собрал огромное войско, назначил для его центра проводниками Тимур-Кутлуга, Кунче-оглана и Идигу-узбека и двинулся в Дешт-и-Кипчак. Перейдя приток Волги, Ик, Тимур получил от пойманных „языков“ такое сообщение: „перед этим два нукера бежали от Идигу, пришли сюда и сообщили о выступлении Тимура и сказали, что он идет сюда с огромным войском...“ У Тохтамыш-хана от этого известия в уме вспыхнул огонь энергии, он послал и собрал войска. Около реки Черемшана произошла великая битва. Войско Тохтамыша бежало. В „это время“ Тимур-Кутлуг, Кунче-оглан и Идигу, „которые были старинными врагами Тохтамыш-хана“, пришли искать убежище у Тимура. Он обласкал их, и они просили: „Если выйдет высочайшее указание, мы пойдем по своим домам, приготовим их для переселения и придем к его величеству“. Тимур согласился под условием их скорейшего переселения с семьями и родными. Однако, как только они прибыли в свои дома, стали забывать обещанное и не соблюли свои слова. Тимур-Кутлуг-оглан в том же 1391 г. сел в Узбекском улусе (Золотая Орда) на царство, а эмирство досталось Идигу. Есть известие, что прежде чем Тимур-Кутлуг сел на царство, Тохтамыш бежал в Литву и оттуда пошел с большим войском, „чтобы отразить Темир-Кутлуга“. На берегу р. Волги они дали сражение. После многих боев Тохтамыш бежал „и большая часть войска урусов (!?) была убита руками узбеков“. После этого Тимур-Кутлуг и Идигу „из-за потребности времени“ стали действовать совместно в делах государства и скоро привели его в порядок. В 1394 г. Тимур (Тамерлан) предпринял через Северный Кавказ второй поход на Дешт-и-Кипчак против Тохтамыша. Хотя Тимур и обменивался с ним дружелюбными речами, но „так как золотоордынцы несколько раз говорили о дружбе, закладывали основание мира и не соблюдали верности, поэтому-то Тимур не обратил внимания на слова их“ (вариант — „на слова узбека“, т. е. Тохтамыша). Тимур дважды разбил Тохтамыша на ~~узбеке~~ и, погнавшись за ним, переправился через Волгу. Тохтамыш едва спасся в леса. Это

было в 1394—1395 г., после чего мы не имеем сведений о самом Тохтамыше до 1404—1405 г. Преследуя другие войска Тохтамыша и приводя в покорность области Дешт-и-Кипчака, Тимур опустошал территорию от Днепра до Волги, от Сарая до Азова, взял русский город Карасу, чуть не дошел до Москвы, завладел Астраханью и сравнял г. Сарай с землею. Вернувшись с победой в Самарканд в 1396—1397 г., Тимур вызвал послов, которые прибыли от Тимур-Кутлуг-хана, от эмира Идигу и Хызр-ходжи (т. е. из Золотой Орды) и одарил их. Посольство же их было следующее: „Мы все рабы, слуги и пользующиеся поддержкой его величества. Если до этого царапины вражды раздирали лицо нашей искренней преданности, то затем мы увидели в зеркале ума порочность этого и отдернули ногу от этого положения. Если его величество... простит то, что прошло, то после этого мы не отступим ни на шаг от большой дороги службы и не поднимем головы от порога подчинения“. Тимур простил и разрешил золотоордынским послам вернуться. После смерти Тимур-Кутлуга в 1399—1400 г. улус его смещался, и его правящие враждовали и боролись друг с другом. Так как улус Узбекский любил иметь во главе потомка Чингиса, то Идигу „по необходимости“ посадил на престол Шадибек-оглана (1400), „который по праведности и способностям был известнейшим и старейшим“. Так как Идигу ввел стеснительные обычаи и законы, то Шадибек задумал уничтожить его. Идигу догадался, и Шадибек принужден был бежать к эмиру Дербендскому, у которого и умер (1408—1409). В 1404—1405 г. посол Идигу привез из Дешта в Самарканд Тимуру подарки и послание с изъявлением покорности и подчинения. В 1405 г. прибыл к Тимуру посол от Тохтамыш-хана, „который уже некоторое время скитался по степям в плохом положении и растерянный“, и изложил следующее послание Тохтамыш-хана: „Возмездие и воздаяния за неблагодарность, за благодеяние и милости я видел и испытал. Если царская милость проведет черту прощения по списку прегрешений и проступков этого несчастного, то он после этого не вытащит головы из узды покорности и не сдвинет ногу с пути повиновения“. Благородный по характеру Тимур обласкал посланного и обещал следующее: „После... похода я... опять покорю улус Джучиев (Дешт-и-Кипчак, т. е. Золотую Орду) и передам ему [т. е. Тохтамышу]“; „но начертание пера судьбы было другое“ — Тимур вскоре умер в Отраре [город в южн. Казахстане] 18 II 1405 г., а вслед за ним умер и Тохтамыш (до 28 VI 1405 г.) „в окрестностях русских“ (или „в пределах Тюмени“). В „Анониме Искандера“ есть интереснейшая характеристика Тохтамыша „сына Туй-ходжи-оглана“ (т. е. Чингида) и „Кутан-Кунчек“ (или Куй-Кучик), которая была „из племени Конгурат“. „Он [Тохтамыш] был царем способным, храбрым, с хорошим обращением, красивым. Справедливость

и хороший характер его общеизвестны. Однако из-за неблагодарности, которую он проявил по отношению ко двору Тимура, все эти его хорошие качества и похвальные свойства пропали и погибли. Это было так, что Тимур, вследствие благосклонности, которую он имел к нему, обсуждал с ним кое-что из государственных дел царства и дал ему испытать кое-что из тайн завоевания и владычества над миром. Характер его не вместил этого, и он хотел в этих же вопросах противоречить своему учителю. Это не удалось... Когда Тохтамыш одолел врагов державы, он послал Тимуру сообщение о победе, наполненное разными видами лести. Его величество послал ему в ответ несколько милостивых советов, как держать власть и державу... Тохтамыш, согласно этим советам, также обманывал правителей отдаленных пограничных областей, пока заполучил их; кого он нашел пригодным оставить при себе, удержал; тех, которых нашел пригодными для охраны этих границ, вернул обратно, а тех, которые не соответствовали его пользе, уничтожил. Он овладел властью во всем улусе от границы Литвы, крайнего населенного места на севере, до пределов Кафы и сделал своей столицей Сарай султана Берке. В продолжение 17 лет он находился на ханском престоле, после же этого, вследствие бунта и неблагодарности к Тимуру, он оказался на границе гибели и исчезновения, лишился крова и, наконец, умер естественной смертью в 807 г. (10 VII 1404—28 VI 1405) в пределах Тулина" (вероятно, Тумина, т. е. Тюмени, в которой, по русским источникам, погиб Тохтамыш). После Тимура (Тамерлана) царствовал Шахрух — с 1405 по 1447 год.

В 1405—1406 г. главный эмир (эмир-ал-умара) Шадибека, Идигу, выступив из Дешта, взял Хорезм и, оставив там эмира, ушел в Дешт. После Шадибека в Узбекском улусе царствовал около двух лет сын его, Пулад-хан (по 1410—1411 г.), при котором Идигу был полным обладателем власти. В 1409—1410 г. к Шахруху в Самарканд прибыли в качестве послов нукеры Пулад-хана, эмира Идигу и эмира Айсе, „которые были обладателями власти в Дешт-и-Кипчаке и в странах узбекских, и привезли подарки и льстивое послание с просьбой: „мы просим, чтобы отныне достигнуты были улучшение взаимных отношений и обоюдное согласие“. Шахрух послал подарки Пулад-хану, Идигу и Айсе и предложил Пулад-хану, чтобы он обручил царевича Мухаммеда-Джуки-бахадур с дочерью эмира Идигу, принадлежащего к племени Мангут. В 1410 г. вернулся к Шахруху тавачи, ездивший в Узбекскую область, и доложил о восхищении Идигу от письма Шахруха и о его покорности. В 1410—1411 г. в столицу Шахруха, Герат, приезжал сам эмир Идигу из страны узбеков и Дешт-и-Кипчака. По смерти Пулад-хана, Идигу, также по необходимости, посадил на престол Золотой Орды Тимур-султана по согласию с его отцом — Тимур-Кутлуг-ханом. Снова большое

государство выправилось. Идигу даже выдал за Тимур-султана свою дочь, чтобы путем родства прекратить доступ наговора. Через некоторое время Тимур-султан овладел расположением людей, и они склонялись уничтожить Идигу. Возникла вражда, и Тимур-султан один-два раза сражался с Идигу. Так как у узбеков всегда было стремление к державству потомков Чингис-хана, то многие направились служить ко двору Тимур-султана, и он стал сильным. Идигу по необходимости распрощался со своим государством и бежал в Хорезм (1411—1412), где Тимур-султан полгода осаждал его. В это время сыновья Тохтамыша Джелал-ад-дин-султан, Султан-Хуссейн и Мухаммед неожиданно бросились в тот улус (Золотую Орду). Те, кто видели от их отца много благополучия, перешли к ним. Сняв осаду Хорезма, Тимур-султан направился против этих сыновей Тохтамыша, но весь улус присоединился к ним, а Тимур-султан бежал и был убит. Джелал-ад-дин-султан сначала распорядился схватить Идигу в Хорезме, а затем запретил его трогать, если он пришлет своего сына Султан-Махмуда (от сестры Джелала) и если будет чеканить монету на имя Джелал-ад-дина. Заклучили мир с Идигу и оставили его в Хорезме. В 1413 г. Шахрух взял Хорезм, управлявший им сын Идигу Мубарекшах бежал к отцу.

Итак, картина взаимоотношений Идигу и Тохтамыш-хана на основании персидских летописей рисуется в таком виде. И Идигу и Тохтамыш-хан с юности находились в Золотой Орде, и оба принадлежали к знати этого царства. Они даже состояли в свойстве: Идигу был женат на сестре Тохтамышева сына. Тохтамышу пришлось бежать из Золотой Орды, хан которой, Урус, казнил его отца, и со стороны целой группы замышлялось вероломство против самого Тохтамыша. Бежав к Тимуру (Тамерлану), Тохтамыш воевал при его помощи с сыновьями Урус-хана, но несчастливо. О том, что за Тохтамышем гонится сам Урус-хан, принес Тимуру известие Идигу, бежавший из области Урус-хана. Это как-будто свидетельствует, что до сих пор между Тохтамышем и Идигу вражды не было. Когда Тохтамыш овладел Золотой Ордой, победив Урус-хана и его сына, то убил отца Идигу, плененного в бою с сыном Урус-хана и отказавшегося признать Тохтамыша своим государем. Вероятно, с этого времени и началась вражда Идигу с Тохтамыш-ханом. Далее Тохтамыш-хан, забыв благодеяния Тимура, выступил против него и около десяти лет провел в войне с ним, постоянно терпя поражение и временами присылая Тимуру покаяние в измене. Когда Тимур двинулся на Золотую Орду против Тохтамыша, к Тимуру пришли оттуда искать у него убежище три эмира, „которые были старинными врагами Тохтамыша“. В их числе был Идигу, действительно около десяти лет ненавидевший

Тохтамыш-хана (считая от года убийства отца Идигу). Эти эмиры и были проводниками войск Тимура в область Тохтамыша. Идигу и два эмира, его спутники в бегстве к Тимуру, обещали было совсем переселиться к нему из Золотой Орды вместе со своими родичами, но вернувшись в Золотую Орду, не сдержали слова. Один из них (Тимур-Кутлуг-оглан) сел на царство в Золотой Орде, престол которой с этих пор уже не вернулся к Тохтамышу. Главным эмиром нового хана стал Идигу. Еще пять лет Тохтамыш пробовал сопротивляться войскам Тимура, действовавшим на пространстве огромной территории, но был окончательно разбит, едва спасся и на десять лет канул в неизвестность. Ханы Золотой Орды и сажавший и смещавший их эмир Идигу периодически свидетельствовали Тимуру о своей верности и покорности. Накануне своей смерти Тимур простил Тохтамыша, скитавшегося по степям. Но вскоре умер и Тохтамыш. Идигу продолжал быть полновластным эмиром и при следующих ханах Золотой Орды, уцелев даже при сыне Тохтамыша на ее престоле. По другим историческим источникам Тохтамыш был убит Едыге в 1406 г. В свою очередь Едыге был убит сыном Тохтамыша Кадыр-берди в 1419 г.

По былинне, Едыге был сыном святого чудотворца и водяной женщины. Она оставила свое дитя, которое отец принес во владения ногайлинского Тохтамыш-хана. Выучившись и нанявшись в пастухи, восьмилетний Едыге остроумно размышлял запутанные тяжбы, причем сам Тохтамыш одобрил его решения. Вызвав Едыге, Тохтамыш-хан поручил ему решать трудные споры, приходящие из Крыма, и отражать вражеские набеги из степи. Безопасность Тохтамыша увеличилась от этого, но по неким чертам поведения Едыге жена хана догадалась, что „предназначение этого наемщика выше предназначения“ Тохтамыш-хана. Попробовали отравить Едыге на пиру, но предупрежденный, он ускакал и остановился в степи между Яиком и Волгой. В это время древний старец предсказал растрепанному Тохтамышу, что если бежавший джигит-герой доберется до Сатемир (Тимур)-хана, то, получив от него войско, завоеует всю Ногайлинскую область. Посланные в догон батыры Тохтамыша звали Едыге вернуться, обещая ему милости, но он отказался возвратиться с повинной к хану, запятнавшему свою честь, и обещал разгромить его. Поехав далее, Едыге набрал дружину в 17 человек и по дороге хитростью освободил дочь Сатемир-хана, который затем и выдал ее за Едыге. Дитя от этого брака, Хан-Нуралин, выросши, напомнил Едыге о его клятве отомстить Тохтамышу. Потеряв в безлюдной пустыне войско, полученное от Сатемира, Едыге с сыном одни достигли области Тохтамыша, тот велел народу покориться им, а сам решил расстаться с царством и бежать. Ставши ханом в области Тохтамыша, Едыге

женился на его дочери, а другую его дочь предназначил в жены Нуралину, который отправился на поиски Тохтамыша. Несмотря на совет отца сохранить жизнь хану, если он проявит бесстрашие в единоборстве, Нуралин снял с Тохтамыша голову. Какой-то встречный предсказал Нуралину, что и для его отца наступит черный день. По коварному совету, Едыге взял себе в жены и невесту сына, за что вернувшийся Нуралин поссорился с отцом, разделил народ с ним поровну и с своей частью переселился на другой берег реки. Бежавший в свое время сын Тохтамыш-хана, Кадырберди-султан, собрал остатки своего народа и поехал искать Едыге. Войдя во дворец Едыге, Кадырберди схватил и осрамил его. Не стерпев этого позора, Едыге и Нуралин умерли, Кадырберди стал ханом в царстве отца своего Тохтамыша.

Связь между летописными и былинными фактами несомненно ощущается. В былине находят место даже такие детали, как свойство Едыге с Тохтамыш-ханом через женитьбу на его дочери, или, например, имя его сына—Кадырберди, известное по родословию. Исторический Едыге действительно бежал к Темиру и в его войсках выступал против Тохтамыша. Правда, в персидских летописях о деятельности Кадырберди ничего неизвестно, против Едыге выступали другие сыновья Тохтамыша, особенно Джелал-ад-дин-султан, но в каком-то еще источнике сообщается, что, мстя за смерть отца, Кадырберди убил Едыге, среди же сыновей Едыге в летописях Нуралин не называется. Знаменательно соотношение летописей и былины также тем, что Тохтамыш-хан изображается не без симпатии, а Идигу—Едыге не без упрека.

Переходим к пересказу былины о Едыге-батыре и, попутно, к характеристике ее поэтического изображения.

В древние времена у святого Баба-Гумара (ср. Баба-Омар в былине о Саине) родился сын, которому дали имя Бабай-Тукты-Шашты-Азиз. Двадцати пяти лет Бабай-Тукты отправился в мир творить чудеса. Следует заметить, что чудотворец с этим именем посмертно действует в нескольких былинах как податель сына-батыра бездетным родителям и как покровитель самого батыра (см. в былинах об Алпамысе и Шора). На берегу огромной реки Агон Бабай-Тукты увидел девицу, расчесывавшую золотым гребнем золотые волосы. Заметив его, она нырнула и спряталась под водою. Бабай-Тукты бросился вслед за нею и увидел под водою шестьдесят белых юрт. Там сидела девушка: „сказал бы солнце — глаза есть, сказал бы месяц — есть рот“, так была она красива. Бабай-Тукты хотел было бежать от греха, но девушка сказала, что он согрешит еще больше, если не женится на ней. И Бабай-Тукты женился. Молодая попросила мужа исполнить три завета: во время разуванья не смотреть на ее ноги, при раздеванье не смотреть ей подмышку, при мытье головы

не глядеть ей на голову. Бабай-Тукты нарушил эти заветы и увидел, что у жены ноги козлиные с копытами (ср. в апокрифе о Соломоне ноги царицы Савской), через подмышку увидел внутренности жены и сквозь темя, с которого она сняла кожу, увидел ее мозг. Жена догадалась об этом и поднялась к небу, сказав мужу, что, имея в чреве шестимесячное дитя, она, родив его, оставит на берегу реки Нила, под стенами Кимкент-города, где муж и найдет его. Бабай-Тукты действительно нашел там своего ребенка, завернутого в шелковый платок. И потому, что ребенок этот безвременно рожден в безлюдной пустыне, то и назвал его „Едыге“.

Потеря жены вследствие нарушения мужем ее заветов и отлет ее — мотив фольклора многих народов. Наименование найденного ребенка соответственно обстоятельствам, в которых он найден, есть, например, в „Повести о Вавилонском царстве“ — именно наречение ребенка Навходоносором. Найденного сына Бабай-Тукты принес во владения Тохтамыша, повелителя сильного народа ногайлинского. Воспитав ребенка до трех лет, Бабай-Тукты отдал его учиться мулле, а сам улетел неведомо куда. Едыге учился до восьми лет у муллы. Однажды он поборол всех девяносто своих школьных товарищей и, сложив их одежды в кучу, сел на верх ее со словами: „Вот я сел на трон Тохтамыш-хана“ (тоже фольклорный мировой мотив). Далее Едыге выступает в роли остроумного, непогрешимого судьи тяжб; рассказаны четыре случая их, схожие по обстоятельствам и решениям с судами Соломона. Мудрый мальчик, разгадывающий загадочные положения и решающий правильно запутанные отношения, — фольклорный мотив, параллели которого отмечены, например, в исследовании о Соломоне и Китоврасе А. Н. Веселовским (между прочим, буддийские и, кажется, в рассказах Викрамадитьи). 1) Двое встреченных Едыге и его товарищами просили Едыге разорвать их спор, за решением которого они шли к Тохтамыш-хану. Одному из спорящих принадлежали Волга и Яик и звери на этой территории. Заметив здесь зайца, он пошел за ружьем, но пока ходил, другой убил зайца и взял его себе. Кому принадлежит заяц? Велев мальчику держать зайца, Едыге предложил владельцу территории выстрелить в зайца на расстоянии выстрела, уже сделанного вторым спорщиком. Когда тот попал в зайца, Едыге присудил зверька ему. Второй спорщик остался недоволен, оба пошли к Тохтамышу. Выслушав их, Тохтамыш признал решение Едыге справедливым: „лучшего я и не могу сказать“. 2) Когда восьмилетний Едыге, чтобы приобрести средства к жизни, нанялся пасти баранов, четверо прохожих обратились к нему за разрешением такого спора. Будучи братьями, они все четверо унаследовали одну хромую скотину, голова досталась старшему, каждому из остальных пришлось по ноге. Скотина истоптала чужую

пашню, и хозяин потребовал за четыре ее следа четыреста тиллей. Какая доля уплаты подлежит каждому из братьев? Младшего из братьев, которому принадлежала хромая нога скотины, Едыге счел свободным от уплаты; старший, владеец головы, должен уплатить двести тиллей, потому что голова вела все дело; двое средних должны уплатить по сто тиллей, ибо здоровые ноги увлекали больную. Оставшись недовольными, трое братьев пошли к Тохтамышу. Тот признал решение Едыге правильным. 3) Двое прохожих, ведшие четырехлетнего верблюда, рассказали Едыге свой спор о том, кому из них верблюд должен принадлежать. Один спорящий говорил, что в этом верблюде он узнал верблюжонка, который некогда был у него украден; другой говорил, что верблюд этот родился от собственной его верблудицы и от рождения принадлежал ему. Едыге предложил тому и другому спорщику привести верблудиц, которые выставляются матерями оспариваемого животного. Когда Едыге, мучая верблюда, заставил его закричать, действительная мать верблюда отвечала ему криком же. Владельцем верблюда Едыге признал ее хозяина. Тохтамыш признал решение Едыге правильным. 4) Одного ребенка оспаривали две женщины, называясь каждая его матерью. Едыге сделал вид, что хочет рассечь его, чтобы предоставить каждой женщине по половине. Тогда одна женщина сказала: „делайте что хотите“, а другая воскликнула: „не убивайте ребенка, отдайте лучше ей, когда дитя вырастет, оно найдет меня, настоящую свою мать“. Ее то и признал Едыге матерью. Тохтамыш одобрил это решение. Распорядившись привести к себе Едыге, Тохтамыш-хан велел переодеть его в соболью шубу, дал ему серого иноходца для езды „бескрайнего моря“, подарил белого кречета с золотым прибором и назначил Едыге решать трудные споры, приходящие из Крыма, и уничтожать врага, делающего набег из степи. Едыге тяжбы решил, неприятелей побил. Тохтамыш-хан начал жить спокойно, управляя только своим народом. Но однажды жена ему сказала о Едыге, что предназначение этого наемщика выше предназначения Тохтамыш-хана, о чем свидетельствует дрожь испуга, постоянно овладевающая ханом, при словах утреннего приветствия Едыге: „да спасет вас бог!“ Чтобы убедить хана, жена приколола низ его платья к полу иглой, которая и переломилась, как только Едыге вошел в юрту с этими словами. Для уничтожения силы этого предназначения жена хана налила в деревянную чашку устоявшейся простокваши (катык) и помочилась в нее, а затем поднесла Едыге. Тот вынул нож, разрезал катык на четыре части, перемешал и, подняв чашу, выпил. „Хорош ли катык?“ — спросила ханша. „Если бы посуда не так была стара, то был бы порядочный“, — ответил, уходя, Едыге. По толкованию Тохтамыша, это означало: „Если бы не старой бабы

моча, катык был бы очень вкусен". Ханша же дополнила толкование догадкой, что Едыге разделит народ Тохтамыша на четыре части, как катык, и взбунтует его. Решено было убить Едыге. Именно, собрав весь ногайлинский народ в огромной юрте на границе государства, сделать Едыге разносчиком напитков и, когда народ станет угощать его самого, поднести ему отравленный шербет и одурманенного убить. Беседу хана с женой слышал друг Едыге, шестилетний Ангу-син, который предупредил Едыге. Он дал Едыге козий мех под платье, чтобы сливать туда отраву, и взялся подрезать левые стремяна у коней приглашенных, о чем и дать знак песней. Всё так и произошло. Услыхав песню, Едыге бросился из юрты мимо девяти богатырей, поставленных у входа Тохтамыш-ханом, которые в суматохе поразили ножами друг друга. Едыге вскочил на коня Тарланбаза и помчался, подняв наскоку с земли лук со стрелами. Шестьдесят силачей, стоявшие в засаде, настигли Едыге, но побоялись вступить с ним в бой, и он, уйдя от них, остановился в степи между Яиком и Волгою. Между тем, ногайлинский народ в смутении не знал, что делать. Тогда Тохтамыш поставил у порога своей юрты своих девять богатырей, какими были: сын Есента, Кубайберди; двое — Кос Даулет из рода Мойтан; вождь аргынов — Каракожа; Кара-Кипчак Кобланды; сын Акбалтыра, Уак; сын Монжара, Шуак; сын Кенеса, Конджаной, и затем поодиночке и попарно спрашивал у каждого из них совета. Все девять батыров высказались неудачно; не одно их слово:

До сознания хана не дошло,
И его смысла он не понял.

И каждого из них хан прогнал из юрты. Тогда хан велел доставить к себе „перевидавшего многое („сумаяка“ — хитроногого)“ „всезнающего“ старца Суп-Жираву, „шелками подвязав ему челюсть“. Войдя в юрту хана, почтительно склонившись и сложив руки, старец, запел:

Поет он и рассказывает думу,
Рассказывает и говорит.
Когда старец запел, стал рассказывать думу и заговорил,
Многочисленные ногайлинцы окружили его.
Лучшие из них, понявшие смысл слов старца,
Восклидая: „что такое случилось?“
Взволновались и зарыдали,
Дурные из них, не понимавшие смысл речи:
„Этот пронзительный, на старости лет
Впал в детство, плетет чепуху“, — восклицая так,
Нехотя слушают нахodu.¹

¹ Буйному Добрыне, прибывшему на свадьбу своей жены, перерядившись скоморохом, Владимир князь отводит место на печи:

В начале песни-думы Суп-Жираву перечислил виденных им
ногайлинских ханов, каковы „главный из главных Бастык-
хан“, после него Кедей-хан, после — Али-хан, после — Карахан,
корноухий Назар-хан, „натягивавший в двенадцать ладоней
стрелу“, „после него храбрый Чингис..., с башней в сорок
саженей Озден султан — Жанибек..., твой прадед Дамбаул“ —

Я, видевший того старец.

Хоть молод ты, Тогум-хан [ласкательное от Тохтамыша],

Я, видевший тебя старец.

Достигши ста восьмидесяти лет,

Когда жизнь едва лишь тлеет в теле

Я, когда прошла моя пора,

Когда наступила твоя пора,

Когда прошли столько ханов;

Вчера ушел с гордой осанкой,

С отвислыми губами отважный джигит [разумеется Едыге].

Вот, достигший столько лет,

Такого джигита-героя, я не видавший старец!

Когда, подойдя со спины, присматриваюсь к нему,

Будто небесной гневной силой порожден он,

Подоюда спереди, присматриваюсь к нему,

Будто пламенем порожден он.

Уйдет тот — одинокий,

До Сатемир-хана [Тимур, амир Темир, Темир Аксак, Тамерлан]

Доберется тот,

Если Сатемир-хан даст войско,

Если господь-бог облегчит его путь,

Тогда через сорок холмов, раскинутых по степи,

Лишь в сорок шагов пройдет он.

В сорокадневных пространствах безводных

Огромные озера, светлые источники проведет он...

Как метель и вьюга он со всех сторон тебя

[Тохтамыш-хана] обойдет.

Вы — сильный ногойлинский народ,

На вас — беспечный, мирный народ,

Он, изготовившись как голодный хорек,

Как голодный волк налетит;

На ваши стойбища с боевым кличем

Нападет он, разгромит их.

По обоим берегам Ишима — отвесные обрывы,

Там по переходу водопой проведет он.

Скоморошина тут местом не побрезговал,

А скочил на печку на муравлену,

Зайграет тут в гуселышка яровчаты.

А на той было на печки на муравленой

А играет-то Добрынюшка во Киеви,

А на выигрыш берет да во Цари-гради,

А от старого да всех до малого

А повыиграл поименно.

Вси же за столом да призадумались,

Вси же тут игры да призаслухались,

Вси же за столом да испроговорот:

„А не быть же нунь удалой скоморошины,

Быть же нунь дорожно добру молодцу,

Свято-русьскому, могучему богатырю.“

Добрыня и Алеша. Сб. Гильфердинга, № 5,
по сб. Ю. М. Соколова, стр. 118; по сб. С. К.
Шамбинаго, стр. 98.

Черная возвышенность у истоков Иртыша,
Все это пространство завоеует этот отважный юноша...
Тот самый одинокий отважный юноша
Пока еще далеко не ушел,
Пока не переправился за Волгу.
Вот твоих [т. е. Тохтамыш-хана] девять богатырей,
Всех за ним ты пошли,
Затем обманом, хитростью приблизь к себе,
Приблизь к себе и голову его сруби.
Если благополучно он уйдет,
Если через Волгу переправится он
Если до Сатемир-хана дойдет он,
Он—враг и не успокоится до тех пор,
Пока не отмстит тебе.

С этими словами Суп-Жирав умер. Тохтамыш послал девять своих батыров сманить Едыге и отрубить ему голову. Они застали Едыге сидящим на берегу Волги, но, испугавшись его грозного вида, не посмели с ним заговорить. Только после упрасиваний товарищей сын Кенеса, Кок-Жамбай, приблизился к Едыге и стал его уговаривать вернуться и служить хану. За это Тохтамыш даст ему аргамака и стадо кобыл и отделит целую область. Едыге ждет и невеста неопишущей красоты, дочь знаменитого Омар-хана. Едыге отказался вернуться и отверг все предложения Тохтамыша, высказанные Кок-Жамбаем, подробно повторив их в легком стилистическом варианте. Также повторены им в соответствующем варианте все угрозы Тохтамыш-хану с его стороны, выраженные в предсказании Суп-Жирав. Ответ свой, полный блестящими метафорами, Едыге закончил гордой характеристикой самого себя и презрением к девяти богатырям хана. Едыге поехал дальше, и девять батыров не посмели его преследовать. По дороге Едыге набрал себе 17 товарищей, но они еле выдерживали его езду и воздержание в пище. Едыге увидел сон и рассказал им его:

Я сегодня во сне
На белую лошадь с золотым седлом
Взобрался, ухватившись за ее гриву,
Затем обратился в белого кречета
И на небо взлетел.
По небу ангелы летали,
С ними я поговорил.
И выше их полетел
По небу летел серый гусь,
Там же, на небе его схватил,
Сел с ним на горе „Тор“
И начал клевать его грудь.
Что это значит, мой семнадцать?

Над значением сна товарищи призадумались. Только один из них, проживший долгую жизнь старец нашел разгадку и объяснил сон как счастливый: Едыге достигнет всех своих

желаний, прославится народом, святые ему помогут, его поддержит сам пророк Илья:

„Если ты [Едыге] сел на горе Торе,
Если грудью гуся насытился ты,—
Вчера тебя из своей страны
Выжил, прогнал Тохтамыш,
Вот его-то ты разоришь, уничижишь,
Заклешь его, насладишься вдоволь“.

Двигаясь дальше, Едыге с товарищами увидели вдали два шатра, белый и синий. Приняв вид желтого борзого кобеля, Едыге пробрался в шатер, где увидел дочь Сатемир-хана, похищенную титаном (алып) Кабантин, сыном великана. Едыге предупредил товарищей, чтобы они держались близко к шатрам Кабантина, к которому он сам намерен наняться слугой (косши), и что съестные припасы себе они найдут скрытыми недалеко. Едыге стал любимым слугою титана и ежедневно украдкой резал для товарищей по кобыле, которой они и питались. Едыге нашел случай переговорить с дочерью Сатемир-хана и обещал ей, убив титана, доставить ее к отцу. Вручив Едыге семь с половиной лепешек, девушка дала этим знать, что в половине восьмого дня титан должен заснуть. Едыге позвал товарищей, велел девушке открыть грудь сонного титана и, взяв лук его самого, пронзил его стрелой с наконечником, широким как баранья лопатка. Разорванный пополам, титан припомнил, что ему была предсказана гибель от витязя, рожденного от дочери пери, по имени Едыге. „Наверно тот самый Едыге — ты, трус“, — сказал титан и испустил дух. После этого Едыге отпустил на свободу 40 слуг титана, которые за это напутствовали благодетеля молитвой и отправились сообщить Сатемир-хану об освобождении его дочери Едыге. Сатемир-хан послал множество отрядов, чтобы они проводили к нему дочь и Едыге, но те пренебрежительно отнеслись к поискам „однолошадного бедняка“ и вернулись ни с чем. Наконец, путешественники прибыли к границе царства; был устроен пир, и Сатемир выдал свою дочь за Едыге. Несмотря на сожигие с титаном, она оказалась не беременной и своевременно родила сына от Едыге, которого назвала Хан-Нуралин. Будучи уже двенадцати лет, Нуралин однажды играл в бабки и биткой перешиб ногу старику. Тогда тот сказал Нуралину: „Эй, беглец, вместо того, чтобы переламывать мне ногу, не лучше ли было бы отомстить тебе хану Тохтамышу, который изгнал тебя из своей страны!“ (ср. подобную же ситуацию в былине об Алпамысе). Рассерженный Нуралин стал допытываться об этом у отца. Тот вспомнил о старой обиде и о своей клятве отомстить Тохтамышу и обратился к Сатемир-хану за помощью войском. Поход Едыге совершил успешно, что описано теми же выражениями, как в предсказании Суп-Жираву. Однако

отряды, данные Сатемиром, не выдержали езды Едыге по степям и погибли от жажды. Только лишь Едыге с сыном уцелели. Наконец, они достигли Черной горы, где на страже была посажена Тохтамышем черная старуха с вороньими ногами. Разведку Нуралин производил так осторожно, что старуха не поняла, орел это или человек. Гору отец с сыном перешли, махая черным плащом, так что старуха окончательно приняла их за орла, и они неожиданно появились на границе владения Тохтамыша. Тохтамыш-хан велел своему встревоженному народу с покорностью выйти навстречу Едыге и Нуралину, а сам решил расстаться со своим народом и бежать.

Далее идет замечательная „прощальная песня Тохтамыша“. Начинается она любовным воспоминанием о Едыге:

Был герой мой Едыге,
Ездил мой Едыге,
На мухортой лошади с белой мордой.
Лучшей чертой Едыге было то:
Тому, кто хоть на год старше был его —
„Уважаемый дядя, решайте вы“, — говаривал он.
Тому, кто хоть на год был моложе его —
„Братец, ты подожди, сначала я скажу“, — говаривал он.
У моего Едыге старинная вражда ко мне, и не изгладилась она.
Много было завистников у него,
Поддержки же не было у него.
Такого витязя, как Едыге, так-то случайно лишился я.
Слова Сыпра-Джирау
Теперь целиком сбылись.

Затем Тохтамыш перед плачущим народом поет песню Сыпра-Джирау, велит привести свою густогривую гнедую лошадь, надевает свой девятиглазый (с девятью бляхами) панцырь, непроницаемый для стрел, и, опираясь на свою сосновую пику, еще раз поет, прощаясь со своим народом:

... Эй, царство мое, мои владения!
Прежде всего я лишился тебя.
Будь в благополучии после меня!
В моем обширном владении
Мой многочисленный Ногай, и тебя лишился я.
В среде многочисленных ногайлинцев
Триста шестьдесят юрт казахов,
Вас также лишился я.
Будьте здоровы после меня!

Перечисляя далее: — свою дружину, величавое свое знамя, многоглавую орду, свои быстротечные реки, Волгу и Яик, с густогравными берегами, изобильные рыбою, места похода батыров, пастбища, местожительство своей семьи, где его сын Кадырберди родился, и многое другое, чего теперь лишился, — Тохтамыш всему этому, оставшемуся после него, желает благополучия и здоровья. Направляясь затем, чтобы укрыться в Тилькуле или Кукуле, Тохтамыш выразил надежду на свое возвращение через тринадцать лет. По дороге он заехал к одной старухе попить кумысу; страдая от жары, снял с себя

девятиглазый панцырь, приторочил его к седлу — и потерял. Воцарившийся во владениях Тохтамыш-хана, Едыге женился на одной его дочери, а другую предназначил в жены своему сыну, Нуралину. Когда Нуралин собрался разыскивать Тохтамыш-хана, отец сказал ему: „сын, в свое время меня благословили сорок мужей [ср. в былине Ер-Саян], поэтому, если ты пустишься в поиски — разыщешь, и, разыскав, снимешь голову Тохтамышу“; затем добавил: „если он [Тохтамыш]... станет просить сохранить ему жизнь — отруби голову, если же выступит бесстрашно готовым к единоборству, тогда не трогай, сохрани ему жизнь“. Нуралин в дороге напился кумысу у той же старухи, что и Тохтамыш, и нашел его девятиглазый панцырь. В это время у Тохтамыш-хана, скрывавшегося в Кукуле-куле, сердце дрогнуло, копье закачалось и согнулось. В озере вода всколыхнулась. Над ним кружилась птица-чибис и зловеще кричала. Хан испугался всех этих дурных предзнаменований и выразил тяжелое свое настроение в песне. Нуралин прискакал к тому месту, над которым кружился чибис, и встретил там Тохтамыш-хана. Каждый из них предоставлял другому первый выстрел. Наконец, хан три раза выстрелил в Нуралина, но стрелы не могли пробить панцыря, потерянного Тохтамышем и надетого теперь Нуралином. „Я погибаю от моего же оружия“, — сказал Тохтамыш и склонил голову. Нуралин отрубил ему голову и, привязав ее у седла, поехал назад. Намереваясь отдохнуть в осиновой роще, Нуралин увидел там спящего человека, а возле него черного аргамака. Сначала Нуралин решил убить этого человека, но, подумав, разбудил его, и оба они обменялись песнями. Хозяин аргамака упрекал Нуралина за убийство Тохтамыш-хана, при котором „богатство процветало в народе“, и предрек следующее:

Кадырберди-султан, став ханом
И попрежнему вокруг себя собрав народ,
Не выступит ли в поход с развевающимся знаменем?
Вот этот тяжкий день, наставший для нас,
Наступит ли и для вас?
Взяв в руки тяжелый топор,
Усевшись на спину твоему.
Пучеглазому отцу, по его затылку станет колотить —
Не настанет ли день такой?

Затем хозяин черного аргамака уехал, и Нуралин его не преследовал, сочтя его слова за пророчество свыше и чувствуя себя виноватым в нарушении отцовского запрета убивать Тохтамыш-хана. Он еще не знал, что Кадырберди-султан, сын Тохтамыш-хана, бежал с сотней людей, как только явился Едыге. Между тем, по отъезде Нуралина хан-Джамбай замыслил поссорить отца с сыном и посоветовал Едыге взять себе в жены и ту девушку, которая предназначена для Нуралина. Тот так и сделал. Увидев, как отец сидит, обнявшись с двумя девушками, возвратившийся Нуралин гневно закричал на отца:

„А!“ — и у Едыге выскочил глаз; „Ма!“ — у Едыге переломилась рука. Осыпая Нуралина упреками, отец припомнил ему свои заботы о его воспитании, и, признавая его подвиги, указывал на недостатки в них:

На черное дерево, на которое не смела сесть ворона,
Ты гуся посадил Нуралин!
На дуплистое дерево, куда не смел сесть ворон,
Ты лебедя посадил, Нуралин!
Из крыльев лебедя смастерив плот,
Через реку Волгу, Яик
Ты переплыл, Нуралин!
Ты в озеро напустил крови, откуда станешь воду пить?
Вороного аргамака ты заморил,
Где коня теперь возьмешь?
Ты упустил черного сокола,
Где достанешь птицу, чтобы охотиться с ней?
Среди всех живущих — самый близкий,
Единственный отец я твой,
Но ты и мне сначала вышиб глаз,
Потом переломил мою руку;
Где и когда успокоишься ты?

Перечислив в своем ответе каждое из метафорических изображений своих деяний (гусь, лебедь, плот), Нуралин оправдывал их тем, что совершил их „для народа“. Если в озеро напустил он крови, вместо воды будет пить шербет; вместо аргамака оседлает тулпара; вместо сокола возьмет на охоту кречета; если выжег траву, будет пасти лошадей на зеленых нивах; если вышиб отцу глаз и переломил руку, то три раза обойдет божий дом Мекку и грехи эти простятся. Сказав это, Нуралин с половиной народа переселился от отца на другой берег реки. Едыге соскучился по сыну и запел жалобную песню. Напрасно Нуралин стал ханом, он показал себя лучше воином и при достойном руководителе не совершит ошибки. Однажды жена Нуралина уколола своего сына шилом, тот заплакал. Нуралин разгневался. Тогда жена напомнила ему, как он сам поступил с отцом. Нуралин осознал свою вину перед отцом и заставил колотить себя плетью и гнать к Едыге. Тут отец с сыном помирились. Сын Тохтамыш-хана, Кадырберди-султан, собрал остатки народа и сделался его ханом. Затем из жеребенка в своем табуне он вырастил себе богатырского коня. Когда этот саврасый конь достиг одиннадцати лет, Кадырберди-султан надел на себя лук со стрелами и, сказав, что приносит себя в жертву для народа, трижды объехал вокруг него. Затем, не говоря никому, уехал на саврасом искать Едыге. Доехав до столицы Едыге, Кадырберди у дворца слез с коня и вошел во внутренние покои. Там на самом почетном месте возлежал Едыге. Кадырберди сел ему на грудь и на вопрос, кто он, отвечал словами всадника, некогда встреченного Нуралином на пути к Тохтамышу:

На небосклоне четыре звезды, уже занимается заря,
Хвост гнедой лошади с отметиной на лбу

Теперь в четыре охвата можно скрутить
Оправился оставшийся и рассеявшийся народ;
Кадырберди-султан сделался ханом,
Как в былые времена наш народ,
Развевающееся знамя взяв в руки,
Взяв в руки тяжелый топор,
На твою, восседающий на почетном месте
Пучеглазый Едыге, я уселся спину,
И тот тяжелый день, когда-то наступивший для нас,
Наступил теперь и для вас;
И по твоему затылку настало время колотить!

Сказав это, Кадырберди трижды перепрыгнул через голову Едыге и проговорил: „если ты — доблестный витязь, то должен умереть после такого позора...“ Едыге и Нуралин умерли с горя, а Кадырберди-султан воцарился над своим народом и всю жизнь провел ханом в царстве отца своего Тохтамыша.

Несмотря на то, что главные персонажи в былине не рядового происхождения, стоят на вершине власти или стремятся к ней, местами былина проявляет интерес к обездоленным и заботливое отношение к народу. Особенно это касается Едыге. Так, когда Едыге, еще не узанный слугами титана, намеренно испугал их гневом господина, они в слезах запели:

„Подпора слабого,
Посох пешего, —
Едыге, как разыщем его?
Едыге — голодному пища,
Он — безлошадному лошадь,
Откуда явится он на выручку нам?“

Даже сам Едыге, спасаясь бегством, отказавшись от благ, обещанных Тохтамышем, так лирически подчеркивает свою бедность:

„Я потихоньку, потихоньку поеду мелкой трусой,
На саразбана [буланный мерин] навьючу свой шатер.
Меня одиноким создал бог;
Имея бедную душу, величиною с муху,
Нечего мне бояться, что отнимут ее!“

Посланные Сатемир-ханом отыскать Едыге пренебрежительно называют его „однолошадным бедняком“. Расставаясь со своим царством и народом, Тохтамыш-хан прощается с местами, где на пирах по поводу рождения сына он „бедняков и гонимых шербетом и вином до отвала напоил“, где было такое обилие, что „бедняк уравнивался с баем“. Налет религиозности — слабый и внесен в былинку требованиями поэтического стиля и бытовой реальности. Святые предки Едыге ведут себя подобно грешным людям. Рассказывая батырам Тохтамыша о своем происхождении, Едыге говорит:

Деда своего, Баба-Умара,
Я за молитвами увидал,
Бабай-Тукты-Чашты-Азиз
На своей спине меня носил.

С самым Ангелом смерти
 Шесть дней беседовал я.
 С ангелом Гавриилом
 Семь дней беседовал я.
 На Омара и Османа
 Абубекира-Сыздыка,
 На прадеда Азрет Али
 Опираясь, я ходил.
 Моему духовному главе, по имени Мухаммед,
 В его городе Мекке
 Побывав, жалобу приносил,
 Божий дом, Мекку,
 Трижды бегом бежал.
 Очистившись от всех грехов,
 Оттуда без греха возвратился я.
 Во сне меня наставляет
 Один человек в белой чалме,
 Ученый знающий человек.

При сюжетных отличиях от остальных батырских былин, былина о Едыге имеет и много сходных с ними мотивов. Едыге обладал всеми свойствами настоящего батыра. Он так характеризовал себя своим испуганным преследователям:

„Я — дерево, выросшее крепче сосны,
 Если даже ударит ураган, не содрогнусь...
 Я — скрученная ветвь дубовая.
 Нагнусь, — так не сдобровать тебе...
 Бешеную рыжую лошадь
 Шутя я часто повергал на землю.
 Кольчугу с шитым золотом воротником
 Я в схватке в клобья раздирал.
 С девяносто завязками
 Белый панцырь
 Я в бою надевал.
 Полон колчан быстролетными стрелами,
 Ими я засыпал врага“.

Подобным образом характеризуется отцом и Нуралин. Богатырский конь также имеет соответственное изображение. Батыры, посланные Тохтамышем в догон за Едыге, обещают, если он вернется, коня-аргамака:

С тонкими и прямыми, как шипья, ушами,
 С чолкой, расчесанной как косы девиц,
 С поступью чеканной и твердой,
 С подтянутым животом и подготовленного для дальнего пути,
 Тонкого, как змея,
 С дрожащими ноздрями,
 С губами как ковш,
 С коренными зубами, как дикий чеснок,
 С копытами, как обгорелое место очага,
 С ушами, как срезанный камыш,
 Ширококопытного серого с крапинами.

Дана даже программа выращивания богатырского коня (Кадырберди). Совершенно в стиле богатырских былин представлена и картина разгрома и опустошения, например, в ответе Едыге:

„С золотой насечкой твою белую орду,
 Из серебра кованые твои белые двери,
 Наводящим страх булатного копья
 Лезвием открою я.
 На почетном месте постелю постель;
 Полногрудую красавицу твою,
 Не жалея ее красоту,
 Своєю грудью я покрою.
 Изрублю твои решетки [у юрты],
 Изрубив, в топливо превращу.
 Изрежу твои туурлыки [верхний войлок юрты],
 Изрезав, потники сделаю себе.
 Девяностоглавая твоя белая орда,
 Не разграбив ее, стану ею владеть я.
 Твои гнемые табуны лучшей породы
 Табунами соберу и себе заберу.
 Твою прекрасную Ханикей, твою знатную Тиникей
 На круп своей лошади я посажу,
 Даром сделаю добычей своей“.

Что касается реторики, то стихотворные части текста былины наиболее характерны по стилю. Все речи здесь представлены законченными песнями, которые полны образами и метафорами. Если эти речи-песни имеют связь между собою, например пророчество в одной песне, а исполнение его в другой, или предложение в одной и отказ в нем в другой песне, — то вся цепь образов и метафор повторяется в них почти тождественно. Многие образы и сравнения исключительно национальны. Так, отказываясь принять милости и дары Тохтамыш-хана, Едыге приводит ироническое оправдание для отказа: пить из чашки хана он не станет потому, что губы его ветром загрязнены; шубу не наденет потому, что плечи его сыпью покрыты; охотиться, объезжая море на иноходце, не будет потому, что счастье покинуло его; аргамака не возьмет потому, что у него несчастливые колени, и т. д.

Приведем еще ряд национальных образов и метафор: Тохтамыш-хан говорит двум своим батырам, Уаку и Шуаку: „Как старый заяц, грудью встречающий врага, в темные зловещие ночи водили вы бесчисленные войска“; или батыру Кок-Жанбаю: Сорок наров тянули твой лук; чтобы показать роскошь, навьючивал ты на верблюда

Драгоценные ткани,
 Ты — бадовень на пиру,
 На голову набекрень надевал
 Ты алтайской красной лисы шапку,
 Ты — оплот моего совета,
 Ты — жемчужина моего широкого живота...
 Ты — неутомимый Дульдиль мой [легенд. конь,
 принадлежавший Азру-Али],
 Ты — сладковзвучный соловей.

Старец-предсказатель говорит, что от Тохтамыш-хана вчера ушел с гордой осанкой, с отвислыми губами отважный джигит [Едыге]. Слова владельца черного аргамака о лучшем будущем:

Хвост гнедой лошади с отметиной на лбу
Приведется ли в четыре охвата скрутить?

Характеризуя себя, Едыге говорит:

Я не погашу огонь друзей,
Не дам засветить огонь врагам.
Тем из недругов, которые не за меня,
Не позволю я сесть на девять молочно-белых лошадей,
Не позволю класть девяносто стрел в колчан.
Не дам еду, не порасспросив о роде,
Не узнав отца, другом не стану.
Недругу, не признающему меня,
Раз усевшись на грудь,
Дубиной не стану колотить.

Наиболее поэтической песнью былины является прощание Тохтамыш-хана со своим народом и царством; с истинной любовью и теплотой рисуются здесь незабываемые картины красот и изобилия родины, семейные радости и прелесть дружбы:

Места, где отец мой, став „кюев“ [зять],
Колена почтительно преклонил;
Места, где моя мать была „келин“ [сноха]
И низкий поклон отвечивала она;
Места, где с рождения прекрасная красавица моя,
Супруга моя келин была;
Места, где она была под белым покрывалом.
Места, где румянилась она,
Места, где она на шею жемчужное ожерелье надела.

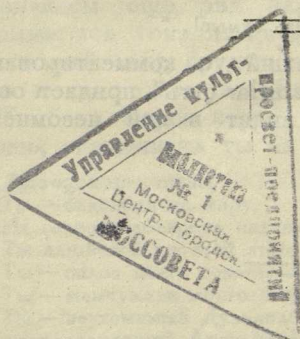
и т. д.:

„Мой каракипчак Кобланды!
При тебе, отменном герое,
Бывало сиживали мы беспечно,
На густотравии привязав кобыл,
Как тай жеребята играя, резвясь,
Плечом к плечу и тайной делясь.
Лучшим кумысом наполнив саба,
В обществе равных и друзей
И в задушевной беседе не смогу пить кумыс!..“

Сабит Муканов, редактировавший и комментировавший былины, напечатанные в I томе „Batyrlar җыгы“, придает особое значение былине о Едыге. Он видит в ней несомненные остатки древнего сложения.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Обзор казахских былин	5
Былина об Алпамысе-батыре	10
Былина о Кобланды-батыре	34
Былина о Ер-Саине	50
Былина о Ер-Тархыне	72
Былина о Шурә-батыре	87
Былина о Камбаре-батыре	115
Выводы из сопоставления казахского и русского былевого эпоса . .	124
Былина о Едыге	128

Подписано к печати 2/IV 1945 г. М-00281. Объем 9 $\frac{1}{4}$ печ. л., 11 уч.-изд. л.
Тираж 3000. Заказ № 1

Типо-литография Издательства Академии Наук СССР,
Ленинград, В. О., 9 линия, 12